

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

ГЛЕБОВА Надежда Геннадиевна

**КОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА
«РУССКОСТЬ» В НАЦИОНАЛЬНОЙ
КОНЦЕПТОСФЕРЕ И ЕГО ОБЪЕКТИВАЦИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.01 — русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Радбиль Тимур Беньюминович

Нижний Новгород — 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. Теоретические основы анализа концептов в современной науке о языке	15
<i>1.1. Основные принципы лингвокультурологического подхода в гуманитарном знании</i>	<i>15</i>
1.1.1. Цели, задачи, объект и проблематика современной лингвокультурологии	15
1.1.2. Языковая концептуализация мира в современной науке о языке ...	17
1.1.3. Языковая картина мира как феномен сознания, культуры и языка	20
<i>1.2. Концепт в современных лингвокультурологических исследованиях: объем и содержание научного понятия</i>	<i>24</i>
1.2.1. Проблема определения концепта в науке о языке	25
1.2.2. Проблема типологии концептов	34
1.2.3. Научное понятие «концептосфера»	37
<i>1.3. Принципы и методы концептуального анализа в современной лингвистике</i>	<i>39</i>
1.3.1. Когнитивные признаки, смысловой объем и семантическая структура концепта как элементы описания концепта.....	39
1.3.2. Современные методы и методики анализа концептов.....	47
<i>1.4. Обоснование концепции исследования</i>	<i>60</i>
1.4.1. Изложение теоретических принципов, методологии и методики исследования.....	60
1.4.2. Характеристика материала исследования	63
1.4.3. Описание процедуры исследования	66
<i>Выводы по содержанию I главы</i>	<i>67</i>
ГЛАВА II. Понятие «русскость» в национальной культуре и языковое воплощение концепта «русскость» в лексико-семантической системе русского языка	70
<i>2.1. Экстралингвистическое содержание понятия «русский»: история и современность</i>	<i>71</i>
<i>2.2. Объем и содержание концепта «русскость» в лексико-семантической системе русского языка</i>	<i>80</i>
2.2.1. Когнитивные признаки, смысловой объем и семантическая структура концепта «русскость» по данным лексикографических источников	80
2.2.2. Когнитивные признаки, смысловой объем и семантическая структура концепта «русскость» по данным русской фразеологии и паремиологии.....	88

2.3. Языковая объективация концепта «русскость» в лексико-семантической системе русского языка	106
2.3.1. Парадигматические особенности языковой объективации концепта «русскость»	107
2.3.2. Синтагматические особенности языковой объективации концепта «русскость»	116
2.3.3. Словообразовательные особенности языковой объективации концепта «русскость»	120
Выводы по содержанию II главы	136
ГЛАВА III. Концепт «русскость» в русской речи и в русском языковом сознании	142
3.1. Дискурсивное варьирование лексем — репрезентантов концепта «русскость» по данным Национального корпуса русского языка	142
3.1.1. Верификация когнитивных признаков концепта «русскость» по данным Национального корпуса русского языка и Интернет-мониторинга	142
3.1.2. Новые явления в дискурсной реализации лексем — репрезентантов концепта «русскость» в современной русской речи: <i>русскость</i> и <i>нерусскость</i>	161
3.2. Концепт «русскость» в сознании современных носителей русского языка: экспериментальная верификация семантического наполнения и смыслового объема концепта	173
3.2.1. Описание принятой методики и процедуры проведения цепочечного ассоциативного эксперимента	173
3.2.2. Концепт «русскость» по данным цепочечного ассоциативного эксперимента	178
Выводы по содержанию III главы	183
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	185
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	195
ПРИЛОЖЕНИЕ	224

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено комплексному описанию когнитивных признаков, смыслового объема и семантической структуры концепта «русскость» в национальной концептосфере и его языковой объективации в современной русской речи и в современном русском языковом сознании.

Сегодня в гуманитарном знании активизируется интерес лингвистов к изучению связи языка и национального мировидения в рамках так называемой лингвокультурологической парадигмы в науке о языке. Закономерно, что в центре исследовательского внимания находится анализ ключевых концептов национальной культуры, которые отражают опыт языкового освоения действительности этносом, особенности национального характера и ментальности. К таким концептам, несомненно, относится концепт «русскость», изучение которого представляется особенно важным в плане языкового отражения национальной идентичности и ее особенностей на современном этапе развития общества.

Понятие «русский» является автоэтнонимом русского народа и в этом смысле оно не может не быть главенствующим в плане культурной значимости, ценностной доминантности для носителей языка. Это понятие во многом определяет особенности понимания русскими людьми самих себя, специфику отношения русских людей к миру, их идеалов и ценностей. При этом понятие «русского» имеет значительный оценочный потенциал, как позитивного, так и негативного плана. Это обуславливает крайнее своеобразие восприятия концепта «*русскость*» в современном русском национальном сознании. Поэтому очевидна важность комплексного описания концепта «русскость», особенно в аспекте его языковой объективации в речевой практике современных носителей русского языка.

В теории и практике современного концептуального анализа для имен ряда концептов используются не слова естественного языка, а элементы ме-

таязыка, т.е. искусственные обозначения, которые создают исследователи. Учитывая значительное количество лексем, репрезентирующих представления о русском в народном языковом сознании, и отсутствие обобщающего слова абстрактной семантики, с набором нужных характеристик, мы с достаточной степенью условности обозначили анализируемый концепт посредством лексического новообразования *русскость*, чтобы придать необходимую для подобных ключевых концептов национального самосознания обобщенность и абстрактность наименования.

Актуальность исследования заключается в существенной значимости изучения концепта «русскость» для всех, кто интересуется «русским миром», и для всех, кто так или иначе разделяет его ценности и приоритеты, через призму востребованных в современном гуманитарном знании антропоцентрического, лингвокогнитивного и лингвокультурологического подходов.

Объектом исследования является национальная концептосфера на современном этапе в ее языковой объективации. Непосредственным **предметом исследования** выступает концептуальное содержание и смысловой объем концепта «русскость», воплощенные в современном русском языке.

Цель исследования — дать комплексное описание когнитивных признаков, смыслового объема и семантической структуры концепта «русскость», его языковой объективации в современной русской речи и в современном русском языковом сознании.

Указанная цель предполагает решение следующих **задач исследования**:

(1) изучить существующие в науке о языке подходы к интерпретации объема и содержания понятия «концепт», теоретические принципы исследования концептов, имеющиеся методики и процедуры концептуального анализа и на этой базе обосновать концепцию работы;

(2) раскрыть объем и содержание наивного понятия «русский» в социокультурном пространстве в экстралингвистическом аспекте;

(3) описать когнитивные признаки, смысловой объем и семантическую структуру концепта *русскость*:

- по данным словарей русского языка;
- по данным фразеологии и паремиологии; -
- по результатам анализа особенностей парадигматических, синтагматических и деривационных связей и отношений лексем — базовых репрезентантов концепта *русскость*;

(4) верифицировать выявленные ранее когнитивные признаки, смысловой объем и семантическую структуру концепта *русскость* по данным Национального корпуса русского языка;

(5) выявить новые явления в дискурсивном варьировании лексем — репрезентантов концепта *русскость* посредством анализа текстовой реализации окказиональных лексем *русскость* и *нерусскость*;

(6) изучить объективацию концепта *русскость* в языковом сознании современных носителей русского языка по данным цепочечного ассоциативного эксперимента.

Материалы для исследования:

1) данные энциклопедических источников, философских, публицистических, литературных трудов;

2) данные лексикографических источников — толковых и этимологических словарей, словарей синонимов и антонимов, словарей сочетаемости, словообразовательных и фразеологических словарей русского языка;

3) материалы Национального корпуса русского языка;

4) данные собственного Интернет-мониторинга, произведенного автором лично;

5) данные, полученные в результате проведения цепочечного ассоциативного эксперимента.

Объем обследованного материала. Всего в словарных и текстовых материалах исследовано более 1000 словоупотреблений лексем — репрезентантов концепта *русскость*: *русский* — существительное и прилагательное (с учетом форм словоизменения типа *русские*), *нерусский*, *по-русски*, *русскость*, *нерусскость*, *обрусеть* и др. Учет проводился по 728 расширенным контек-

стам (текстам или фрагментам текста, где встречается лексема — репрезентант концепта), представленным в Национальном корпусе русского языка.

Степень изученности вопроса. Представления о русском и о русских с самого начала русской цивилизации, насчитывающей уже более чем тысячелетнюю историю, имеют серьезную традицию изучения в трудах философов, богословов, общественных и культурных деятелей, историков, путешественников, писателей и публицистов.

Мы не ставим своей целью дать всестороннее описание содержания этого понятия на протяжении всей его истории, ограничиваясь лишь выделением главных «культурных» тем, связанных с отражением «русскости» в истории отечественной гуманитарной мысли и в ее современном состоянии.

Осознание собственной непохожести, своего пути в мире для предков современных русских началось еще в конце I тысячелетия нашей эры. Не случайно, что и само словосочетание «русский мир» впервые было употреблено еще во второй половине XI в «Слове на обновление Десятинной церкви». Сама же цивилизационная концепция «русского мира» берет свое начало в деятельности графа С.С. Уварова (1833) [Кочеров 2014]

Становление идеи о цивилизационном и культурном своеобразии русского мира в истории русской философской и общественной мысли начинается как реакция на идеи П.Я. Чаадаева, который в 1836 г. высказал мысли об отсутствии какой-либо оригинальности русской культуры. В полемическом отталкивании от этой идеи шла деятельность философов-славянофилов середины XIX в. — И.В. Киреевского и А.С. Хомякова. Далее представления об особом духовном пути России были развиты в трудах Н.Я. Данилевского и В.С. Соловьева. Русские философы «серебряного века» Д.С. Мережковский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский углубили мысль об особом типе русской цивилизации. В первой половине и в середине XX в. эту линию подхватили так называемые «евразийцы» (Н.С. Трубецкой и др.), последователем которых можно считать Л.Н. Гумилева [Гройс 1992]. В наши дни эту линию развивают историки и политологи В.А. Тишков [Тишков 2007], О.Н.

Батанова [Батанова 2009], О.А. Платонов [Платонов 2010], С.Н. Кочеров [Кочеров 2014], и др., философ Б. Гройс [Гройс 1992], П.Г. Щедровицкий [Щедровицкий 2015] и др.

Современные энциклопедические источники, среди которых можно назвать книгу Л.Н. Гумилева «От Руси к России» [Гумилев 2004], историко-этнографические очерки о русских «Русские. Историко-этнографический атлас» [Русские 1967], «Русские» в «Серии «Народы и культуры», т. I [Русские 1999], работу К.В. Чистова «Русские» в продолжающемся издании «Народы мира: Историко-этнографическая справка», т. I [Чистов 1988], коллективное издание «Русские: этническая гомогенность? (Опыт социол. исслед.)» [Кожевникова, Рыбаковский, Сигарева 1998], а также соответствующую статью «Русские» в «Большой Советской энциклопедии», т. 22 [БСЭ 1975] и др., также с разных сторон трактуют грани многомерного понятия «русский».

Однако собственно лингвистическое изучение этой проблемы началось сравнительно недавно. Из крупных исследований на эту тему следует, прежде всего, назвать известный словарь Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» (1997), в котором выделяется четыре тематических области понятия «русский, русь»: этнографическое, социальное, географическое и политическое понимания [КСКТ 1997]. Лингвостановедческое направление в лексикографических проектах, посвященных самым разнообразным граням понятий «Россия» и «русские», представлено в словаре «Россия. Большой лингвострановедческий словарь», который создан учеными ГИРЯ им. А.С. Пушкина [РБЛС 2007].

Историко-лингвистический анализ разных аспектов этого понятия представлен, например, в работах В.В. Колесова [Колесов 2004]. Современный этап исследований в этом направлении, включающем анализ и оценку разного рода стереотипов, прототипов, образов русских, представлен, например, в работах Е.Л. Березович [Березович 2011, 2012 и 2014; Березович, Казакова 2015], М.К. Голованивской [Голованивская 2009], Л.А. Климковой [Климкова 2016] и др.

Так, в работе М.К. Голованивской апробирован сопоставительный подход к анализу феномена «русскости» посредством параллельного анализа ряда ключевых концептов русской и французской лингвокультур [Голованивская 2009]. В исследованиях Л.А. Климковой рассматривается специфика языкового воплощения «совокупности, системы исконных этнических черт русского народа, русской культуры, русской национальной идентичности — русскости» [Климкова 2016: 381].

Особенно ценным источником теоретических знаний и аналитического материала для нашей работы являются труды Е.Л. Березович., в которых представлен крайне интересный опыт фронтального анализа наивных представлений о Руси и русском на материале русской диалектной и общенародной лексики. Принципы анализа, предложенные Е.Л. Березович, во многом сходны с разрабатываемыми в настоящем исследовании, хотя ее анализ и осуществляется на несколько ином материале. В монографии «Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция» (2014) и в ряде других работ Е.Л. Березович впервые вводит в научный оборот обширные данные апеллятивной и проприальной лексики, фразеологизмов и иных данных этнографического характера, собранные за пятидесятилетнюю работу в полевых экспедициях ученых Уральского федерального университета по территории Русского Севера (Архангельская и Вологодская области), Костромской и Ярославской областей, Среднего Урала и Западной Сибири [Березович 2014].

Избранный нами подход во многом опирается на принципы анализа, предложенные в работах Е.Л. Березович, и учитывает в ходе исследования ее обширный и разнообразный материал, с той лишь разницей, что в центре нашего внимания находятся факты русского литературного языка в исторической перспективе и в современном функционировании, а в качестве источника материалов выступают данные словарей русского литературного языка, Национального корпуса русского языка и цепочечного ассоциативного эксперимента.

В целом отметим, что по предлагаемой нами исследовательской программе комплексного концептуального анализа, разработанной на кафедре преподавания русского языка в других языковых средах филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, данный концепт еще не исследовался. Кроме того, мы предполагаем ввести в исследовательский оборот новый материал, связанный с новейшими данными Национального корпуса русского языка, которые показывают серьезные инновации в объеме и содержании данного концепта, а также в его коннотативно-оценочной сфере.

Новизна исследования, таким образом, состоит, прежде всего, во введении в научный обиход нового предмета и материала для научного анализа в аспекте избранного нами когнитивно ориентированного подхода к описанию значимых феноменов национальной культуры, а также в экспериментальном исследовании по данной проблематике, которое раньше не проводилось. Также практически не изученными являются особенности функционирования таких репрезентантов концепта *русскость*, как окказиональные лексемы РУССКОСТЬ и *нерусскость*, описанные в данной работе.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении понимания концепта, его смыслового наполнения и языковой экспликации, а также основных принципов методики концептуального анализа на примере этнонимического концепта, объединяющего в своем концептуальном содержании самые разные денотативные и оценочные компоненты

Практическая значимость исследования связана, прежде всего, с возможностью применить его результаты в вузовских курсах преподавания современного русского языка, в теоретических курсах по лексикологии, в спецкурсах и спецсеминарах по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике, в составлении словарей нового типа – словарей концептов и лингвокультурных тезаурусов, а также в методике выявления имплицитной информации при анализе манипулятивных стратегий использования этнонимов в дискурсах активного воздействия (рекламном, медийном и политическом) в судебной и внесудебной экспертной деятельности лингвиста по делам о не-

надлежащей рекламе и об экстремизме, как это представлено, например, в работах [Радбиль, Юматов 2013; Радбиль, Юматов 2015].

Методологической основой исследования являются теоретические принципы в области изучения языковой концептуализации мира, представленные в работах В.фон Гумбольдта, Ю.Д. Апресяна и Н.Д. Арутюновой, идеи лингвокультурологического анализа концептов в трудах С.А. Аскольдова, С.Г. Воркачева, В.В. Колесова, В.И. Карасика, Д.С. Лихачева, З.Д. Поповой, Т.Б. Радбиля, Г.Г. Слышкина, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, Л.О. Чернейко, и др.

Методы и методики исследования. В работе использована методика концептуального анализа, разработанная на основе идей ученых Воронежской школы анализа концептов на кафедре преподавания русского языка в других языковых средах Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского, и экспериментальная методика цепочечного ассоциативного эксперимента. Кроме этого, использованы методы традиционного лингвистического описания, этимологического анализа, компонентного анализа лексики, контекстуального анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Адекватное описание семантического наполнения, смыслового объема и семантической структуры концепта *русскость* должно осуществляться посредством комплексного анализа экстралингвистического содержания соответствующего понятия и его языковой объективации по данным словарей, фразеологического и паремиологического фонда, а также особенностей парадигматической, синтагматической и деривационной актуализации лексем — репрезентантов данного концепта.

2. Полученные в результате анализа энциклопедических и лексикографических источников, фразеологического и паремиологического фонда данные следует верифицировать и уточнить посредством анализа текстовых данных Национального корпуса русского языка и данных цепочечного ассоциативного эксперимента.

3. Анализ семантической структуры и смыслового объема концепта *русскость* показывает его значительный оценочный потенциал: семантическое развитие данного концепта идет в сторону увеличения количества оценочных когнитивных признаков, причем развиваются как положительно-оценочные, так и отрицательно-оценочные смыслы. Но возможности развития позитивно-оценочных смыслов в концептуальном содержании концепта «русскость» значительно превышают возможности негативного осмысления «русскости» в национальной концептосфере.

4. Новые явления в сфере функционирования лексем — репрезентантов концепта *русскость* наиболее ярко представлены в дискурсивном варьировании окказиональных лексем *русскость* и *нерусскость*; полученные результаты позволяют постулировать антиномический по отношению к концепту *русскость* концепт *нерусскость* со специфическим объемом и содержанием.

5. Данные цепочечного ассоциативного эксперимента демонстрируют сохранение и дальнейшее развитие в языковом сознании носителей языка тех доминантных смысловых компонентов концептуального содержания концепта «русскость», которые были выявлены ранее; итоги эксперимента также обнаруживают преобладание позитивно-оценочных коннотаций над негативными в представлении этого концепта носителями языка, в духе таких исконных ценностей русской культуры, как любовь к месту, где ты родился, к своей большой Родине — России, к ее истории и традициям, к ее народу.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были изложены в ряде научных статей, докладов и тезисов. Работа прошла апробацию на международных и российских научных конференциях: Международная научная конференция, посвященная памяти д.ф.н., профессора К.А. Войловой «Русский язык в славянской межкультурной коммуникации» (Москва: МГОУ, 2017); XVIII Международная научно-практическая конференция «Современные тенденции в науке и образовании» (Москва, 2017); V Международная научная конференция «Национальные коды в языке и литературе» (Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского); X Все-

российская научно-практическая конференция с международным участием «Наука молодых» (Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017); VI Всероссийская научная конференция с международным участием «Язык и репрезентация культурных кодов» (Самара: Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, 2017); XI Всероссийская научная конференция молодых ученых «Наука. Технологии. Инновации» (Новосибирск: НГТУ, 2017); VIII Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы региональной фольклористики и исторического краеведения», приуроченная к 200-летию со дня рождения П.И. Мельникова-Печерского (VIII Карповские чтения) (Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018).

Исследование обсуждалось на аспирантском семинаре кафедры современного русского языка и общего языкознания и на заседании кафедры современного русского языка и общего языкознания ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложения. Общий объем исследования — 224 с.

Во **введении** характеризуются актуальность, объект, предмет и материал исследования, цель и задачи работы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методологическая база и методы исследования, излагаются положения, вынесенные на защиту.

В **первой главе** раскрываются теоретические принципы и концептуальная база исследования, обосновывается концепция работы.

Во **второй главе** рассматриваются семантическое наполнение, смысловой объем и семантическая структура концепта *русскость* по данным словарей, фразеологического и паремиологического фонда, особенности его языковой объективации в парадигматическом, синтагматическом и деривационном аспектах.

В **третьей главе** анализируется дискурсивное варьирование лексем — репрезентантов концепта *русскость* по данным Национального корпуса русского языка и верификация данных посредством цепочечного ассоциативного эксперимента.

В **заключении** содержатся основные результаты, и обосновываются перспективы исследования.

Библиографический список включает в себя три раздела: источники; научная и научно-методическая литература; словари и энциклопедии — и содержит 266 наименований.

В **приложении** представлен образец анкеты для проведения цепочечного ассоциативного эксперимента.

ГЛАВА I. Теоретические основы анализа концептов в современной науке о языке

1.1. Основные принципы лингвокультурологического подхода в гуманитарном знании

1.1.1. Цели, задачи, объект и проблематика современной лингвокультурологии

В современной науке о языке явственно прослеживается установка на междисциплинарность. Новое гуманитарное знание сегодня добывается на «стыке наук» — философии, психологии, культурологии и лингвистики. Этому способствует сложившееся в гуманитаристике новое понимание языка не просто как средства общения, не просто как системы и структуры, но, прежде всего, как инструмента познания мира, как источника важнейших сведений о миропонимании и системе ценностей его носителей.

Ср. в этом плане мнение В.И. Карасика, который характеризует язык как многомерное образование, которое органически входит в наиболее общие феномены бытия: как важнейшее средство общения язык рассматривается в качестве компонента коммуникативной деятельности; как важнейший способ преобразования мира, информационного обеспечения и межличностной регуляции язык анализируется в качестве средства воздействия, побуждения людей к тем или иным действиям, к фиксации социальных отношений; как важнейшее хранилище коллективного опыта язык является составной частью культуры [Карасик 2001: 6].

Все это обусловило возникновение так называемой «лингвокультурологической парадигмы» в современной науке о языке. Она основана на положении об антропоцентрическом характере природы и сущности языка. Предпосылками для возникновения этой науки как самостоятельной отрасли

знаний были работы таких выдающихся ученых, как В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, Э. Сепир и Б.Л. Уорф, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др. «В развитии лингвокультурологии выделяют следующие периоды: первый — предпосылки развития науки; второй — оформление лингвокультурологии как самостоятельной области исследования; в данный момент начинает складываться третий период — развитие фундаментальной междисциплинарной науки — лингвокультурологии» [Маслова 2001: 28].

В.И. Карасик указывает основные факторы, способствующие развитию лингвокультурологии как значимого междисциплинарного научного направления на современном этапе:

1) человечество переживает этап глобализации мировых проблем, что требует максимально учитывать универсальные и специфические характеристики поведения и общения различных народов, знать заранее те ситуации, в которых велика вероятность межкультурного непонимания, возросла значимость обозначения культурных ценностей, которые лежат в основе коммуникативной деятельности;

2) активно протекает объективная интеграция развития гуманитарных наук, что вызывает необходимость освоения лингвистами результатов сложных отраслей научного познания: психологии, социологии, этнографии, культурологии, семиотики и др.; многие факты, накопленные языковыми дисциплинами, требуют своего осмысления в лингвокультурологическом аспекте в соответствии с традицией, идущей от В. фон Гумбольдта;

3) лингвокультурологические исследования являются прикладной стороной лингвистического знания, понимания языка как средства концентрированного осмысления коллективного опыта, закодированного в семантике лексем, его фразеологических единицах, в текстах, языковых ситуациях и пр. [Карасик 2001: 8].

Язык в рамках лингвокультурологического подхода рассматривается как феномен, играющий значимую роль в социальной и национальной идентификации личности. Именно эти аспекты нового подхода раскрывает В.А.

Маслова: «Язык служит средством накопления и хранения культурно-значимой информации. В некоторых единицах эта информация для современного носителя языка имплицитна, скрыта вековыми трансформациями, может быть извлечена лишь опосредованно. Но она есть и «работает» на уровне подсознания (например, на слово-стимул СОЛНЦЕ испытуемые дают ответы, среди которых есть идущие от семантики мифа — *луна, небо, глаз, Бог, голова* и др.)» [Маслова 2001: 11].

В.В. Воробьев определяет цель, задачи и проблематику лингвокультурологии следующим образом: «Лингвокультурология — комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве языкового и внеязыкового содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления» [Воробьев 1997: 37].

Современная лингвокультурология изучает язык как один из наиболее важных источников информации о культуре определенного народа. Язык как зеркало культуры отражает не только реальный мир, окружающий человека, но и менталитет народа.

1.1.2. Языковая концептуализация мира в современной науке о языке

Отличительной чертой современных лингвокультурологических изысканий является активное освоение завоеваний когнитивной лингвистики и концептуального анализа языка. Можно условно считать, что современная лингвокультурология вообще выступает как когнитивно ориентированное направление научных исследований. Во многом это обусловлено использованием таких теоретически значимых научных понятий, как *языковая концептуализация мира*. Именно с языковой концептуализацией мира связан

феномен бытования концептов как значимых элементов культурного самосознания этноса.

Вообще говоря, концептуализация мира не обязательно связана именно с языком. Возможны разные виды концептуализации, например, научный, религиозный, художественный ее типы. Но именно *языковая концептуализация мира* представляется более фундаментальным типом концептуализации, так как является основой для всех остальных. В языке откладываются все достижения в сфере познавательной активности народа и человека. Язык как бы «прививает» людям определенный ракурс в видении мира, определяет характер взаимодействия со средой и отношения к миру.

Языковая концептуализация мира является той средой, где с помощью языка осуществляется познавательная и ценностная деятельность этноса и человека по открытию и фиксации «новых квантов знания» [Токарев 2003: 17]. Новое знание закрепляется и объективируется для носителей языка потому, что приобретает знаковую форму выражения. Знаковая система — это система *условностей*, которая делает возможным удержание того, что когда-то было осмыслено. А язык — одна из самых главных знаковых систем. В соответствии с представлениями современной семиотики только язык выступает как первичная моделирующая система. Все остальные являются вторичными, они производны от языка и объясняются с помощью языка [Лотман, Успенский 1971; Иванов 1978; Успенский 1996 и 2007].

Понятие языковой концептуализации мира раскрывает Ю.Д. Апресян. Широко известна его мысль о том, что в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. В способе мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка. При этом образ мира, запечатленный в языке, во многих существенных деталях отличается от научной картины мира [Апресян 1986: 5-33].

Именно Ю.Д. Апресян вводит в научный оборот отечественной науки о языке понятие «наивная модель мира», или «наивная картина мира». Идея

ученого состояла в том, что языковые значения связаны с реальностью не напрямую, а через «отсылку к определенным деталям наивной модели мира, как она представлена в данном языке». Таким образом, лингвисты получают возможность для выявления универсальных и национально своеобразных черт в семантике естественных языков, а также увидеть систему за языковыми фактами, которые представлялись разрозненными, не связанными между собой. Правда, это уже не языковая система, а система элементов знания о мире, стоящих за значениями языковых единиц. Важно также отметить, что «наивная модель мира отнюдь не примитивна. Во многих деталях она не уступает по сложности научной картине мира, а может быть, и превосходит ее» [Апресян 1986: 5-9 и далее].

В исследованиях Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева, авторов коллективной монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира» (2005), теоретические основы, заложенные Ю.Д. Апресяном, получают новый импульс развития. Ссылаясь на Анну Вежбицкую, авторы указывают на то, что «ряд слов и выражений любого естественного языка следует считать «ключевыми», если они служат своего рода ключом к пониманию каких-то важных особенностей культуры народа, пользующегося данным языком. Речь идет о каких-то представлениях о мире, свойственных носителям русского языка и русской культуры и воспринимаемых ими как нечто самоочевидное. Эти представления находят отражение в семантике языковых единиц, так что, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка одновременно сживается с этими представлениями, а будучи свойственными (или хотя бы привычными) всем носителям языка, они оказываются определяющими для ряда особенностей культуры, пользующейся этим языком» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 17–18].

В целях нашего исследования важно положение авторов о том, что «владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке. Поскольку конфигурации идей, заключенные в значении слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разу-

меющееся, у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь. Но при сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются значительные расхождения между ними, причем иногда весьма нетривиальные» [там же: 18].

Результатом процесса языковой концептуализации мира является языковая модель, или *языковая картина мира*.

1.1.3. Языковая картина мира как феномен сознания, культуры и языка

Комплекс научных идей, связанных с проблематикой отражения в языке мировидения народа, восходит к В. фон Гумбольдту. Он впервые выдвинул положение о единстве «духа народа» и языка: «Язык и духовная сила народа развиваются не отдельно друг от друга и последовательно один за другой, а составляют исключительно и нераздельно одно и то же действие интеллектуальной способности» [Гумбольдт 1984: 68]. Знаменитое высказывание В. фон Гумбольдта о том, что «язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное», в настоящее время является программным тезисом фактически для всех этнолингвистических и лингвокультурологических исследований.

Сегодня под терминосочетанием *языковая картина мира*, при всех теоретических расхождениях в трактовках понятия, в общем виде понимается некий целостный образ физической, социальной и психологической реальности, который формируется у этноса, референтной социальной группы или индивидуума в результате «членения» действительности, т.е. ее концептуализации через посредство этнического языка.

Термин «языковая картина мира» (*Weltbild der Sprache*), сначала в не-терминологическом использовании, впервые употребил в работе «Родной язык и формирование духа» (1929) Й.-Л. Вайсгербер: «Словарный запас конкретного языка включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков

также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определённую картину мира и передаёт её всем членам языкового сообщества» [Вайсгербер 1993: 153].

Сегодня научное понятие «языковая картина мира» стало общепризнанной основой для изучения национальной и культурной специфики языка, для исследований в области социальной обусловленности языка в разных стратах общества, для анализа языковой личности и т.д. В современной лингвистике концепция языковой картины мира разрабатывается такими учеными, как Ю.Д. Апресян, Т.В. Булыгина, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков, Анна А. Зализняк, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, О.А. Корнилов, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, В.И. Постовалова, Т.Б. Радбиль, Б.А. Серебренников, Ю.С. Степанов, А.Д. Шмелев и др.

Идея о том, что усвоение языка означает одновременно и усвоение некой программы в восприятии и понимании мира, которая восходит к принципу «лингвистической относительности Э. Сепира и Б.Л. Уорфа [Уорф 1960а и 1960б; Сепир 1993], была востребована в отечественной лингвистике еще в 60-е–70-е гг. XX в. — см., например [Иванов 1978]. А в конце 80-х гг. под ред. Б.А. Серебренникова вышел широко известный сборник «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира».

В работах этого сборника отчетливо прослеживается мысль о наследуемости картины мира через посредство языка в условиях «вертикально» межпоколенной передачи опыта его носителями. Вслед за усвоением языка как системы и принципов её функционирования у человека складывается тот образ мира, который подразумевает усвоенная им информация. Еще одна важная идея заключалась в том, что языковая картина мира представляет собой «определённый способ видения мира, охватывающий значительную

часть его восприятия вообще» [Роль человеческого фактора в языке 1988: 114]. Но это — не слепое копирование реальности, а ее творческое, креативное моделирование как результат осмысления определённым народом явлений действительности.

Языковая картина мира — это тот общий фундамент мыслительных представлений о реальности, который имеется у носителей языка при всех их различиях. Это своего рода инвариант представлений о реальности, отраженный в семантической системе данного языка. Не случайно современный исследователь О.А. Корнилов использует понятие *вербализованной системы «матриц»*, «в которых запечатлен национальный способ видения мира, формирующий и предопределяющий национальный характер» [Корнилов 2003: 80].

Языковая картина мира предстает как единство трех аспектов, связывающих сознание, культуру и язык: во-первых, она выступает как феномен сознания (продукт концептуализации как свойства сознания); во-вторых, она является феноменом культуры (создается на базе культуры, передает и формирует культуру); в-третьих, она представляет собой феномен непосредственно языка (формируется средствами языка, хранится в системе языка и передается языком) [Карасик 2002].

В нашем исследовании языковая картина рассматривается в духе идей, которые, вслед за А. Вежбицкой, развивают авторы коллективной монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира» (2005). В частности, Анна А. Зализняк указывает: **«“Языковой картиной мира” принято называть совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка (полнозначных лексических единиц, “дискурсивных” слов, устойчивых сочетаний, синтаксических конструкций и др.), которые складываются в некую единую систему взглядов, или предписаний — по выражению А. Вежбицкой, “культурных сценариев” (таких как, например: *хорошо, если другие люди знают, что человек чув-***

ствует...») [Зализняк 2006: 206-207]. Именно из этого определения мы и будем исходить в нашей работе.

В целях нашего исследования важно указание ученых на то, что языковая картина мира образуется посредством совокупности ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей (так как они дают «ключ» к ее пониманию). Так, например, ключевые для русской языковой картины мира концепты заключены в таких словах как *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость* (сами эти слова тоже могут быть названы ключевыми для русской языковой картины мира). Такие слова являются *лингвоспецифичными (language-specific)* — в том смысле, что для них трудно найти лексические аналоги в других языках. Наряду с такими культурно-значимыми словами-концептами к числу лингвоспецифичных относятся также любые слова, в значение которых входит какая-то важная именно для данного языка (т. е. ключевая) идея. Таковы, в частности, слова *собираться, добираться* (куда-то), *постараться* (что-то сделать); *сложилось, довелось; обида, вопреки; заодно* и др. То, что некоторая идея является для данного языка ключевой, подтверждается, с одной стороны, тем, что эта же идея повторяется в значении других слов и выражений, а также иногда синтаксических конструкций и даже словообразовательных моделей, а с другой стороны — тем, что именно эти слова хуже других переводятся на иностранные языки [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005].

В работах В.И. Карасика указанные явления, именуемые «ключевыми идеями», трактуются как «культурные доминанты» [Карасик 1996: 3–15], О.А. Корнилов предлагает называть эти явления «культурно-этнические доминанты», которые «детерминируют национальные особенности поведения, мироощущения и мирооценки» [Корнилов 2003: 180].

Таким образом, именно изучение ключевых идей или доминант дает надежную основу для исследовательского моделирования национальных и культурных особенностей этнического миропонимания. Носителями указанных доминант выступают концепты национальной культуры. Именно кон-

цепты большинством исследователей сегодня признаются в качестве ключевых знаков национальной культуры.

1.2. Концепт в современных лингвокультурологических исследованиях: объем и содержание научного понятия

В современном гуманитарном знании термин «концепт» является одним из распространенных междисциплинарных научных понятий, которое, кроме лингвистики, используется также в философии, семиотике, психологии, культурологии, социологии, антропологии и этнографии, теории массовой коммуникации, эстетике и искусствоведении, литературоведении и фольклористике и пр.

«Природа познается извне, культура — изнутри. Ее познание рефлексивно. Чтобы в нем разобраться, нужно проанализировать метаязык культуры, и прежде всего ее ключевые термины, такие, как «истина» и «творчество», «долг» и «судьба», «добро» и «зло», «закон» и «порядок», «красота» и «свобода». <...>.Мировоззренческие понятия личностны и социальные, национально специфичны и общечеловечны. Они живут в контекстах разных типов сознания — обыденном, художественном и научном. Это делает их предметом изучения культурологов, историков религий, антропологов, философов и социологов» [Арутюнова 1991: 3].

Существует предельно общее, логико-философское понимание концепта, который трактуется как мыслительная форма познания мира, противостоящая понятию. В психологии и когнитивной науке концепт выступает как формат знания, как ментальная репрезентация информации и мире в «голове человека», как феномен памяти / или воображения. В эстетике, искусствоведении, литературоведении и фольклористике под концептом понимают некий значимый фрагмент смысла в художественном мире творца.

Нам ближе всего культурологическая интерпретация концепта как носителя культурно-значимой информации любой степени общности — этни-

ческой, социальной, личностной. По мнению Н.Д. Арутюновой, концепт «становится как бы контрагентом людей. Люди постоянно взаимодействуют друг с другом и с природой, но они осмысливают это взаимодействие через отношения с отвлеченными понятиями, получающими символическую значимость» [Арутюнова 1991: 3]. Именно такой подход к пониманию концепта присущ и современной парадигме лингвокультурологических исследований.

1.2.1. Проблема определения концепта в науке о языке

В отечественном гуманитарном знании впервые о концепте упоминается в известной статье философа С.А. Аскольдова-Алексеева «Концепт и слово» (1928). Концептом ученый именует «неуловимое мелькание чего-то в умственном кругозоре, происходящем при быстром произнесении и понимании таких слов как «тысячеугольник», «справедливость», «закон», «право» и т.п.». Это «нечто», «не вызывая никаких художественных «образов», создает художественное впечатление, имеющее своим результатом какие-то духовные обогащения» [Аскольдов 1997: 267–268]. Нетрудно видеть, что перед нами — обобщенно-философское понимание концепта, вне привязки к национальной или индивидуальной специфике восприятия.

Погружение тематики концепта в контекст национальной культуры произошло позднее, в 60-е гг. XX в. Это связано с именем академика Д.С. Лихачева. В статье «Концептосфера русского языка» Д.С. Лихачев отмечает, что концепт «не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Рассматривая, как воспринимается слово, значение и концепт, мы не должны исключать человека. Потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека. И слово, и его значения, и концепты этих значений существуют не сами по себе в некоей незави-

симой невесомости, а в определенной человеческой “идеосфере”» [Лихачев 1997: 281].

В концепции Д.С. Лихачева под концептами понимаются некие «подстановки значений, скрытые в тексте как некие «заместители», некие «потенции» значений, облегчающие общение и связанные с человеком, его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом». Концепт, таким образом, будучи культурным потенциалом развития значения слова, является для говорящего на национальном языке условием творчества, развития стандартной общеязыковой семантики, индивидуально-авторского преобразования семантики и оценочной сферы. Также в работе Д.С. Лихачева был впервые поставлен вопрос о концептосфере — некой целостности, которую образует «совокупность концептов отдельных значений слов, зависящих друг от друга» [там же: 282].

Новые импульсы к развитию научное понятие «концепт» получает в 80-е–90-е гг. XX в. Причем в работах лингвистов концепт получает то по преимуществу когнитивную, то по преимуществу культурологическую интерпретацию, что является отражением изначальной неоднозначности и некой «расплывчатости», заложенной в этом термине.

Когнитивное понимание концепта связано с интерпретацией концепта как формата знаний о мире, как средства познания мира, инструмента так называемой «когниции». Такое понимание присуще, в частности, Е.С. Кубряковой, которая определяет концепт как «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [Кубрякова 1994: 90].

Концепт как отражение определенных структур наших знаний о мире в языке представлен в работах О.Л. Чернейко: «Концепт имени охватывает языковое преломление всех видов знания о явлении, стоящем за ним, — знание эмпирическое, знание по мнению, знание по доверию, знание по вере, то есть всё то, что «подведено под один знак и предопределяет бытие знака как

известной когнитивной структуры, а также составляет объем и содержание языкового знания» [Чернейко 1997: 287].

Н.Ф. Алефиренко также считает концепт «когнитивной (мыслительной) категорией, квантом знания, сложным, жестко не структурированным смысловым образованием описательно-образного и ценностно-ориентированного характера» [Алефиренко 2003: 17].

Концепт кодируется в сознании индивидуальным чувственным образом, выступающим как чувственный компонент содержания концепта. Тем самым концепт является базовой единицей универсального предметного кода (УПК) человека [Попова, Стернин 2007: 34]. Чувственный компонент содержания концепта кодирует рациональную информацию в виде предметного образа, который свойственен всем людям независимо от каких-либо условий.

В работе З.Д. Поповой и И.А. Стернина выделяются следующие способы формирования концептов: (1) восприятие действительности органами чувств; (2) из предметной деятельности человека; (3) из мыслительных операций с уже существующими концептами; (4) из языкового общения; (5) из самостоятельного познания языковых единиц. Данные способы могут и самостоятельно формировать концепт, и комплексно. Только в сочетании разных видов восприятия формируется полноценный концепт в сознании человека. Таким образом, язык является одним из способов формирования концептов [Попова, Стернин 2003 и 2007].

Проблема соотношения концепта и слова, концепта и значения.

Следует отметить, что концепт в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами. Ведь человек видит окружающий мир в соответствии с теми ситуациями, в которых он оказывается. Он актуализирует в процессе мыслительной деятельности разные признаки и их совокупности. При этом признаки или совокупности признаков познанного концепта вполне могут и не иметь стандартного языкового обозначения в родном языке человека.

Концепт в когнитивно-лингвистической интерпретации является разновидностью более общей сущности, которая, благодаря работам А. Пайвио, именуется «ментальная репрезентация». Ментальные репрезентации — это общее понятие целого ряда разнотипных форм представления знаний в картине мира этноса, социума или личности, к которым относятся, в частности, *концепты, образы, картины, символы, прототипы, стереотипы, архетипы, идеологемы, мифологемы, геишталты, пропозиции, прототипические ситуации, концептуальные схемы, сценарии, фреймы* и т.д.

А. Пайвио, согласно данным «Краткого словаря когнитивных терминов» подразделяет все ментальные репрезентации на картиноподобные (когда для представления чего-то используются картинки, образы, рисунки, схемы и т.п.) и языкоподобные (это все репрезентации языковых единиц — слов, их частей, предложений, клишированных конструкций и т.п., но, главное — пропозиций) [КСКТ 1996].

Отсюда и следует, что концепт не обязательно имеет вербальную форму выражения: «Концепт как единица концептосферы может иметь словесное выражение, а может и не иметь» [Попова, Стернин 2003: 36]. Но, по мнению большинства ученых [Вежбицкая 1997; Чернейко 1997 и др.], самые важные концепты кодируются именно в языке, пусть и особым образом, не сводимым к стандартной интерпретации семантики единиц языка в языковой системе. Так, по мнению Л.О. Чернейко, в котором она следует за Д.С. Лихачевым, концепт — это не значение слова, это своего рода память слова, его смысловой резервуар. Пока он пуст, если в обыденном общении это не нужно, но при надобности можно легко наполнить его смыслами [Чернейко 1997: 203].

Концепты — единицы сознания, отражающие не только существенные признаки объекта, но и все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности. Концепт не имеет формы, т.к. он есть «внутренняя форма»; в границах словесного знака раскрывается лишь малая часть его когнитивных признаков, которые выражаются в понятиях, дефинициях [Те-

лия 1996]. А языковой знак представляет концепт в языке не в полном объеме, но зато объективирует некоторые смысловые признаки концепта, делает их явными для носителей языка.

Можно сказать, что у концепта есть невербализованная и вербализованная составляющие. Вербализованными и невербализованными могут быть как сам концепт, так и его отдельные смысловые части. Однако вербализация концепта переводит его в особый статус. Наличие языкового выражения для концепта, регулярность вербализации поддерживают концепт в стабильном состоянии, делают его общеизвестным для носителей языка. Благодаря этому концепт получает возможность выступать как транслятор важных культурных смыслов в языковом сообществе.

В сборнике «Лакуны в языке и речи» выделяют следующие варианты соотношения концепта, значения и лексемы:

1) Есть концепт, нет семемы, нет лексемы. Например, есть концепты «сухое вещество, собирающееся в уголке глаза», «говорить умные вещи», не имеющие ни конкретной, ни потенциальной номинации.

2) Есть концепт, есть потенциальная семема, нет лексемы. Есть концепт и слово «работодатель», но нет слова «работобратель», т.е. лицо, получающее работу.

3) Есть концепт, есть семема, есть лексема. К данной группе относятся лексемы *хлеб*, *травы* и др.

4) Нет концепта, нет семемы, нет лексемы. В данном случае следует говорить о крайнем случае проявления национальной специфики языка и концептосферы. Так, в русском сознании отсутствует такой концепт, как *privacy*, который очень распространен в англо-американской среде. Для обозначения таких явлений используется калькированный перевод. Таким образом, в русском языке *privacy* определяется как приватность [Лакуны 2003: 219–220].

Таким образом, концепт богаче по содержанию, чем имеющиеся лексические средства для его объективации. Лишь совокупность всех репрезента-

ций может передать полное содержание концепта, т.к. концепт и значение — продукты деятельности разных видов сознания.

Итак, с одной стороны, концепт как ментальное образование не соотносится напрямую с семантикой слова как образованием вербальным. С другой стороны, возникает проблема разграничения концепта и с другими формами мыслительной деятельности, которые давно изучены в науке, — прежде всего с **логическим понятием** как с базовой формой мысли (наряду с суждением и умозаключением) в формальной логике.

Концепт и логическое понятие. Концепт следует отличать от логического понятия по способу отражения действительности в мысли о мире. Концепт в этом плане тяготеет не к понятию, а к такой форме, как представление, потому что не обязательно является результатом логического типа мышления. Поэтому для концепта возможны невозможные для понятия свойства — образность, оценочность, субъективность, расплывчатость денотативного содержания и т.д.

В этом же ключе рассуждает и Л.О. Чернейко, говоря о том, что понятие имеет логическое, рациональное основание, а концепт — сублогическое, при этом оно охватывает и «всё множество прагматических элементов имени, проявляющихся в его сочетаемости» [Чернейко 1997: 287].

Г.В. Токарев также отмечает такие различительные признаки концептов в сравнении с понятиями, как «во-первых, их донаучный (наивный) характер, нечёткий экстенционал, вариативный интенционал, что приводит ... к тому, что понятия объясняют происходящее, представления — нет; во-вторых, интернациональный характер первых и идиоэтнический — вторых» [Токарев 2003: 33].

Последнее замечание выводит нас на новый этап понимания концепта именно в плане его идиоэтничности, т.е. национально-культурной специфики. Лингвокультурологическая интерпретация концепта основана на постулировании единства культуры и языка как знаковых систем, организованных схожим образом. Концепты в этом плане являются посредниками в понима-

нии мира человеком. Они формируют, по мысли Н.Д. Арутюновой, «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [Арутюнова 1993: 10].

Традиция лингвокультурологического понимания концепта восходит к известному определению А. Вежбицкой, на которое ссылается Р.М. Фрумкина: концепт — это объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное представление человека о мире «Действительность» [Фрумкина 1992: 3].

О том, что концепты являются носителями и выразителями «культурной памяти» единиц языка, писали такие ученые, как Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В.И. Карасик, В.А. Маслова, Т.Б. Радбиль, Ю.С. Степанов, В. Н. Телия, А.Д. Шмелёв и др. Приведем лишь некоторые из определений концепта как единицы «языка культуры»:

- Ю.С. Степанов: «это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее» [КСРК 1997: 43];

- В.П. Нерознак: «знаменательный (сигнификативный) образ, отражающий фрагмент национальной картины мира, обобщенный в слове» [Нерознак 1998: 81];

- А.П. Бабушкин: «любая дискретная единица коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира и хранится в национальной памяти языка в вербально обозначенном виде» [Бабушкин 1999: 11];

- Г.В. Токарев: «многомерная единица ментального уровня, для которой характерны ... исторический детерминизм; широкая экстенциональность; структурированность интенционалами научных и обыденных понятий, представлений, культурных установок, идеологем, стереотипов; неоднородность содержания, проявляющаяся в синтезе конкретного и абстрактного,

рационального и эмоционального; разнообразие типов знаковых репрезентаций» [Токарев 2003: 10];

- С.Х. Ляпин: «своеобразные культурные гены, входящие в генотип культуры, самоорганизующиеся интегративные функционально-системные многомерные (как минимум трехмерные) идеализированные формообразования, опирающиеся на понятийный или псевдопонятийный базис» [Ляпин 1997: 16-18].

В ряде работ по этой тематике мы встречаем попытки акцентировать культурно-значимый аспект понятия «концепт» посредством уточнения термина определением: «культурный концепт» [Арутюнова 1991], «лингвокультурологический концепт» [Воркачев 2004] и т.п.

При этом некоторые ученые предпочитают использовать только один какой-либо термин — «концепт» или «культурный концепт», а некоторые используют оба: тогда «культурный концепт» выступает как видовой коррелят концепта вообще, как это, например, представлено в работах Т.Б. Радбиля [Радбиль 2016 и 2017].

Так понимаемый культурный концепт является основным средством выражения системы идеалов и ценностей этноса: «Культурные концепты выступают в качестве основных единиц ценностной сферы языкового менталитета, организующих и направляющих народное самосознание в процессе духовного освоения мира» [Радбиль 2016: 234].

Несмотря на разные подходы к пониманию концепта, мы все же можем выделить некоторые общие признаки концепта, которые так или иначе отмечаются большинством ученых. Это прежде всего ментальный характер концепта как формата, структуры или модели представления некоего знания о мире; это культурная значимость информации, отражаемой концептом, и его национально-обусловленный характер; это, наконец, вербальный способ репрезентации базовых концептов культуры посредством слов и выражений, моделей и категорий национального языка.

Для сегодняшнего состояния вопроса характерно интегрированное понимание концепта, объединяющего когнитивный и лингвокультурологический аспекты: так, по словам Т.Б. Радбиля, концепт «в общем виде понимается как обобщенное мыслительное представление определенного фрагмента физической или психической реальности в языковой картине мира личности, социума или этноса» [Радбиль 2016: 67, 69 и далее].

Также взаимосвязь между когнитивным и культурологическим аспектами концепта отмечает М.В. Пименова: «Концепты — это единицы концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям, в них заключается информация о мире. Эта информация относится к актуальному или виртуальному состоянию мира. Концепт — это представление о фрагменте мира. Концепт — это национальный образ, идея, символ, осложненный признаками индивидуального представления» [Пименова 2011: 59].

На наш взгляд, наиболее полное представление о концепте, интегрирующее все его аспекты, отражено в работах ученых Воронежской школы концептуального анализа: «Концепт — дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 200: 258].

Итак, в настоящей работе мы придерживаемся комплексного понимания концепта и предлагаем рабочее определение концепта как *многомерного ментального образования, отражающего культурно-исторический опыт народа и особенности его мировосприятия и имеющего вербальное выражение.*

1.2.2. Проблема типологии концептов

Современное понимание концептов предполагает достаточно разнообразные классификации концептов по разным основаниям. Концепты как сложные ментальные образования могут существенно отличаться по семантике, структуре и особенностям функционирования.

Сложность указанной проблемы и научная ценность тех или иных классификаций обсуждаются, например, в работе Т.Б. Радбиля: «Их можно делить на разные группы в зависимости от сферы отражаемого в них ценностного содержания — можно выделить, например, философские (бытийные, экзистенциальные) концепты, оперирующие глобальными категориями мироустройства (*Бог, мир*), или мировоззренческие, включая религиозные и мифологические; антропологические концепты, описывающие атрибуты человека — индивидуальные, гендерные, семейные, социальные, производственные (*мужчина/женщина, род/семья*); этические концепты (*преступление/наказание, грех, подвиг*); эстетические концепты (*лад, красота*); психологические (характерологические), отражающие разные аспекты внутреннего мира человека и этноса (*удаль, тоска*) и др.

Однако это деление в целом представляется не слишком релевантным, так как суть культурного концепта заключается в том, что он аккумулирует разные типы ценностного содержания, причем делает это синкретично, нерасчлененно (трудно отделить, скажем, мировоззренческий компонент от нравственного или эстетического в едином ценностно значимом смысле концепта) [Радбиль 2016: 234–235].

Сам Т.Б. Радбиль более существенной считает классификацию концептов по признаку соотношения в них *универсального* и *национально-специфического содержания*. С этой точки зрения выделяются: «(1) концепты, соответствующие в общем универсальным культурно значимым понятиям, хотя и имеющие определенную этноспецифическую окрашенность в языковом менталитете: *мать, жизнь, смерть* и пр. — их можно назвать **когни-**

тивно (концептуально) универсальными; (2) концепты, соответствующие универсальным понятиям, но имеющие только в данном языковом менталитете особую ценностную нагруженность (японское понятие *пустоты* концептуализировано как ценность, чего нет, допустим, в русской концептосфере) — их можно назвать **когнитивно (концептуально) уникальными**; (3) концепты, неперебиваемые на «язык другой культуры» даже на лингвистическом уровне — безэквивалентные, лингвоспецифичные понятия типа русского *тоска*, английского *privacy*, японского *miai* и *giri* и пр. — их можно назвать **вербально уникальными**» [Радбиль 2016: 235].

Другие существенные признаки концептов лежат в основе следующих классификаций, которые мы обобщили ниже, основываясь на исследованиях [Бабушкин 1999; Карасик 2002; Попова, Стернин 2003; Токарев 2003; Воркачев 2004; Рудакова 2004 и др.].

Наиболее распространенной является классификация по типу общественного сознания, в котором представлены концепты. Согласно этой классификации концепты делятся на *обыденные, художественные, религиозные и научные*.

К этой классификации, которую можно назвать «горизонтальной», примыкают условно именуемая «вертикальная» классификация — по степени общности носителей языка, согласно которой концепты можно подразделять на *универсальные, этнические, групповые, индивидуальные, индивидуально-авторские (писательские)*.

По характеру представления действительности в содержании концепта выделяются *конкретные и абстрактные* концепты.

По типу формата знания, обуславливающего структуру концепта, можно различать концепты — *представления, схемы, понятия, фреймы, сценарии (скрипты), геишталты* и пр.

По уровню языка, на котором осуществляется языковая экспликация концепта, разграничиваются *лексические, фразеологические, морфологические и синтаксические* концепты.

По наличию / отсутствию непосредственного языкового выражения следует выделять концепты *вербализованные (эксплицированные)* и *невербализованные (скрытые, имплицитные)*.

И, наконец, существенной в определенном отношении представляется классификация по регулярности и продуктивности в языковом сознании. Согласно этой классификации, концепты подразделяются на *устойчивые* (регулярно вербализуемые в стандартной языковой форме) и *неустойчивые* (нерегулярно или совсем не вербализуемые).

Надо также учитывать, что любой концепт может существовать на *бытийном* и *рефлексивном* уровне. Рефлексивный уровень — это уровень теоретического знания, бытийный уровень — это уровень фактического, практического применения.

Так, концепт может присутствовать в национальной концептосфере, но народ может им не пользоваться в своем практическом поведении (например, концепты *демократия*, *толерантность* усвоены народом на рефлексивном уровне, но не перешли на бытийный уровень, реально не функционируют в повседневном бытии народа, не определяют его поведение [Попова, Стернин 2003: 101]). Наибольший интерес представляют концепты, функционирующие именно на бытийном уровне, так как они являются выразителями языковой картины мира этноса как «наивной» модели мира.

Также можно разграничивать концепты по характеру их имен. Так, имена большинства концептов являются элементами естественного языка. Они совпадают с номинацией лексемы — основного репрезентанта концепта (например, концепт «тоска» имеет имя, совпадающее с номинацией лексемы *тоска* в русском языке). У других концептов имена являются элементами метаязыка, т.е. искусственными обозначениями. Их создают исследователи за неимением в языке нужной лексической единицы — обобщающего слова абстрактной семантики, с набором нужных характеристик (к таковым относится, в частности, и рассматриваемый в работе концепт «русскость»).

1.2.3. Научное понятие «концептосфера»

Один из крупнейших когнитивистов мира Р. Джекендофф, по данным составителей «Краткого словаря когнитивных терминов» (1996), был в числе первых, кто сформулировал предположение о том, что в голове человека имеется определенный уровень, на котором скапливается информация, получаемая извне, и на котором перерабатываются результаты восприятия зрительного, слухового, тактильного, моторного и т.п. «Резонно предположить, что существует такой уровень, на котором вся информация, приходящая по разным каналам и принадлежащая разным модальностям, была бы сопоставимой» [КСКТ 1996: 94-95].

Иерархически организованную совокупность концептов в современной когнитивно ориентированной лингвокультурологии принято называть концептуальной системой, концептуальной сферой, или, проще, **концептосферой**. Концептосфера может быть принадлежностью всего человечества, этноса, социальной или культурной группы и индивидуума. [Слышкин 2000: 19]. Применительно к этносу можно говорить о национальной концептосфере. Также принято считать, что основу национальной концептосферы составляют концепты, имеющие вербальную природу. А это значит, что концептосфера во многом имеет языковую манифестацию, хотя природа этого явления не языковая, а ментальная. Тем самым изучение ключевых концептов позволяет достаточно объективно судить об особенностях видения мира того или иного этноса, хотя далеко не все содержание национальной концептосферы имеет вербальное выражение.

Ряд исследователей ставят знак равенства между понятиями «национальная концептосфера» и «концептосфера культуры». В.И. Карасик в этом плане использует синонимическое понятие «культурный мир». Культурный мир (концептосфера) — смысловой универсум системы «культура». Как и культура, культурный мир — инвариант, существующий во множестве на-

циональных, социально-исторических, гендерных, возрастных миров, вращающихся вокруг одного понятия «человек».

Все эти миры могут существовать до тех пор, пока они имеют смысл, все они идеальны и системны. Каждый из названных миров может быть представлен различными вариантами, входящими в него как меньшая величина в большую. Культурный мир не может быть описан снаружи, он определен мышлением людей и их ментальностью, выражаемыми в концептах. Многие известные учения связывает сфера материальной культуры народа: еду, питье, обычаи, религиозные традиции и т.д., а также языковые концепты, которые их интегрируют с национальным складом, менталитетом [Карасик 2001: 85].

Национальная концептосфера представляет собой инвариантно-вариантное образование [Радбиль 2016 и 2017], так как, изменяясь во времени (имеются в виду значительные периоды, измеряемые столетиями), в своих глубинных основах она относительно стабильна. Это происходит во многом благодаря языку, который удерживает в себе единство культуры этноса.

Однако под влиянием меняющихся коммуникативных условий и социальной среды возможны и некоторые преобразования в содержании и объеме концептов, в существующих связях и отношениях между ними.

В этой связи в работе З.Д. Поповой и И.А. Стернина справедливо отмечается, что «концепт — величина динамичная, в огромной степени зависимая от состояния общества, общественной ситуации..., поэтому любое синхронное описание концепта всегда будет именно описанием структуры и содержания концепта на данном конкретном историческом этапе, и его нельзя экстраполировать на более или менее длительный период существования общественного сознания» [Попова, Стернин 2007: 164].

Также и Н.В. Крючкова замечает, что «содержание концепта, а также его взаимосвязи с другими концептами зависят от изменений в массовом сознании, которые в свою очередь определяются изменениями в общественной жизни, сменой приоритетов и ценностей» [Крючкова 2005: 23].

Как будет показано дальше, диалектика стабильности и изменчивости в высшей степени характерна и для функционирования в национальной концептосфере такого значимого для русского этнического самосознания концепта, как концепт «русскость».

1.3. Принципы и методы концептуального анализа в современной лингвистике

1.3.1. Когнитивные признаки, смысловой объем и семантическая структура концепта как элементы описания концепта

В настоящее время не существует единой и общепризнанной исследовательской модели описания концептуального содержания, семантической структуры и смыслового объема концепта. Сам характер описания концепта и полученные результаты существенно зависят от того, как решается одна из главных теоретических проблем концептуального анализа. Имеется в виду разный ответ на вопрос, в какой мере концепт выступает как единица мыслительной, ментальной сферы, а в какой мере он является фактом языка. Иными словами, речь идет о соотношении мыслительного содержания концепта и значения языкового знака.

Есть две крайних точки зрения в решении данного вопроса. С одной точки зрения, концепт вообще не зависит от языка. С другой точки зрения, концепт целиком и полностью определяется языком и вне языка невозможен. Наиболее приемлемой, на наш взгляд, является компромиссная точка зрения. Согласно этой точке зрения, концепт невозможно исчерпывающим образом выразить языковыми средствами, потому что в нем всегда есть «невербализованная часть содержания» [Попова, Стернин 2007: 164]. Но при этом существенную роль в его содержании играет именно тип вербализованной в словесных знаках информации.

Ср. значимое в этом плане рассуждение З.Д. Попова и И.А. Стернина о том, что «компоненты лексического значения выражают значимые концептуальные признаки, но не в полном объеме. Концепт объемнее лексического значения слова. Структура концепта гораздо сложнее и многограннее, чем лексическое значение слова» [Попова, Стернин 2007: 93].

Содержание концепта намного шире по объему, чем языковое значение. Оно включает в себя «энциклопедические» знания, культурно обусловленные представления и ассоциации, разнообразные коммуникативно-прагматические эффекты, т.е. все, что традиционно относят к сфере так называемой «экстралингвистической информации».

Очень перспективным в этом плане выглядит положение о том, что концепт как единица ментального плана воплощен в системе языка и ее речевой реализации не каким-либо одним словом, а упорядоченной совокупностью языковых единиц, находящихся в существенных связях и отношениях друг с другом [Радбиль 2016].

Аналогичным образом рассуждает и С.Г. Воркачев, говоря о том, что концепт выступает как «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [Воркачев 2001: 45].

Ср. также по этому поводу положение З.Д. Поповой и И.А. Стернина о том, что «концепт — единица концептосферы, значение — единица семантической системы, семантического пространства языка. Значение своими системными семами передает определенные признаки, образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта. Для экспликации концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы, а значит — их значения» [Попова, Стернин 2003: 59].

Поэтому одним из исходных принципов современного концептуально-го анализа является разграничение **концептуального содержания** (иногда именуемого «смысловое наполнение» [Горшкова, Ручина 2002; Ручина 2012;

Радби́ль, Сайгин 2014]), которое структурируется когнитивными признаками, и **языковую объективацию** концепта, т.е. лексические и грамматические значения единиц языка — репрезентантов концепта. Указанные явления относятся друг к другу, соответственно, как содержание и форма.

Но сказанное выше не отменяет того факта, что языковая семантика является одним из главных средств воплощения ее концептуального содержания: «План содержания лингвокультурного концепта включает как минимум два ряда семантических признаков.

Во-первых, в него входят семы, общие для всех языковых реализаций, которые «скрепляют» лексико-семантическую парадигму и образуют его понятийную или прототипическую основу.

Во-вторых, туда входят семантические признаки, общие хотя бы для части его реализаций, которые отмечены лингвокультурной, этносемантической спецификой и связаны с ментальностью носителей языка либо с менталитетом национальной языковой личности» [Воркачев 2001: 45].

Согласно идеям Воронежской школы концептуального анализа, следует различать два типа значений: *значение, представленное в словарной статье*, включающее минимум признаков, входящих в его состав («единица семантического пространства языка, отражающая несколько семантических признаков, которые общеизвестны данному социуму и обеспечивает взаимопонимание в речевом акте» [Попова, Стернин 2007: 104]), — и *значение, представленное в сознании носителя языка*, которое представляет собой некий сплав значений, закрепленных в словарной статье, и субъективных личностных смыслов, основанных на личном опыте.

Семантические периферийные признаки слова могут регулярно проявляться в определенных контекстах. В этом случае составители словарных статей признают у слова дополнительные оттенки значения. Из этого следует возможность выделения третьего типа значения — *психологически реального значения слова*. Психологически реальное значение слова, по З.Д. Поповой и И.А. Стернину, — это «упорядоченное единство всех семантических компо-

нентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка» [Попова, Стернин 2007: 97].

Итак, содержание концепта значительно шире и лексикографического, и психологически реального значения слова, так как включает в себя не только смысловые компоненты слова, но и **признаки**, отражающие общую информационную базу человека. Они могут и не обнаруживаться в его речи, и не осознаваться, но являться достоянием личного или коллективного опыта.

Таким образом, смысловое наполнение (концептуальное содержание) концепта представляет собой в общем виде определенный набор смыслов, упорядоченных особым образом. Они, в соответствии с традициями Воронежской школы концептуального анализа, в данной работе именуются «**концептуальными**», или «**когнитивными признаками**».

Под **когнитивными признаками** понимаются самые разнообразные семантические явления: значение слова, оттенок значения или какой-либо другой смысловой компонент, которые воспринимаются как отдельные, отличные от других в сознании носителя языка и реализуется в разных сочетаниях [Попова, Стернин 2007]. Когнитивный признак как элемент концептосферы представляет собой в принципе любой смысл, воспринимаемый и воспроизводимый носителями языка, отделяемый ими от остальных. Поэтому в одних случаях формально он будет совпадать с отдельным словарным значением, в других случаях — с отдельной семой, еще в каких-то случаях — с коннотацией и т.д. Когнитивные признаки в условиях вербализации концепта все же чаще всего предстают как лексико-семантические варианты (отдельные значения слова) или даже элементы этих значений (семантические компоненты, семы).

Полевая структура концепта. Если мы постулируем наличие такой единицы, как концепт, то нам следует предположить, что эти единицы должны из чего-то состоять, должны быть как-то устроены, т.е. иметь свою структуру. Согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину, концепт имеет жесткую

структуру и состоит из *компонентов (концептуальных признаков, или когнитивных признаков)*, образующих различные концептуальные слои.

З.Д. Попова и И.А. Стернин предлагают полевую модель семантической структуры концепта. Концепт рождается как образ, который способен продвигаться по ступеням абстракции. Первоначальное содержание концепта усложняется за счет знаний, получаемых в результате познавательной деятельности. С увеличением уровня абстрактности концепт постепенно превращается из чувственного образа в мыслительный.

Итак, структура концепта состоит из трех базовых компонентов: *образа, информационного содержания и интерпретационного поля* [Попова, Стернин 2007].

Образ является одним из ядерных компонентов структуры концепта и подтверждается прототипной семантикой. Прототипами, по мнению Д. Лакоффа, являются наиболее четкие, яркие образы, способные представить класс концептов в целом [Лакофф 2004]. Многочисленные стандартные ассоциативные реакции рассматриваются как факт национальной концептосферы. Единичные ассоциативные реакции являются индивидуальными образами. Образы могут быть **перцептивными**, формирующимися в сознании носителя языка с помощью органов чувств, и **когнитивными**, основывающимися на метафорическом осмыслении окружающей действительности. Таким образом, образный компонент в структуре концепта состоит из двух составляющих — перцептивного образа и когнитивного образа, отражающих образные характеристики предмета или явления.

Информационное содержание концепта определяет основные наиболее важные отличительные черты концептуализируемого предмета или явления. Эти отличительные черты относятся к дефиниционному минимуму признаков, которые определяют сущность концепта. Информационное содержание концепта близко по содержанию к словарной дефиниции ключевого слова.

Интерпретационное поле включает когнитивные признаки, которые интерпретируют основное информационное содержание концепта и вытекают из него, представляя собой знания о нем, либо его оценку.

Итак, концепт имеет многокомпонентную и многослойную структуру, которая может быть выявлена через анализ языковых средств ее репрезентации и включает в себя *ядро*, *базовые слои* и *интерпретационное поле* (периферию).

К *ядру* относятся слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные значения, наиболее яркие образы, прототипы. *Базовые* слои обволакивают ядро в последовательности от менее абстрактных к более абстрактным; общенародные признаки базовых слоев лежат в основе взаимопонимания людей в процессе коммуникации, однако количество и содержание этих слоев в сознании разных людей различно. К *периферии* относятся более абстрактные слои, она состоит из слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, содержащих оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием, а также установок сознания, вытекающих в данной культуре из менталитета разных людей [Попова, Стернин 2003: 60—64].

Следует отметить, однако, что базовые структурные компоненты концепта могут распределяться по разным полевым участкам содержания концепта — так, информационное содержание концепта может принадлежать и к ядру, и к ближней периферии, и к другим зонам периферии, а признаки интерпретационного поля могут войти по яркости в ядро концепта. Образ не обязательно входит в ядро концепта, а периферийный статус концептуального признака лишь указывает на степень его яркости в сознании носителя с точки зрения частоты употребления.

Каждый из трех указанных уровней (зон) концептуального содержания структурирован с помощью совокупности когнитивных признаков, отражающих особенности концептуализируемого предмета или явления. Принад-

лежность к той или иной зоне содержания определяется частотой словоупотребления лексемы, репрезентирующей исследуемый концепт. Этот показатель характеризует яркость признака в сознании носителя. Описание содержания концепта осуществляется как перечислением признаков от ядра к периферии по мере уменьшения яркости признака.

В работе Т.Б. Радбиля на основе обобщения идей разных школ концептуального анализа предлагается семикомпонентная модель концепта, которая включает следующее:

- 1) само слово или словосочетание, обозначающее этот концепт в языке;
- 2) его семантические признаки и атрибуты, составляющие его концептуальное (т.е. внеязыковое) содержание;
- 3) его дефиниция, или определение (эксплицируемая в работах философов, писателей, публицистов, а также в саморефлексии над ключевыми понятиями в народной мысли о мире — в фольклоре);
- 4) его внутренняя форма, или этимология;
- 5) набор смыслов и ассоциаций, представлений и образов, встающих за этим словоупотреблением в парадигматике (квазисинонимические и квазиантонимические отношения, ассоциативные сближения, родо-видовые и партитивные отношения и пр.), в синтагматике (устойчивые модели сочетаемости, вхождение в непредикативные и предикативные конструкции, в том числе идиоматические), в эпидигматике (особенности словообразовательных связей);
- 6) его функция — роль и место в иерархии ценностей;
- 7) его прагматика — совокупность поведенческих норм и стереотипов, поведенческие реакции, закрепленные за ним, в том числе семиотизированного типа (обряд, ритуал, речевой этикет и пр.) [Радбиль 2016: 236].

Языковая объективация концепта. Концепт как ментальное образование подлежит языковой объективации (экспликации) средствами национального языка.

Большинство исследователей сходится в том, что главным средством языковой репрезентации концептов является слово как единица лексической системы языка (т.е. лексема) [Вежбицкая 1997; Бабушкин 1998; Нерозник 1998; Токарев 2003 и др.]. Прежде всего это ключевые слова национальной культуры или языковой картины мира. В коллективной монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира» (2005) выделяются следующие четыре группы слов, представляющие особый интерес в указанном плане.

1. Слова, соответствующие определенным аспектам универсальных философских концептов. В русском языке это такие «лексические пары», как *правда* и *истина*, *долг* и *обязанность*, *свобода* и *воля*, *добро* и *благо* и т.д. Такие пары, как правило, существуют в виде значимых для этноса культурных оппозиций (*истина* — *правда*, *ум* — *разум* и пр.).

2. Существенную роль в русской языковой картине мира играют также слова, соответствующие понятиям, существующим и в других культурах, но особенно значимым именно для русской культуры и русского сознания. Сюда относятся такие слова, как *судьба*, *душа*, *жалость* и некоторые другие. Когнитивно уникальными концептами, в силу того, что на языковом уровне им можно найти перевод.

3. Еще один важный класс слов, ярко отражающих специфику «русской ментальности» — это слова, соответствующие уникальным русским понятиям: *тоска* или *удаль* и некоторые другие. Их можно назвать лингвоспецифичными, или безэквивалентными, лексическими единицами.

4. Особую роль для характеристики языкового менталитета играют так называемые «мелкие слова» (по выражению Л.В. Щербы), т.е. модальные слова, частицы, междометия (в русском языке это такие слова, как *авось*, *небось*, *видно*, *ну*, *заодно* и пр. Их важность состоит в том, что они выражают жизненные установки носителя языка, зачастую не осознаваемые им самим, но от этого не менее значимые в его поведении [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 25–36].

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, языковая «объективация» (репрезентация, экспликация) концепта в языке представлена следующими *группами языковых единиц*:

- готовыми лексемами и фразеосочетаниями из состава лексико-фразеологической системы языка, имеющие «подходящие к случаю» семемы или отдельные семы разного ранга (архисемы, дифференциальные семы, семы периферийные, т.е. потенциальные, скрытые);
- свободными словосочетаниями;
- структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые пропозиции (синтаксические концепты);
- текстами и совокупностями текстов (при необходимости экспликации или обсуждения содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов) [Попова, Стернин 2003: 38].

Более полная экспликация концепта включает в себя также ассоциативное поле концепта, которое образуется совокупностью ассоциатов на стимул — ключевую лексему-репрезентант концепта [Попова, Стернин 2007: 177–186].

1.3.2. Современные методы и методики анализа концептов

Современные методы и методики концептуального анализа отличаются большим разнообразием. Их характер существенно различается в зависимости от традиций той или иной научной школы. В работе Р.М. Фрумкиной «Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога» (1991) формулируются общие требования к осуществлению концептуального анализа. По мнению ученого, в процедуре концептуального анализа следует: учитывать цель исследования, которая во многом зависит от исходного понимания концепта; принимать во внимание особенности материала для исследования (естественные тексты устного или письменного типа или искусственно полу-

ченные результаты, экспериментальные данные); точно определить саму процедуру концептуального анализа.

Согласно новейшим представлениям в этой области, концепт как ментальная категория, которая находит свое воплощение в языке на различных языковых уровнях, должен анализироваться на основе контекстуального окружения слова. Причем контекст понимается предельно широко: это не только языковое окружение, но и экстралингвистические факторы (коммуникативная ситуация, ситуация общения, культурная идентичность и культурный уровень коммуникантов, социальный статус говорящих и т.п.) Р.М. Фрумкина особо отмечает, что существенную роль принадлежит к данной национальной общности самого исследователя (или, во всяком случае, он должен достаточно хорошо освоить инонациональную общность, подлежащую анализу).

Итак, Р.М. Фрумкина предлагает три направления в анализе концептов, которые в целом отвечают сложившейся практике концептуального анализа: (1) интерпретация смысла концептов при помощи жизненного опыта автора и воображаемого читателя (то, что у А. Вежбицкой называется интроспекция); (2) описание толкований концепта в языке, по данным лексикографических источников и других материалов; (3) исследование внеязыкового окружения концепта, экстралингвистической составляющей его содержания, с привлечением знаний различных смежных областей науки (истории, географии и т.д.) [Фрумкина 1991: 3–29].

Существующие в настоящее время методы концептуального анализа можно условно подразделить на методы диахронического анализа концептов, синхронического анализа концептов и экспериментальные методы.

К методам диахронического анализа мы условно относим принципы анализа констант культуры, сформулированные Ю.С. Степановым в его знаменитом словаре «Константы: Словарь русской культуры» (1997). Анализ базовых культурных смыслов («истина», «знание», «вера», «закон» и пр.) проводится на материале текстов разных эпох, т.е. как бы с позиции внешнего

наблюдателя, а не активного носителя языка. В текстах исследуются прежде всего данные этимологии слов, составляющих базовый состав ключевых для русской культуры представлений, а также словоупотреблений и толкований слов и понятий, запечатленные в различных текстах — писателей, общественных деятелей, в других словарях. Автор исходит из предположения, что «вся совокупная духовная культура всякого общества состоит в значительной степени в операциях с этими концептами, при этом дописьменная история культуры запечатлена не в археологических памятниках (не в «костях»), а в самом значении слов, представляющих собой развитие индоевропейского культурного наследия. Исконный словарный состав — вот первое оригинальное достояние русской культуры» [КСРК 1997].

Исследовательская программа фронтальной реконструкции концептуальной сферы народной культуры разработана в школе этнолингвистики Н.И. Толстого. Методы основаны на семиотическом понимании структуры обычаев, обрядов, верований, мифологии и других форм народной культуры, разлагаемых в ходе анализа на простые элементы смысла. Эти смыслы воспроизводятся и регулярно повторяются в разных фрагментах культурной традиции. При этом разные коды (например, космогонический, растительный, энтомологический, ономастический и т.д.) содержательно едины и переводимы с одного «языка» на другой. Ведь они используют разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к «картине мира», к мировоззрению данного социума (для древних славян — к язычеству).

Таким образом, можно выделить глубинный уровень народной культуры, представленный синонимическими рядами разноприродных единиц. Например, в качестве символов множественности и изобилия могут выступать зерно, мак, муравьи, песок, листья и т.п.; семантика изгнания, уничтожения может выражаться действиями — битьем, разрыванием на части, сжиганием, потоплением, забрасыванием на крышу, на дерево и т.п. или «отгонными» предметами — косой, метлой, скалкой и т.п.; в значении апотропея (предме-

та, способного предотвратить несчастье) может выступать множество различных предметов: при выгоне скота под порог хлева подкладывают нити, пояс, топор, метлу, замок и т.п. [приводится по: Мечковская 2004: 89-93].

Диахронический подход в анализе концептов разрабатывает и В.В. Колесов, по данным истории русского языка выявляя основные инвариантные «культурные темы». Эти темы сохраняются неизменными в «народной рече-мысли», т.е. в ментальности. В.В. Колесов исходит из положения о том, что «о ментальности народа можно говорить только в исторической перспективе. Тогда она не конструируется, а воссоздается в действительных своих различиях» [Колесов 2006: 3]. Анализ опирается на изучение грамматических структур древнерусского языка и специфики их лексического наполнения. В результате можно выявить повторяющиеся модели, имеющие отношение к типам отражения действительности в древнерусском слове.

Так, обнаруживаются следующие инвариантные черты русской ментальности:

(1) ориентация на *веру*, на *авторитет*, а не на практику как критерий истины;

(2) *конкретное* и *образное* выше умственного и рационалистического, при этом конкретное воплощается как знак всеобщего и обобщенного, духовного: конкретное — не есть прагматическое, предметно-приземленное, что обуславливает такую черту русской ментальности, как *символизм* («метонимическая связь идеи с вещью»);

(3) *синтетизм* языкового мышления преобладает над аналитизмом, доминирует образное, а не абстрактно-логическое начало, что обуславливает *синкретичность* народной рече-мысли: «живой признается целостность вещи, а не элементы отношений, ее конструирующие (т.е. не структура).

(4) *духовность* важнее утилитарности: прагматическое и мистическое в русском Слове сопряжены в противопоставлении конкретного и абстрактного — все гиперонимы в древнерусском и старорусском языке обслуживают сферу мистического, а гипонимы (слова конкретного значения)

— сферу прагматического (*невыразимое, соборность — но вещь*) [Колесов 1999].

Условно диахроническим можно считать и метод реконструкции образной основы (внутренней формы) фразеологизмов и паремий, который восходит к идеям В.Н. Телия и продолжен ее учениками, представителями московской школы анализа фразеологизмов. Концептуальное содержание фразеологизмов исследуется с позиции рефлексии носителя живого языка, с позиции внутреннего наблюдателя, «изнутри» языка. Формулируется понятие «национально-культурная коннотация», которая вычисляется из буквального прочтения фразеологизма, т.е. из его внутренней формы. Культурно-значимое содержание отражено в образной основе фразеологизма [Телия 1996]. Как пишет В.А. Маслова, при интерпретации коллокации *больная совесть* в лингвокультурном аспекте важна не только ценностная модальность (как если бы совесть страдала от болезни), но и то, что это обуславливает психологический дискомфорт, потому что нравственный изъян вызывает неодобрение, осуждение в обществе, и говорится это в неформальных условиях речи при определенном раскладе социально-культурных статусов и ролей собеседников [Маслова 2001: 37].

К методам синхронического анализа концептов относятся прежде всего разного рода исследовательские модели, основанные на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004]. Образцом такого подхода в отечественной лингвистике является методика анализа сочетаемости абстрактного имени, предложенная Л.О. Чернейко. Исследователь анализирует «те содержательные фрагменты абстрактного имени, о которых знает интуиция и которые она выводит на поверхность сознания через языковое знание, то есть через сочетаемость имени» [Чернейко 1997: 284]. Именно в сочетаемости абстрактного имени существительного видится единственный путь умопостижения абстрактных сущностей через данные языка. «Проекции умопостигаемой (абстрактной) сущности на эмпирически постигаемые (видимые) явления раскрываются через глагольную сочетае-

мость абстрактного имени, а на эмпирически постигаемые свойства — через атрибутивную» [там же: 291].

Л.О. Чернейко как бы «переворачивает» традиционный подход к анализу нестандартных смыслов, который состоял в том, что новые значения слов возникают на основе их сочетаемости. Согласно ее концепции, наоборот, сочетаемость имени определяется его ассоциативным смысловым потенциалом, его глубинным концептуальным содержанием. На этой основе строятся принципы гештальтного анализа сочетаемости, посредством которого выявляются глубинные, эксплицитно не выраженные когнитивные характеристики имени (это и есть гештальты). Метод Л.О. Чернейко основан на буквальном прочтении семантики сочетающихся с абстрактными словами типа *радость, равнодушие, время* и пр. глаголов физического действия, несущих информацию о классе явлений, которым этот акциональный признак присущ. Поэтому в примере *голос вспорхнул* концептуальная метафора усматривается не в глаголе *вспорхнуть* (как это имеет место в традиционном подходе), а в существительном *голос*, которое уподобляется бабочке или птице [Чернейко 1997: 276–277].

На теорию концептуальной метафоры Лакоффа–Джонсона опирается методика концептуального анализа, которую предлагают О.О. Борискина и А.А. Кретов. На основе анализа метафорической сочетаемости сходных метафорических моделей выделяются классы метафорических выражений, которые отражают сходную логику метафорической интерпретации определенных явлений действительности, — так называемые *криптоклассы*, «скрытые языковые категории, характеризующиеся тождеством семантического признака составляющих её слов и проявляющиеся в особенностях лексико-семантической сочетаемости» [Борискина, Кретов 2003: 14].

Так, категоризация первостихий (огонь, вода, земля, воздух) позволяет выявить такие криптоклассы, как «дышащее живое», «смертное живое», «ходящее живое» и т.д. на основе соответствующих метафорических сочетаний. При этом возможна передача «криптоклассных интенций» от одного слова к

другому (*умирающий огонь, родился огонь* — эти метафорические сочетания есть результат присвоения понятием «огонь» криптокласса «смертное живое»). Данная методика основана на теоретическом положении о том, что «совокупность наиболее устойчивых и часто реализуемых языковых метафор составляют каркас семантической структуры языка, обеспечивают её национальное своеобразие и определяют законы семантического развития лексики данного языка». Чтобы выявить устойчивые и регулярные модели метафоризации, О.О. Борискина и А.А. Кретов предлагают анализ набора синтаксических позиций того или иного слова [там же: 139].

Другое направление в методах синхронического анализа концептов связано с анализом ключевых слов национальной культуры, явленных в языке. Это направление началось с пионерских работ Анны Вежбицкой, которая предложила исследовать «ключевые слова» культуры через сравнение с именами этого предмета в других языках. Сопоставление должно осуществляться посредством метода разложения сравниваемых слов на «язык семантических примитивов», «элементарных смыслов», предложенном самой А. Вежбицкой, и последующего наложения одного толкования на другое, с выделением общих и различительных смысловых компонентов [Вежбицкая 1999].

Труды А. Вежбицкой в существенной степени повлияли на новое направление в анализе концептов, методы которого представлены в коллективной монографии Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева «Ключевые идеи русской языковой картины мира» (2005) и других работах указанных авторов. Авторы настаивают именно на синхроническом подходе к анализу нетривиальных семантических конфигураций, достаточно частотных в бытовом дискурсе (возможно, повторяющихся в значении ряда слов) и относящихся к *неассертивным* (неявным, невербализованным, имплицитным) компонентам высказывания. Важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 9].

В соответствии с принятой нами концепцией исследования, полученные данные в области семантического наполнения, смыслового объема и языковой экспликации концепта должны подтвердиться экспериментально. Ведь посредством эксперимента мы получаем объективные данные о том, какие именно национально, социально и культурно значимые представления воплощает данный концепт в сознании носителей языка.

В последнее время существенно активизировались экспериментальные методики анализа концептов. В числе самых разных экспериментальных технологий особое место принадлежит **ассоциативному эксперименту**. Этот метод обычно применяется в целях экспериментального исследования субъективных семантических полей слов, формируемых и функционирующих в сознании человека, а также характера семантических связей слов внутри семантического поля. Как пишет Л.И. Ручина: «Материал ассоциативных экспериментов дает возможность выявить наибольшее количество актуальных для современного состояния сознания когнитивных признаков концепта» [Ручина 2012: 102].

Его авторами в практической психологии принято считать американских психологов Х.Г. Кента и А. Дж. Розанова. В отечественной психологии методика ассоциативного эксперимента была усовершенствована и апробирована в экспериментальных исследованиях А.Р. Лурии и О.С. Виноградова. Теория и практика проведения ассоциативного эксперимента именно в различных областях лингвистики разработана в трудах Ч. Осгуда, А.А. Леонтьева, А.А. Залевской, Ю.Н. Караулова, Р.М. Фрумкиной и др. [Залевская 2001; Фрумкина 1991 и др.].

Любой психологический, в том числе психолингвистический эксперимент направлен на то, чтобы поставить испытуемого в ситуацию (управляемого) выбора и принятия решения (хотя выбор и решение могут быть как осознанными, так и неосознанными). Иными словами, в эксперименте мы оставляем константными (неизменными) все факторы, потенциально влияющие на выбор и решение в данной ситуации, кроме того единственного фактора,

который и является предметом нашего исследования. Этому фактору мы придаем различные значения и фиксируем, как это влияет на получаемый в эксперименте результат [Леонтьев 1997].

Теоретическая основа ассоциативного эксперимента состоит в следующем. Слова и выражения естественного языка в языковом сознании обладают определенным ассоциативным потенциалом и, соответственно, образуют разнообразные ассоциативно-смысловые связи. Испытуемым предъявляются слова-стимулы, на которые они должны реагировать первой словесной реакцией, приходящей им в голову. При этом им не разрешается думать, анализировать, рефлексировать: необходима именно спонтанность и бессознательный характер реакции. Характер ассоциаций зависит от возраста, пола, уровня образования и профессии испытуемых.

Для описания концепта необходимо исследование его репрезентации в лексико-семантических системах языка, дополненное по возможности анализом результатов ассоциативных экспериментов и изучением дискурсивного функционирования слов, являющихся лексическими репрезентациями концепта. Это позволяет увидеть, какое содержание вкладывают носители того или иного языка в те или иные понятия, и раскрыть связи, существующие в концептуальной системе носителей языка. Материал ассоциативных экспериментов дает возможность выявить наибольшее количество актуальных для современного состояния сознания когнитивных признаков концепта [Ручина 2012].

Методика проведения ассоциативного эксперимента наиболее ярко проиллюстрирована в традиционной схеме психолингвистического эксперимента: $S \rightarrow \blacksquare \rightarrow R$, где S – стимул, R – реакция испытуемого, а между ними связь через «черный ящик», который символизирует непостижимость исследуемого человека, активного участника речемыслительной деятельности [Ягунова 2005].

Под словом-стимулом в ассоциативном эксперименте принято понимать то слово, которое выступает в качестве «импульса, запускающего про-

цесс активации в сети и приводящий в предречевую готовность её участок, в результате чего испытуемый вербализует один из находящихся в предречевой готовности узлов» [там же: 31].

При предъявлении слова-стимула испытуемый подвергает его следующей обработке: сигнификативной (декодирование); пресуппозиционной (экстралингвистической); коннотативной (эмоциональной); когнитивной (смысловой).

Иначе говоря, испытуемый воспринимает, идентифицирует и старается понять содержание слова-стимула за кратчайший период времени (обычно 20-30 секунд). Затем, в результате разных стратегий ассоциирования, которые возникают спонтанно, неосознанно, дать реакцию на предложенный стимул.

В основе стратегий ассоциирования могут лежать семантические связи внутри языка, особенности социального положения и образ жизни, а также фонологическое и синтаксическое сходство, которое обусловлено не смысловым компонентом, а внешней оболочкой слова. Кроме того, в основе стратегии ассоциирования лежит клишированность, то есть на слово-стимул испытуемый предъявляет речевые штампы и клише, которые отражают реально существующие особенности обыденного сознания — близость к чувственному уровню и насыщенность идиоматическими формами, стереотипными, ригидными образованиями, что обеспечивает единство личности и группы и облегчает социальные контакты [Мурзин 2010: 58–67].

Ассоциации имеют двойственный характер: с одной стороны, они отражают объективно существующие для каждого носителя языка форматы знаний, стоящие за общеязыковыми значениями; с другой стороны, на их характер влияют субъективные, «личностные» смыслы говорящего индивидуума. Поэтому важную роль играет последующая статистическая обработка результатов эксперимента, в ходе которой должны быть минимизированы индивидуальные смыслы и выделены инвариантные содержательные призна-

ки, которые постулируются как значимые характеристики анализируемого концепта.

В работе З.Д. Поповой и И.А. Стернина «Очерки по когнитивной лингвистике» (2003) дается обобщающая характеристика наиболее известных методов и методик, разработанных для анализа концептов в современной когнитивной лингвистике:

- **методы анализа ключевых слов:** выбирается ключевое слово (имя заданного концепта), затем на материале разнообразных текстов составляется картотека примеров с этим словом и выявляется весь круг его лексической сочетаемости. Подробный анализ классов слов, с которым сочетается ключевое слово, позволяет установить важнейшие черты соответствующего концепта;

- **методы анализа словарных толкований:** проводится анализ словарных толкований слова — репрезентанта интересующего нас концепта по возможно большему числу словарей, результатом которого является моделирование смыслового наполнения слова, вербализующего концепт в языке;

- **методы диахронического анализа развития новых значений полисеманта:** изучается многозначность слова в процессе ее семантического развития: анализ очередности появления новых значений слова позволяет установить определяющие это развитие черты изучаемого концепта;

- **методы анализа фразеологизмов, паремий и афоризмов:** изучается вхождение данного слова в клишированные сочетания, в которые входит как изучаемое ключевое слово, так и оценки называемого им концепта; эти методы хорошо показывают народное осмысление того или иного явления;

- **методы полилингвального сопоставительного анализа:** проводится контрастивный анализ эквивалентных по прямому значению единиц разных языков, при котором особенно четко выявляется национальная специфика концептов и который позволяет увидеть различие между концептом и значением слова;

- **методы логического анализа объема и содержания концепта**: описывается набор признаков, необходимых и достаточных для включения интересующего нас концепта его в некий логический класс (например, класс деревьев или класс птиц);

- **методы грамматического (парадигматического и синтагматического) анализа метафорических моделей неузусальной сочетаемости**: через маркировку грамматическими формами определяются прототипические характеристики глагольных классов;

— **методы концептуального анализа художественных текстов**: путем комплексного анализа художественных текстов выявляются индивидуально-авторские концепты в произведениях, а также такие когнитивные признаки, которые приобрели в составе общенародного концепта символический смысл [Попова, Стернин 2003: 14–15].

На этой основе З.Д. Попова и И.А. Стернин **разрабатывают комплексную методику** анализа концептов. Данная методика интегрирует *синхронический, диахронический и экспериментальный* аспекты анализа. Как было показано выше, авторы исходят из полевой концепции семантической структуры концепта, согласно которой следует отдельно рассматривать: 1) ядро концепта (кодирующий образ УПК) и базовый слой (совокупность когнитивных слоев и когнитивных сегментов в совокупности образующих их когнитивных признаков); 2) интерпретационное поле концепта, составляющее его периферию.

При анализе ядра концепта сначала выявляются ключевые словарепрезентанты данного концепта в языке. При этом необходимы критерии их выделения, в качестве которых могут использоваться частотность в речи, достаточная абстрактность обозначения, общеизвестность и др. Ядро концепта лучше всего отражает семантика ключевого слова. Пополняют модель содержания концепта результаты анализ синонимов, антонимов, согипонимов ключевой единицы. Самым детальным образом выявляются: 1) основные

семы; 2) ядерные и периферийные семантические компоненты (в том числе посредством экспериментальных методов).

Выявленные семемы ищем в других номинативных реализациях — синонимах, антонимах, фразеологизмах — и выявляем новые концептуальные признаки. Аналогично выявляем семы и ищем их в разных номинативных единицах.

Также дает возможность выявить некоторые составляющие концепта и анализ сочетаемости, помогающий определить способы категоризации (когнитивные метафоры) концептуализируемого явления (например, тоска как принадлежность взгляда, то, что может звучать и пр.).

Выявленные семы отождествляются с концептуальными признаками, семемы — с концептуальными слоями, способы категоризации (когнитивные метафоры) и когнитивные классификаторы интерпретируются как когнитивные признаки. Затем выстраивается модель концепта по данным языка.

Базовый образ концепта выявляется экспериментальными психолингвистическими методами, в частности свободным ненаправленным ассоциативным экспериментом, цепочечным экспериментом, рецептивными экспериментами (*Нарисуйте образ... Опишите образ... и т.д.*).

На периферии содержания концепта находятся разнообразные концептуальные признаки, стереотипы, отраженные в поговорках, афоризмах, крылатых выражениях, притчах, а иногда и в целых публицистических, художественных и научных текстах.

Все выделенные концептуальные признаки и слои необходимо проверить на их «бытийность» — реальное присутствие в сознании народа — методами рецептивного эксперимента [Попова, Стернин 2007].

Обобщая рассмотренные методы и методики, надо отметить, что лингвистическое осмысление концептов, отражающих определённый фрагмент языковой картины мира, подразумевает всесторонний анализ представляющего их языкового материала. Анализ концепта по данным языка должен быть интегрирующим. Он должен включать в себя исследование особенно-

стей полисемии слова, в том числе контекстуальной, его вхождений в системно-организованные ряды лексических единиц по линии парадигматических, синтагматических и деривационных связей и отношений, притом как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте, с обязательным учетом специфики речевой (дискурсной) реализации анализируемых единиц. Все вышесказанное обуславливает возможность обосновать особенности нашего подхода к концептуальному анализу, саму концепцию исследования и выбора материала для него, что осуществлено в следующем разделе 1.4 настоящей работы.

1.4. Обоснование концепции исследования

1.4.1. Изложение теоретических принципов, методологии и методики исследования

Исследование базируется:

- на методологических основах анализа «языка национальной культуры», изложенных в работах [Вежбицкая 1997; Радбиль 1999, 2006а и 2006б; Сайгин 2014 и 2015]:

- на теоретических принципах изучения коннотативно-оценочного компонента национальной концептосферы, разработанных в исследованиях [Степанов 1997; Колесов 2004 и 2006; Радбиль 2016 и 2017].

Также в качестве отправной точки для формирования концепции исследования мы рассматриваем крайне интересный опыт фронтального анализа наивных представлений о Руси и русском, представленный в трудах Е.Л. Березович на материале русской диалектной и общенародной лексики. Принципы анализа, предложенные Е.Л. Березович, во многом сходны с разрабатываемыми в настоящем исследовании, хотя ее анализ и осуществляется на несколько ином материале.

В монографии «Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция» (2014) и в ряде других работ Е.Л. Березович впервые вводит в научный оборот обширные данные апеллятивной и проприальной лексики, фразеологизмов и иных данных этнографического характера, собранные за пятидесятилетнюю работу в полевых экспедициях ученых Уральского федерального университета по территории Русского Севера (Архангельская и Вологодская области), Костромской и Ярославской областей, Среднего Урала и Западной Сибири [Березович 2014].

Как пишет Е.Л. Березович в другой своей работе, комплекс наивных языковых представлений о русском и Руси (России) в последние десятилетия привлекает особое внимание лингвистов, которые подвергают анализу различные по своему статусу языковые данные, в первую очередь тексты (художественные, публицистические, фольклорные), а также результаты психолингвистических экспериментов. В ходе обработки разных данных (даже в пределах одного русского языка, не говоря уже о сравнении его с иностранными языками) могут быть получены «портреты» русского, которые обнаруживают существенные отличия друг от друга. Несовпадения касаются как общей тональности, так и конкретных составляющих образа: в одних работах описывается *русская лень, хамство, пьянство*, в других – «*всемирная отзывчивость*», *щедрость, широта души* и пр. Для получения наиболее достоверной картины Е.Л. Березович предлагает акцентировать внимание на диалектном материале как наиболее репрезентативном: он «более или менее однороден в социолингвистическом плане, показателен в этнолингвистическом» [Березович 2011: 5–6].

В центре исследования Е.Л. Березович находится семантико-прагматическое своеобразие деривационно-фразеологического гнезда *рус-/рос-* в русских народных говорах. Это семантические дериваты этнонима *русский* и топонимов *Русь, Россия (Расея)*, например, *русь* ‘удобное, подходящее для чего-л. место’, *обрусеть* ‘стать обжитым, многолюдным’, *расейский* ‘общительный, доброжелательный’ и т.п. Помимо однословных дерива-

тов, Березович Е. Л. учитывает устойчивые сочетания, в которые входят слова *русский*, *Русь*, *российский*, а также их семантические производные (*выйти на русь* 'выйти из леса на светлое место', *русский виноград* 'крыжовник' и т.п.) Фраземы такого рода имеют четко определённое значение и могут заменяться цельнооформленными единицами (*русская водка* = *русейка*). Выбор материала обусловлен тем, что семантические дериваты составляют системно-языковое ядро образа русского и Руси, т.к. они содержат непосредственное и регулярно воспроизводимое указание на связь с соответствующим этнонимом и топонимом [Березович 2011: 6].

Избранный нами подход во многом опирается на принципы анализа, предложенные в работах Е.Л. Березович, и учитывает в ходе исследования ее обширный и разнообразный материал, с той лишь разницей, что в центре нашего внимания находятся факты русского литературного языка в исторической перспективе и в современном функционировании, а в качестве источника материалов выступают данные словарей русского литературного языка, Национального корпуса русского языка и ассоциативного эксперимента.

Описание концептуального содержания и языковой репрезентации концепта основывается на методике анализа концептов Воронежской школы концептуального анализа [Попова, Стернин 2003 и 2007] и методике, принятой в работах ученых ННГУ им. Н.И. Лобачевского [Горшкова, Ручина, 2002 и 2011; Радби́ль, Сайгин 2014].

Исходя из вышеизложенного, мы можем смоделировать процедуру описания смыслового наполнения и языковой экспликации концептов, необходимую в целях нашего исследования. Она включает в себя следующие виды анализа:

- комплексный анализ лексем *русский* в субстантивном и адъективном вариантах как базовых репрезентантов концепта «русскость». В соответствии с принятой процедурой анализа базовыми репрезентантами концепта считаются лексические единицы, с максимальной полнотой номинирующие данный концепт, наиболее употребительные и минимально обусловленные

контекстом, по возможности стилистически нейтральные, а также содержащие минимум оценочности. Анализ содержит характеристику экстралингвистического содержания данного понятия в философском и научно-гуманитарном дискурсе и описание его смыслового наполнения по данным лексикографических источников;

- анализ отношений языковой и контекстуальной синонимии и антонимии, родо-видовых и партитивных отношений для лексем — базовых репрезентантов концепта (парадигматической объективации), моделей реализации сочетаемости, типовой, включая разные типы фразеологических и паремиологических реализаций, и индивидуальной (синтагматической объективации), деривационных связей и отношений (словообразовательной объективации);

- анализ особенностей дискурсивного варьирования лексем *русский* в субстантивном и адъективном вариантах как базовых репрезентантов концепта «русскость» в дискурсах разного типа (философский, религиозный, публицистический, политический, художественный и пр.), по которому устанавливаются модели текстовой реализации концепта и осуществляется верификация и уточнение выявленных на предыдущем этапе анализа когнитивных признаков;

- анализ данных ассоциативного цепочечного эксперимента для выявления психологической реальности в сознании носителей языка выявленного смыслового наполнения концепта «русскость».

1.4.2. Характеристика материала исследования

Принятый в работе подход к анализу концептов предполагает три типа источников языкового материала.

Первая группа источников представляет собой языковые данные словарей и энциклопедий, по которым реконструируется экстралингвистическое содержание категории «русский» в национальной культуре и смысловое на-

полнение концепта «русскость» в лексико-семантической системе языка. В эту группу входят данные современных философских словарей и энциклопедий, научных трудов исследователей — представителей разных гуманитарных наук и данные различных лексикографических источников — русских толковых и этимологических словарей, фразеологических и словообразовательных словарей, словарей синонимов и антонимов, словарей сочетаемости и пр.

Вторая группа источников представляет собой текстовые данные для верификации и уточнения результатов, полученных на этапе анализа лексикографических источников. Прежде всего, это данные, извлеченные из **Национального корпуса русского языка** [НКРЯ]. Корпус на сегодняшний день представляет собой обширное собрание текстов разных жанров и разных хронологических периодов, представленных в электронном виде. Тексты снабжены научным аппаратом, который называется разметкой или пометами.

«Корпус — это электронное собрание текстов, размеченное таким образом, чтобы в нем можно было быстро найти слова и конструкции с заданными грамматическими и другими интересными лингвисту свойствами» [Плунгян 2005: 296]. Национальный корпус русского языка был открыт для свободного доступа в интернете 29 апреля 2004 года. В настоящее время Национальный корпус русского языка является постоянно расширяющимся корпусом текстов, включающим более 100 млн. словоупотреблений. Его хронологические границы изначально задавались с 50-х гг. XX в. до наших дней. Затем добавились тексты первой половины XX в. и XIX в., потом — XI- XIV в. [Рахилина 2009: 7].

При этом корпус, как пишет В.А. Плунгян, не ограничивается, например, только произведениями художественной литературы, сколь бы важны они ни были для изучения русского языка. Он содержит и газетные, и журнальные статьи разной тематики (от общественно-политических до, например, спортивных), и специальные тексты (научные, научно-популярные и учебные по разным отраслям знания), и рекламу, и частную переписку и

дневники. В Корпус попадают образцы практически любого существующего в русском языке письменного дискурса. Более того, для полного и адекватного представления о том, что происходит в современном русском языке (или, если угодно, с современным русским языком) необходимо еще в большей степени расширить рамки Корпуса и включить в него, наряду с письменными текстами, также и записи устной речи [Плунгян 2005: 297].

Существенным для разработчиков и ценным для пользователей является также и то, что наличие разметок не только оптимизирует поиск примеров, но и позволяет решать разнообразные лингвистические задачи: изучение семантической сочетаемости, описание конструкций русского языка, уточнение свойств классов слов и отдельных слов, проверка гипотез и т.д.

Для формулирования запросов и получения соответствующих примеров употреблений из текстов используется программа GRAMFIND, разработанная А.Е. Поляковым. Она позволяет осуществлять поиск не только по отдельным словам, но и по целым конструкциям, состоящим из 2-х или 3-х элементов с заданными морфологическими и семантическими признаками.

Применительно к нашему исследованию, мы можем, например, задав определенные параметры поиска, ограничить хронологические рамки интересующего нас языкового материала, выявить наиболее распространенные и частотные ключевые «темы» и типовые контексты встречаемости слова «русский», чтобы определить его когнитивные признаки.

В этом плане Национальный корпус русского языка является важнейшим источником языковых данных для анализа смыслового наполнения и языковой экспликации национально-специфичных концептов, особенно с учетом особенностей их функционирования в современной языковой ситуации, на настоящий момент. Именно данные Национального корпуса русского языка используются в настоящей работе для уточнения семантического наполнения, смыслового объема и языковой экспликации концепта «русскость» в дискурсивном варьировании.

В ряде случаев, в дополнение к корпусным данным, мы использовали языковые и текстовые данные Интернет-коммуникации, полученные нами лично посредством Интернет-мониторинга.

Третья группа материалов включает в себя данные, полученные в результате проведения цепочечного ассоциативного эксперимента, которые включают в себя обработанные надлежащим образом анкеты.

1.4.3. Описание процедуры исследования

Исходя из вышеизложенного, в данном диссертационном исследовании принята следующая процедура исследования.

На предварительном этапе исследования проводится сбор, отбор и первичная классификация языковых и текстовых материалов по данным лексикографических источников и Национального корпуса русского языка.

На первом этапе исследования осуществляется анализ экстралингвистического содержания понятия «русский» по данным философских, религиозных и энциклопедических словарей, философских, религиозных, научных и публицистических трудов. Далее полученные результаты дополняются выявлением когнитивных признаков концепта «русскость» путем анализа толкований лексем *русский* в субстантивном и адъективном вариантах как базовых репрезентантов концепта «русскость» на материале лексикографических источников. В итоге устанавливаются первоначальное смысловое наполнение концепта, его смысловой объем (количественный состав его когнитивных признаков) и семантическая структура.

На втором этапе исследования осуществляется анализ парадигматических, синтагматических и словообразовательных связей и отношений, в которые входят лексемы — репрезентанты концепта. Посредством этого уточняется и расширяется первоначально смысловое наполнение концепта — состав когнитивных признаков данного концепта в лексико-семантической сис-

теме русского языка. Далее путем исследования устойчивых выражений — коллокаций (главным образом — фразеологизмов и паремий) устанавливается ассоциативное поле данного концепта.

На третьем этапе анализируется дискурсивное варьирование лексем *русский* в субстантивном и адъективном вариантах как базовых репрезентантов концепта «русскость» по данным Национального корпуса русского языка и собственного Интернет-мониторинга. Исследуются репрезентативные и окказиональные контексты употребления лексем за период с конца XIX и до начала XXI вв. В результате этого выявляются новые когнитивные признаки данного концепта и обновляется его семантическая структура.

На заключительном этапе исследования по данным, полученным при проведении цепочечного ассоциативного эксперимента, осуществляется верификация и уточнение совокупного семантического наполнения исследуемого концепта «русскость».

Выводы по содержанию I главы

В рамках современной парадигмы гуманитарного знания активно развивается лингвокультурологическое направление в науке о языке, основанное на представлениях об антропоцентрической организации языка. В центре исследовательского внимания в современной лингвокультурологии находится проблематика языковой концептуализации мира и языковой картины мира. Данная проблематика напрямую связана с установкой на выявление национальной и культурной специфики мировидения и системы ценностей народа, отраженных в его языке.

Результатом языковой концептуализации мира является языковая картина мира. Она выступает как основа национальной концептосферы, включая в себя культурно-значимые концепты и связывающие их «сквозные мотивы», или «ключевые идеи» национальной культуры. Именно поэтому одной из

важнейших задач современной лингвокультурологии является анализ концептов.

В настоящей работе принято рабочее определение концепта как многомерного ментального образования, которое отражает культурно-исторический опыт народа и особенности его мировосприятия и которое имеет вербальное выражение.

Содержание концепта, имеющего двойственную, вербально-невербальную природу, со стороны своей вербализованной составляющей выступает как смысловое наполнение концепта. Со стороны внутреннего устройства смысловое наполнение концепта представлено комплексом когнитивных признаков. Когнитивный признак — это любой смысл, воспринимаемый и воспроизводимый носителями языка, отделяемый ими от остальных: в одних случаях формально он совпадает с отдельным словарным значением, в других случаях — с отдельной семой, еще в каких-то случаях — с коннотацией и т.д.

В работе принята полевая модель семантической структуры концепта. Когнитивные признаки концепта образуют разные концептуальные слои. Таким образом, семантическая структура концепта включает в себя ядро концепта, базовые слои, представленные наиболее распространенными общенародными когнитивными признаками, периферию концепта, отражающих интерпретацию отдельных когнитивных признаков. Статус того или иного признака относительно того или иного концептуального слова определяется прежде всего частотой встречаемости в контекстах.

Языковая объективация концепта в языке, речи, тексте представлена языковыми и речевыми семантическими элементами, которые выявляются в результате:

- анализа парадигматических отношений, включающих синонимические, антонимические, родо-видовые, партитивные и пр. отношения,

- анализа синтагматических отношений, включающих рефлексы дискурсивного варьирования лексем — репрезентантов концепта в текстах разного типа,

- анализа деривационных отношений и ассоциативных связей.

В соответствии с исходными теоретическими положениями и на основе изучения существующих методов анализа концептов в настоящей главе была разработана и обоснована концепция предстоящего исследования концепта «русскость».

Процедура исследования заключается в последовательном поэтапном анализе:

- экстралингвистического содержания концепта и его языковой объективации по данным энциклопедических и лексикографических источников, на основе чего моделируется первоначальное семантическое наполнение и смысловой объем концепта;

- парадигматических, синтагматических и деривационных связей лексем — репрезентантов анализируемого концепта, а также их фразеологической и паремиологической реализации;

- дискурсивного варьирования лексем — репрезентантов концепта по данным Национального корпуса русского языка и Интернет-мониторинга;

- результатов цепочечного ассоциативного эксперимента, посредством чего производится верификация и уточнение выявленных на предыдущих этапах комплексного анализа когнитивных признаков.

На основе данной концепции исследования во II и III главах работы осуществляется комплексное описание семантического наполнения и языковой объективации концепта «русскость» в современной русской речи.

ГЛАВА II. Понятие «русскость» в национальной культуре и языковое воплощение концепта «русскость» в лексико-семантической системе русского языка

В главе представлен первый этап исследования смыслового наполнения концепта «русскость» и особенностей его языковой объективации в системе языка. В соответствии с принятой концепцией исследования сначала анализируется экстралингвистическое содержание понятия «русский» в отечественном социокультурном пространстве, по данным энциклопедических источников, трудов философов, религиозных и общественных деятелей, литераторов и публицистов. Затем дается характеристика языкового воплощения концепта «русскость» по данным лексикографических источников, фразеологии и паремиологии. Кроме этого, анализируются парадигматические, синтагматические и деривационные особенности его языковой объективации.

Как было сказано выше, в подразделе 1.2.2 главы I, для имен ряда концептов используются не слова естественного языка, а элементы метаязыка, т.е. искусственные обозначения, которые создают исследователи. Учитывая значительное количество лексем, репрезентирующих представления о русском в народном языковом сознании, и отсутствие обобщающего слова абстрактной семантики, с набором нужных характеристик, мы с достаточной степенью условности обозначили анализируемый концепт посредством лексического новообразования *русскость*, чтобы придать необходимую для подобных ключевых концептов национального самосознания обобщенность и абстрактность наименования. При этом на первых этапах нашего исследования мы анализировали такие лексем, как прилагательное *русский* и субстантив *русский*, потому что на интуитивном, эмпирическом уровне исследования очевидно, что именно они являются базовыми репрезентантами интересующего нас концепта в реальной речевой практике носителей русского языка.

2.1. Экстралингвистическое содержание понятия «русский»: история и современность

В соответствии с концепцией исследования вначале мы должны описать содержание понятие «русский» в национальной культуре. В настоящее время в национальной концептосфере активен интерес к «новому осмыслению» ключевых понятий русской культуры в связи с проблемой национальной идентичности этноса, с извечным поиском «национальной идеи». Одним из центральных понятий такого рода является понятие «русский», которое имеет многоплановое содержание: историческое, социальное, этническое, политическое, лингвистическое и т.д., и богатую историю.

Мы не ставим своей целью дать всестороннее описание содержания этого понятия на протяжении всей его истории. Здесь мы попытаемся выделить главные «культурные» темы, связанные с отражением этой категории в истории отечественной гуманитарной мысли и в ее современном состоянии.

В этом плане важной для нас категорией является составное обозначение «русский мир», которое вбирает в себя все аспекты «русскости». Это словесное обозначение является одной из комплексных культурных, духовных категорий национальной культуры и имеет все признаки «идеологемы» [Радбиль 1999].

Осознание собственной непохожести, своего пути в мире для предков современных русских началось еще в конце I тысячелетия нашей эры. «Восточнославянские племена, начав формировать свою культуру в языческих, мифологических формах, минуя их рационализацию в парадигмах собственной культуры по типу античности, сразу заменили их христианской верой» [Кадыров 2011]. Не случайно, что и само словосочетание «русский мир» впервые было употреблено еще во второй половине XI в. в «Слове на обновление Десятинной церкви».

Долгое время идея об особом пути русской цивилизации зрела в недрах русской государственности и духовности. По мнению Б. Гройса: «Вопрос об

особом характере русской национальной культуры встал в России впервые в достаточно острой форме после победы России в войне с Наполеоном в 1814 г.» [Гройс 1992: 53]. Сама же цивилизационная концепция «русского мира» берет свое начало в деятельности графа С.С. Уварова, «который в 1833 г. в докладе царю Николаю I назвал «собственными началами России» знаменитую триаду — православие, самодержавие, народность» [Кочеров 2014: 163].

В статье философа Б. Гройса прослеживаются этапы становления идеи о цивилизационном и культурном своеобразии русского мира в истории русской философской и общественной мысли. Согласно точке зрения ученого, эта линия начинается как реакция на идеи П.Я. Чаадаева, который в 1836 г. высказал мысли об отсутствии какой-либо оригинальности русской культуры. В полемическом отталкивании от этой идеи шла деятельность философов-славянофилов середины XIX в. — И.В. Киреевского и А.С. Хомякова, в трудах которого получила свое философское обоснование идея «соборности» как «нерефлексивной» религиозности русского народа. Далее представления об особом духовном пути России были развиты в трудах Н.Я. Данилевского и В.С. Соловьева, в трудах которого соборность перешла в «софийность» как подчинение всего сущего христианским законам. Русские философы «серебряного века» Д.С. Мережковский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский углубили мысль об особом типе русской цивилизации, говоря о «женственности» русского духа, о «дионисийском» начале русской культуры. В первой половине и в середине XX в. эту линию подхватили так называемые «евразийцы» (Н.С. Трубецкой и др.), последователем которых можно считать Л.Н. Гумилева [Гройс 1992].

В наше время «русский мир» по-прежнему ощущается как безусловная цивилизационная и культурная реальность. По мнению О.Н. Батановой, «русский мир» является обозначением цивилизационного, социокультурного и наднационального пространства, охватывающего около трети миллиарда русскоязычных людей или почти каждого двадцатого жителя планеты, которые обладают духовными и ментальными признаками русскости и неравно-

душны к судьбе и месту России в мире [Батанова 2009]. Геополитический аспект этого понятия подчеркивает В.А. Тишков, утверждая, что «русский мир» — это уникальный феномен глобального масштаба, и подобными мирами обладают, наряду с Россией, только Испания, Португалия, Франция, Китай, а также Великобритания вместе с Ирландией» [Тишков 2007].

Комплексный характер категории «русского мира» в современной цивилизации и культуре подчеркивает и П.Г. Щедровицкий, который утверждает, что реальность русского мира как феномена истории, геополитики и культуры «позволяет говорить о *русском капитале, совокупности культурных, интеллектуальных, человеческих и организационных потенциалов, выраженных в языковом мышлении и коммуникационных (гуманитарных) ресурсах русского языка*» [Щедровицкий 2015].

Русский мир неразрывно связан с русской национальной идеей, о чем пишет С.Н. Кочеров: «Познание русского мира предполагает постижение всех заложенных в нем возможностей, т.е. перспектив и значений путей развития. Ибо суть существования социокультурной общности, в которой культура является способом бытия социума, заключается не только в том, что и как она делает, но и в том, для чего она это делает. Поэтому русская идея раскрывается через развертывание цели и смысла русского мира, предлагая всем его представителям, не забывая уроков прошлого, двигаться к желанному будущему» [Кочеров 2014: 163].

Поэтому в целях нашего исследования важна культурно-историческая трактовка, связанная с миром идей и ценностей. Этнос рождается на стыке природы и культуры, и ощущение принадлежности к «своим» составляет суть этнической идентичности. Л.Н. Гумилев в предисловии к своей книге «От Руси к России» (2004) пишет: «В дальнейшем, говоря об этносе, мы будем иметь в виду коллектив людей, который противопоставляет себя всем другим таким же коллективам, исходя не из сознательного расчета, а из чувства комплиментарности — подсознательного ощущения взаимной симпатии

и общности людей, определяющего противопоставление "мы — они" и деление на "своих" и "чужих".

Каждый такой коллектив, чтобы жить на Земле, должен приспособиться (адаптироваться) к условиям ландшафта, в пределах которого ему приходится жить. Связи этноса с окружающей природой и рожают пространственные взаимоотношения этносов между собой. Но естественно, что, живя в своем ландшафте, члены этноса могут приспособиться к нему, только изменяя свое поведение, усваивая какие-то специфические правила поведения — стереотипы. Усвоенные стереотипы (историческая традиция) составляют основное отличие членов одного этноса от другого» [Гумилев 2004: 5–6].

Как пишет А.М. Кадыров: «Для культурологического анализа развития России плодотворно рассмотрение типа воспроизводства общества. Тип воспроизводства является синтезированным показателем и включает в себя: 1) особую систему ценностей; 2) характеристику социальных отношений; 3) тип личности, связанный со спецификой менталитета» [Кадыров 2011].

Итак, как определяет О.А. Платонов: «Русская цивилизация — целостная совокупность духовно-нравственных и материальных форм существования русского народа, определившая его историческую судьбу и сформировавшая его национальное сознание» [Платонов 2010]

С этой точки зрения, которую разделяли русские философы и общественные деятели (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев и др.), русский мир следует понимать, согласно формулировке А.Н. Островского, как «человеческое сообщество православных христиан, живущих в единстве веры, обрядности и обычаев» [Шалимова 2000: 16]. Культурно-историческое понимание русского мира, которое изначально было активно поддержано Русской православной церковью, основано на трех принципах:

1. Православие.
2. Русская культура и русский язык.
3. Общая историческая память и общие взгляды на общественное развитие.

Современный ученый, В.А. Тишков предлагает несколько видоизмененную триаду: «Именно русский язык и русскоязычная российская или советская культура вместе с исторической памятью объединяют и конструируют этот мир» [Тишков 2007].

О.А. Платонов, отталкиваясь от концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, пишет о том, что «в России сложилась самобытная цивилизация, высокие духовно-нравственные ценности которой все больше открываются для нас в понятии «Святая Русь», в православной этике и добротолюбии, русской иконе, церковном зодчестве, трудолюбии как добродетели, нестяжательстве, взаимопомощи и самоуправлении русской общины и артели — в общем, в той структуре бытия, где духовные мотивы жизни преобладали над материальными, где целью жизни была не вещь, не потребление, а совершенствование, преображение души. Эти духовные формы существования пронизывают всю историческую жизнь русского народа, отчетливо прослеживаются по первоисточникам в течение более чем двух тысяч лет, проявляясь, конечно, не одинаково в разные периоды и в разных областях России» [Платонов 2010].

В обобщенном виде роль русской цивилизации в мировом историческом развитии, как это резюмируется в учебном пособии «Культурология. Мировая и отечественная культура», видятся следующим образом: «Вклад российской цивилизации в общечеловеческую копилку носит по преимуществу духовно-культурный характер, проявляясь в литературе, нравственно-гуманистических концепциях, особом типе человеческой солидарности, различных видах искусства и так далее» [Кадыров 2011].

Таким образом, мы можем обобщить важные аспекты понятия «русский» как категории экстралингвистической, социокультурной и геополитической. Комплексное понятие «русский» складывается из таких компонентов, как территория, общность исторических судеб, этническое самосознание, религия, национальная культура, ментальность, национальный характер, система идеалов и ценностей, традиции и обычаи, русский язык и т.д.

В соответствии с принятой концепцией исследования, экстралингвистическое содержание понятия следует рассматривать по данным значимых энциклопедических источников и трудов философов, религиозных и общественных деятелей, писателей, публицистов и т.д.

В этом плане одним из значимых источников ценных историко-культурных сведений о бытовании концептуального пространства *русские*, *Русь*, *русская земля* является известный словарь Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» (1997).

Ю.С. Степанов утверждает, что первоначально слово *русские* является прилагательным, т.е. значит просто «те, кто относится к Руси». Но что же означает само понятие *Русь*? Ю.С. Степанов присоединяется к точке зрения В.О. Ключевского. «Государственная территория, — пишет Ключевский, — у нас в старину носило название *Руси* или *Русской земли*. *Русь* — слово, пережившее чрезвычайно разнообразные значения; из этих значений можно различить четыре:

1. этнографическое: *русь* — племя;
2. социальное: *русь* — сословие;
3. географическое: *русь* — область;
4. политическое: *русь* — государственная территория.

По мнению Ю.С. Степанова, у восточных славян (будущей «Русской земли») к 8-9 в. сложилось несколько центров государственности, из них два наиболее сильных и крупных: северный (Новгородский) и южный (Киевский); термин *русь* первоначально связывался с северным (Новгородским центром); постепенно он продвигался на юг и закрепился в южном Киевском центре, постепенно же превращаясь в этнический термин для обозначения всего населения этой земли и в государственный термин. Имя *русь* является заимствованием в славянский (собственно древнерусский язык) из финского языка, существовавшим в последнем в форме *ruotsi*; этим именем финские племена обозначала выходцев из Скандинавии, из той ее области, которая впоследствии стала Швецией [КСРК 1997].

Современные энциклопедические источники, среди которых можно назвать книгу Л.Н. Гумилева «От Руси к России» [Гумилев 2004], историко-этнографические очерки о русских «Русские. Историко-этнографический атлас» [Русские 1967], «Русские» в «Серии «Народы и культуры», т. I [Русские 1999], работу К.В. Чистова «Русские» в продолжающемся издании «Народы мира: Историко-этнографическая справка», т. I [Чистов 1988], коллективное издание «Русские: этническая гомогенность? (Опыт социол. исслед.)» [Кожевникова, Рыбаковский, Сигарева 1998], а также соответствующую статью «Русские» в «Большой Советской энциклопедии», т. 22 [БСЭ 1975] и др., выделяют следующие черты, грани многомерного понятия «русский».

(1) Русские — те, кто принадлежит к определенной этнической общности;

(2) Русские — те, кто принадлежит к восточнославянской общности, наряду с украинцами и белорусами;

(3) Русские — те, кто говорит на русском языке;

(4) Русские — как и украинцы и белорусы, произошли от древнерусской народности (9-13 вв.), сложившейся из восточнославянских племён в процессе распада родоплеменных отношений и создания Древнерусского государства вокруг Киева;

(5) Русские — результат формирования великорусской народности, которое произошло в ожесточённой борьбе против тяжелейшего монголо-татарского ига и в ходе создания Русского централизованного государства вокруг Москвы в XIV–XV вв. (в это государство вошли северные и северо-восточные древнерусские земли);

(6) Русские — это основное население исторически расширявшейся территории: в XVI–XVII вв. границы Русского государства значительно расширились; в это время Русские начали заселять Нижнее Поволжье, Урал, Северный Кавказ и Сибирь. В XVIII–XIX вв. дальнейшее расширение границ государства сопровождалось расселением Русские в Прибалтике, Причерноморье, Закавказье, Средней Азии, Казахстане, на Дальнем Востоке;

(7) Русские — это результат формирования русской нации во второй половине XIX в.

(8) Русские — это основное население Российской империи, России как союзной республики РСФСР в Советском Союзе, современной России;

(9) Русские — это разные социальные группы населения: рабочие, крестьяне, интеллигенция;

(10) Русские — это носители определенного способа хозяйствования в области промышленности, сельского хозяйства, торговли, купечества, ремесленничества и пр., своеобразного экономического уклада жизни, который является продуктом специфического исторического развития;

(11) Русские — это народ, исповедующий православную религию;

(12) Русские — это народ, сохранивший следы языческой обрядности, мифологии и дохристианской культуры;

(13) Русские — носители своеобразной и богатой материальной и духовной культуры, лучшие стороны которой стали традиционными и сохранились до новейшего времени, особенно среди сельского населения;

(14) Русские — жители разнообразных по климатическим и географическим свойствам территорий, с красивой, типичной для мест проживания русских природой;

(15) Русские — носители неповторимых обрядов и традиций;

(16) Русские — носители специфических народных промыслов;

(17) Русские — носители своеобразного народного творчества;

(18) Русские — обладатели специфического мировидения, национального характера и системы ценностей.

Указанные грани, аспекты многомерного понятия «русский» в национальной культуре находят свою фиксацию, закрепление и развитие в фактах национального языка. На это указывает и Л.А. Климкова в своей статье «Феномен русскости: языковая экспликация». Автор предлагает обозначить словом «русскость» то, что принято связывать с понятием национальной идентичности. Именно факты национального языка, взятые в своей совокупности,

позволяют реконструировать образ национального идеала, как его понимал, в частности, Д.С. Лихачев [Климкова 2016: 381–389].

Как пишет Л.А. Климкова: «В русском языке разнообразными средствами отражена совокупность, система исконных этнических черт русского народа, русская культура, русская национальная идентичность — русскость. Такими чертами являются: широта, щедрость души, милосердие; доброжелательность, радушие, душевность, открытость — «человекодругоценность»; подвижничество, склонность к самопожертвованию, к подвигу во имя людей, долга, торжества справедливости; терпение как способность терпеть — стойко и безропотно переносить боль, страдания, лишения, неприятности и т.п., точнее даже — долготерпение; трудолюбие; своеобразие мировоззрения — двоемирие, двоеверие, христианско-языческий синкретизм; приоритет духовного над материальным, откуда — идея имущественной умеренности, самоограничения в потреблении; правдоискательство; праведничество; целомудренность как строгая нравственность, чистота; национальная самокритичность и др.» [Климкова 2016: 381–382].

В качестве интегральной черты русского национального идеала Л.А. Климкова выделяет *соборность*: «Ряд этнических идентификаторов вытекает из такого аспекта русскости, как соборность <...> как единение людей на основе православия и высокой нравственности, откуда проистекают общинность, артельность, взаимопомощь, взаимовыручка, коллективизм как русское осознание бытия, а также — ощущение защищенности, подконтрольности, высокая зависимость от общества — мира, душевность социальных отношений, преобладание неформальных отношений над формальными, настроенное отношение к успеху, тем более неожиданному, к самовыдвижению и др.» [Климкова 2016: 382].

Итак, именно язык является средством объективации исторического опыта и культурной памяти народа. Все это в полной мере относится и к языковой концептуализации понятия «русскость» в национальном сознании. Поэтому объективную картину бытования понятия «русский», независимую от

субъективных точек зрения на эту острую проблему, можно получить, лишь проанализировав языковое воплощение слов — репрезентантов данного концепта, описать языковые данные.

2.2. Объем и содержание концепта «русскость» в лексико-семантической системе русского языка

2.2.1. Когнитивные признаки, смысловой объем и семантическая структура концепта «русскость» по данным лексикографических источников

В рамках предварительного этапа сбора, отбора и первичной классификации языкового материала, интуитивно, на эмпирическом уровне исследования, мы предположили, что ядром данного концепта выступают когнитивные признаки его базовых составных элементов, т.е. лексем — репрезентантов концепта. Таким образом, в словарях русского языка нас будет интересовать отражение концепта «русскость» прежде всего в двух словоупотреблениях: 1. *русский* — субстантив (существительное, обозначающее этническую принадлежность человека). 2. *русский* – относительное прилагательное в значении ‘имеющий отношение к русской нации, русским людям и т.д.’

Сначала, согласно принятой методике анализа, обратимся к данным этимологии. Слово «русский» является производным от слова *Русь*. Форма *Русь* в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера — собирательное существительное, оно аналогично по образованию со словами «чудь», «Пермь» и др. М. Фасмер связывает это название с этнонимом скандинавских по происхождению племен: от др.-русс. роусь (Пов. врем. лет, часто), ср.-греч. οἱ Ῥῶς «норманы», арабск. رُوس «норманы в Испании и Франции», ср.-греч. ῥωσῑτῑ «по-скандинавски». В др.-русс. договорах 911 и 944 гг. (Пов. врем. лет) почти все ṛ рода роусьска посьлиимеют сканд. имена.

Ср. также финск. Ruotsi «Швеция», Ruotsalainen «швед», эст. Rootś, — то же, водск. Rôtsi, лив. Rùot`š «Швеция», Rùot`šli «швед», далее ср.: Rusios, quos alio nos nomine Nordmannos appellamus. Этот этноним возводится к др.-сканд. Rópsmenn или Rópskarlar «гребцы, мореходы», которое сближается со шведск. Roslagen — названием побережья Упланда. От Русь образовано ср.-лат. Russi, откуда — Russia, Ruscia, Ruzzia (Адам Бременский, Саксон Грамм.). Из последнего могло произойти «Русия» (Трифон Коробейников, 1584 г.; Ив. Пересветов и др.), но ср. «Россія». Форма Русь аналогична по образованию этнонимам чудь, пермь и др. [Фасмер 1986].

Исконное происхождение слова *Русь* на базе славянских корней также имеет место в современном сравнительно-историческом славянском языкознании. «Реконструируемый прототип слова *roud-s-ь восходит к корню *гъд-/*roud-/*гуд-, связанному с красным цветом. Он был заимствован финно-уграми у славян еще в праславянскую эпоху (около VI века н.э.), до упрощения консонантных групп в праславянском. Это подтверждается значениями однокоренных финскому Ruotsi в других финно-угорских языках: самском (в северной Норвегии - guossa), комизырянском (rot's), удмуртском (dzwts), остякском (ruts, rut), вогульском (ros, rus), ненецких диалектах (luca, lusa); а кроме того в тунгусском и бурятском (luca), юкагирском (lusi, luci) и др., в значении "русские". В карельских диалектах термин ruottsі обозначает финнов, Финляндию. В свете закона о большей архаичности периферийных языков именно периферийную (т.е. «славянскую») семантику финских продолжений следует считать наиболее архаичной» [Максимович 2006: 14–56].

В ходе изучения «Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля» мы пришли к выводу, что слово «русский» в качестве существительного мужского рода имеет также значение 'крещеный, христианин': *Что ты, тварь, в русские не окрестился* [СД 1999]. Таким образом, значение слова *русский* испытало на себе влияние противостояния язычества и христианства, о котором как об основе своеобразия русской культуры и ментальности писали Н.И. Толстой, Д.С. Лихачев, О.Н. Трубачев и др.: *русский* высту-

пает не только как характеристика этнической принадлежности, но и как обозначение крещеного человека, христианина.

Эти смысловые сближения зафиксированы также в работах Е.Л. Березович: «Русское связывается с **православием**, но не старообрядчеством: нижегор. *россейский* ‘православный’: «Я россейский, не раскольник», (р. Урал) *русский* ‘православный (о вере)’: «Казашка веру русскую брала, если выходила замуж за казака, ну, перкрестёна была» [Малеча 3: 554], сиб. *русские* ‘православные’: «Что ты, тварь, в русские не окрестился» [СРНГ 35: 272, 191]. <...> Подключение оценки выводит *русское* за пределы собственно конфессиональной семантики и сообщает ему коннотацию святости» [Березович 2011: 25–26].

Анализируя прилагательное *русский* в словаре В.И. Даля, также отметим важное ассоциативное сближение: *русский* — значит вообще ‘людской, человеческий’ (*Здесь русский дух — здесь Русью пахнет*).

Это также подтверждается и наблюдениями Е.Л. Березович: «*Русское* — это собственно **человеческое** (ср. знаменитое сказочное *Русским духом пахнет*), свойственное **сообществу людей** (арх. *выйти на русь* ‘выйти в люди’ [СГРС 3: 226]), **общественное**, должное быть «**обнародованным**»: новг. *сказать на русь* ‘сказать что-л. в глаза кому-л. при народе’... <...>. «Человеческая» семантика русского имеет характерное уточнение: русским считается **типичное сообщество людей**, т. е. **крестьяне**, жители деревни — в отличие, к примеру, от казаков, солдат...» [Березович 2011: 18].

В более современных толковых словарях слово *русский* в двух обозначенных выше ипостасях — существительное и прилагательное — реализует следующие толкования.

«Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова характеризует это слово как прилагательное так: «1. Прил. к *Русские*. *Великий русский народ*. 2. Прил. к *Россия* и к *Русь*. *Русская история*. *Русская государственность*. *Русская природа*». Это же слово в качестве существительного в начальной форме дано во множественном числе — *русские*: «Р'УССКИЕ,

русских, ед. русский, русского, муж. Восточнославянский народ, составляющий большинство населения СССР, великорусы» [СУ 1996].

В «Русском толковом словаре» В.В. Лопатина, Л.Е. Лопатина встречаем сходное значение для существительного: «Восточнославянский народ, составляющий основное население России» [РТС 2001].

В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой даны такие значения:

- по существительному: «1. *русская* - ой, ж. р. – общее название медленных и быстрых русских народных танцев (хороводов, импровизационных переплясов, барыни), а так же музыка в ритме этих танцев. *Плясать русскую*; 2. *русские* -их ед. ч., -ий, - ого мн. ч. – народ, составляющий основное коренное население России».

- по прилагательному: «*русский* – оя, - ое относящийся к русскому народу, к его языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к России, её территории, внутреннему устройству, истории; такой как у русских, как в России [СО 1993].

МАС отмечает следующие значения: (1) для существительного: «1. *русская*, -ой, ж национальная пляска русских, а также музыка к этой пляске; 2. *русские*, -их, мн.(ед. *русский*, -ого, м., *русская*, -ой, ж) Нация, основное население РСФСР, а также лица, относящиеся к этой нации»; (2) для прилагательного: «1. принадлежащий русским, созданный русскими, свойственный русским. *Русский язык, русская литература, русская культура*; 2. прил.к *Россия*, к *Русь*. *Русская история, русская природа*» [МАС 1999]. Также в словарях отмечается разговорное значение слова *русский* — ‘русский язык’.

БАС приводит более подробные словарные статьи для толкования значений этих слов. В качестве существительного также дается начальная форма во множественном числе: «*Русские*, -их, мн. Восточнославянский народ, составляющий основное население РСФСР и широко представленный в других республиках Советского Союза; представители этого народа». Как прилагательное *русский* толкуется так: «1. Относящийся к Руси, России; 2. Относящийся к русским, принадлежащий им». В качестве оттенков значения выде-

ляются также: «в знач. сущ. То же, что русский язык» и разговорное (тоже в значении существительного): «русский язык как предмет школьного обучения» [БАС 1961]. — В этом словаре важно указание на то, что русский — не только относительное, но и притяжательное прилагательное. Также выявляем новое значение — школьный предмет.

В «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова по существительному *русский* встречаем сходные толкования: «1. *русская, -ой*; ж.р., национальная пляска русских; музыка к этой пляске. *Плясать русскую. Играть русскую. Пройтись русскую (сплясать русскую)*; 2. *русские, -их*; мн. ч. Восточнославянский народ, составляющий основное население России; представители этого народа». Схожим образом толкуется и прилагательное: «*русский, - ая, -ое*. 1. прил. к *Россия* и *Русь*. *Русская история. Русская природа. Русский народ. Русская земля*; 2. принадлежащий русским, созданный русскими или свойственный русским» [БТСРЯ 2000].

Ряд словарей указывают на важный в целях нашего исследования оттенок смысла ‘свойственный русским’, ‘такой, как у русских’. Это обуславливает возможное развитие семантики в сторону отражения норм и ценностей русского мира. См., например, ценное в этом плане наблюдение Е.Л. Березович: «Русское — то, что в наибольшей степени **распространено и типично** для данной местности по способу изготовления или применения. Данная семантическая грань раскрывается в противопоставлениях: ... *русская крыша* ‘под слегу, когда солома наваливается вилами и пригнетается переметинами’ — твер. *польская крыша* ‘крытая соломой не ворохом, а снопами, вгладь, со стрехой, обрубом’ « [Березович 2014: 119].

Таким образом, проведенный анализ основных лексикографических источников позволяет выявить семантическое наполнение ядра концепта «русскость», которое включает следующие когнитивные признаки (КП)¹:

¹Нумерация признаков выставлена в соответствии с ходом эмпирического исследования, т.е. в порядке их обнаружения в словаре. Мы признаем условность полученных формулировок-толкований: ряд признаков носит диффузный и синкретичный характер, что объясняется реальной семантической сложностью выделяемых объектов — смыслов или оттенков смысла, а также известными разночтениями в словарных толкованиях интересующих нас лексем.

1. восточнославянский народ, составляющий основное население России
2. представитель восточнославянского народа, составляющего основное население России
3. православный христианин, крещенный в православную веру
4. человеческий
5. имеющий отношение к Руси, к России
6. имеющий отношение к восточнославянскому народу, составляющему основное население России
7. принадлежащий людям — представителям восточнославянского народа, составляющего основное население России
8. находящийся на территории России
9. российский
10. великорусский, в противоположность украинскому и белорусскому
11. относящийся к русскому языку
12. относящийся к русскому национальному характеру
13. относящийся к русскому образу жизни, культуре
14. относящийся к русской истории
15. такой, как у русских, подобный русскому, русским
16. такой, как в России
17. особый медленный или быстрый народный танец (по типу хороводов, импровизационных переплясов, барыни)
18. музыка в ритме особых народных танцев
19. русский язык
20. русский язык как предмет школьного преподавания

Исходный смысловой объем ядра концепта составил 20 когнитивных признаков.

Далее мы моделируем семантическую структуру концепта, которая заключается в установлении связей и отношений между смысловыми элементами, выступающими как когнитивные признаки.

Первым значением следует признать исходное значение: 'восточнославянский народ, составляющий основное население России', от которого посредством метонимии выводится производное: 'представитель восточнославянского народа, составляющего основное население России'. Расширение исходного значения дает нам КП 'человеческий'.

Ряд метонимических производных КП, отражающих разные атрибутивные отношения к исходному, представлены в следующих КП: 'имеющий отношение к Руси, к России', 'имеющий отношение к восточнославянскому народу, составляющему основное население России', 'принадлежащий людям — представителям восточнославянского народа, составляющего основное население России', 'великорусский, в противоположность украинскому и белорусскому'. Еще одна метонимическая семантическая деривация связывает этническое *русский* с принадлежностью к России как к государству: 'находящийся на территории России', 'российский'.

Сужение метонимического характера присуще для КП, отражающих разные аспекты атрибутивных свойств русского. Это или общие характеристики: 'относящийся к русскому национальному характеру', 'относящийся к русскому образу жизни, культуре', 'относящийся к русской истории', или конкретные атрибуты русской жизни: 'особый медленный или быстрый народный танец (по типу хороводов, импровизационных переплясов, барыни)', 'музыка в ритме особых народных танцев'.

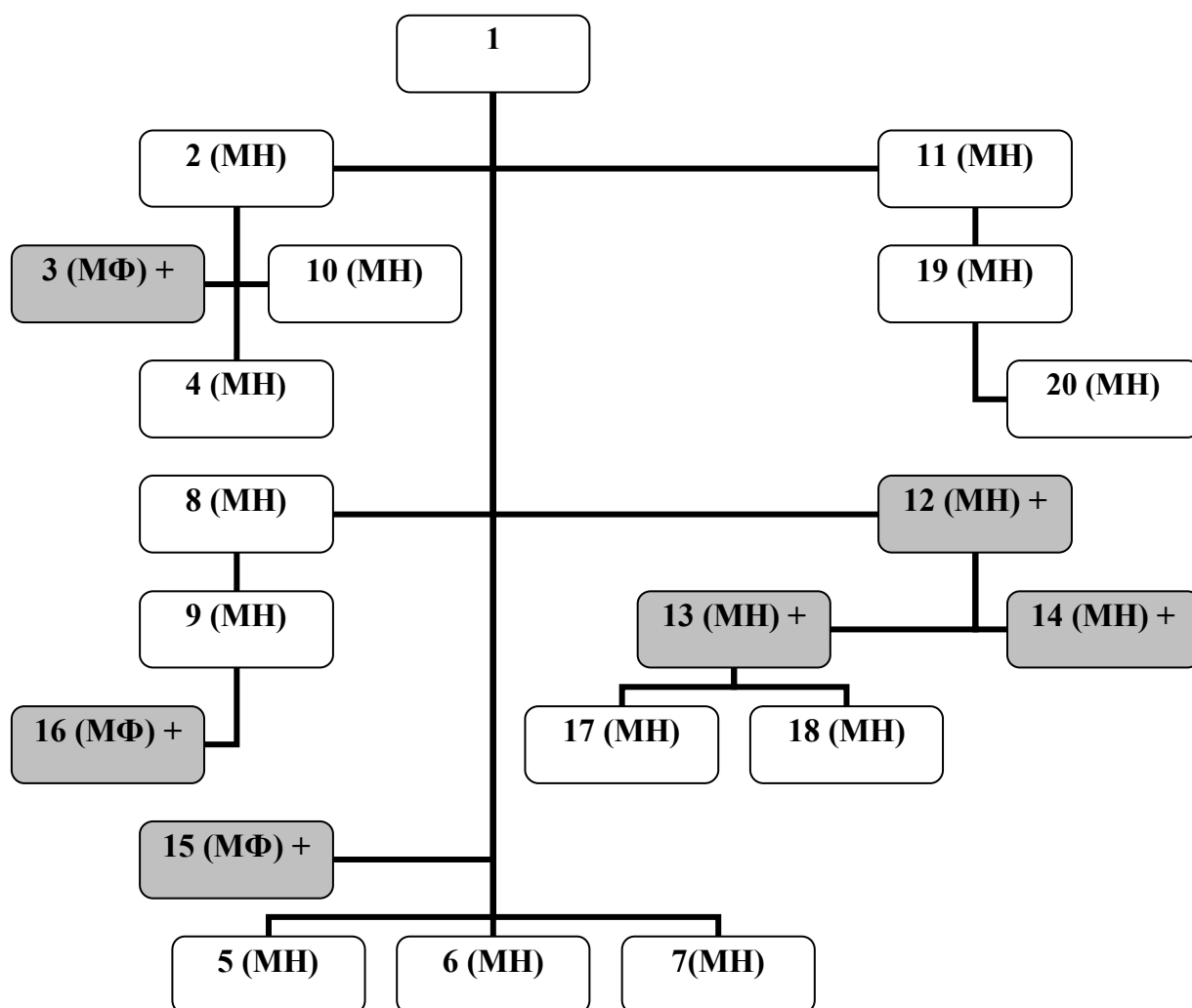
Также метонимическими, видимо, следует признать смысловые дериваты, связывающие понятие «русский» с языком, на котором говорят русские. Это такие КП, как 'относящийся к русскому языку', 'русский язык', 'русский язык как предмет школьного преподавания'.

К метафорической семантической деривации относится прежде всего историко-культурный перенос по типу концептуальной метафоры: *русский* → *крещеный, православный*. Очень важная метафорическая модель переноса, обуславливающая дальнейшее развитие ценностной составляющей концептуального содержания «русскость», является метафора сходства, отраженная

в КП: 'такой, как у русских, подобный русскому, русским', 'такой, как в России'. Эти КП обладают, как мы увидим в дальнейшем, существенным позитивно-оценочным потенциалом.

В целях наглядности семантическую структуру концепта «русскость» можно представить графически, в виде схемы (см. Рис. 2.1). Литеры после номера КП означают тип смысловых отношений: МН – метонимия (включая сужение / расширение), МФ — метафора разных типов. Светло-серым цветом выделены признаки непредметного характера, выражающие (реально или потенциально) оценочность разного типа. Наличие после литер МФ в маркированных светло-серым цветом признаках факультативных знаков + / — означает позитивную или негативную оценку (реальную или потенциальную).

Рис. 2.1. Семантическая структура концепта «русскость» по данным лексикографических источников

На следующем этапе исследования предполагается рассмотреть возможные расширения семантического наполнения и смыслового объема ядра концепта «русскость» по данным устойчивых сочетаний слова *русский* как прилагательного и как существительного в фразеологии и паремиологии.

2.2.2. Когнитивные признаки, смысловой объем и семантическая структура концепта «русскость» по данным русской фразеологии и паремиологии

В данном подразделе представлен следующий этап описания концептуального содержания концепта. По итогам первоначального анализа было выявлено 20 когнитивных признаков, репрезентирующих ядро концепта «русскость» в русской национальной концептосфере. Здесь осуществляется верификация и возможное уточнение выявленного ранее при анализе словарей смыслового наполнения концепта «русскость» с учетом материалов русского фразеологического и паремиологического фонда.

Концепт «русскость» по данным фразеологии. Выборка фразеологизмов проводилась по материалам основных толковых словарей русского языка [БАС 1961; БТСРЯ 2000; МАС 1985; СД 1999; СО 1993; СУ 1999; ТСРЯ-XXв. 1998 и 2005] и специализированных фразеологических словарей [ФСРЯ 1968].

Мы придерживаемся широкого понимания фразеологических единиц, к которым, согласно этому пониманию, относятся и устойчивые составные наименования типа *русская лайка* (наименование породы животных), в том числе — имена собственные (типа *Русское море*), которые, согласно традиционной классификации фразеологизмов пор степени слитности, относятся к **фразеологическим сочетаниям** — единицам с минимальной степенью слитности [Виноградов 1977].

Выбор фразеологизмов в качестве материала для анализа представляется самоочевидным. Давно отмечено, что именно фразеологическая система языка предоставляет особо ценные данные для изучения своеобразия национальной культуры, непосредственно воплощая в себе результаты опыта освоения действительности народом, его знание о мире. Образы, которые использует этнос для создания фразеологизма, позволяют судить об особой точке зрения на мир, т.е. о языковой картине мира этноса, объективирует в языке особенности национальной концептосферы.

Данные русской фразеологии позволяют верифицировать все 20 установленных для данного концепта в процессе анализа лексикографических источников когнитивных признаков:

1) Восточнославянский народ, составляющий основное население России: *русский народ*;

2) Представитель восточнославянского народа, составляющего основное население России: *люди русские*;

3) Православный христианин, крещеный в православную веру: *окреститься в русские* [СД 1999];

4) Человеческий: *русский дух* (в контексте — *Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!*);

5) Имеющий отношение к Руси, к России: *русский мир*; *русский дом*;

6) Имеющий отношение к восточнославянскому народу, составляющему основное население России: *русское зарубежье* [ТСРЯ-XXв. 1998]; *русский район* [= район города, населенный русскими]; *русская деревня*; *за веру русскую, православную* [= вера русских людей];

7) Принадлежащий людям — представителям восточнославянского народа, составляющего основное население России: *русская земля*;

8) Находящийся на территории России: *Русское море* (название Черного моря, встречающееся в русских летописях при изложении событий 9-15 вв., а также в арабских источниках);

9) Российский: *русское царство*;

10) Великорусский, в противоположность украинскому и белорусскому: *исконно русские территории (земли); русский Крым*;

11) Относящийся к русскому языку: *русское слово; русская речь; русская газета; русская пресса*;

12) Относящийся к русскому национальному характеру: *русское сердце; русская душа; русский характер*;

13) Относящийся к русскому образу жизни, культуре: *русские сказки; русская пляска; русский обычай*;

14) Относящийся к русской истории: *русская революция; «Русская правда»* (сборник правовых норм Киевской Руси, связанный с деятельностью Ярослава Мудрого);

15) Такой, как у русских, подобный русскому, русским: *русское гостеприимство*;

16) Такой, как в России: *русский бунт* (А.С. Пушкин); *«русские горки»* (название аттракциона в европейских странах и США, который в России именуется «американские горки»);

17) Особый медленный или быстрый народный танец (по типу хороводов, импровизационных переплясов, барыни): *плясать русскую; пойти, пройти русскую* ‘станцевать русскую пляску’ [БАС 1961];

18) Музыка в ритме особых народных танцев: *играть русскую*;

19) Русский язык: *говорить (спрашивать) русским языком* [ФСРЯ 1968];

20) Русский язык как предмет школьного преподавания: *контрольная по русскому; диктант по русскому* (школ.).

Анализ фразеологизмов с компонентом *русский* также позволил выявить новые когнитивные признаки данного концепта, отсутствующие в словарных толкованиях субстантива и прилагательного *русский*. В целях нашего исследования важно, что эти значения в основном развивают ценностный потенциал концепта «русскость». Причем, как справедливо отмечается в работах Е.Л. Березович, для ценностного осмысления наивного понятия *русского*

широко представлены возможные векторы развития как негативной, так и позитивной оценочности: «Названия, обозначающие типично русские реалии, могут иметь оценочную подоплеку, причем оценка эта амбивалентна» [Березович 2011: 16].

Негативная оценочность в языковом воплощении концепта «русскость» по данным фразеологии обусловлена различными прагматическими условиями бытования этого концепта в народном сознании. Так, устойчивое выражение *русский авось* употребляется в контексте ‘делать что-нибудь небрежно, наобум, кое-как, надеясь на благоприятный исход’. Оно является отражением такой черты русской картины мира, как «вера в непредсказуемость мира, фатализм» [Вежбицкая 1997]. Эта же черта отражена в фразеологизмах, приводящихся в словаре В.И. Даля — *русский Бог* ‘авось, небось да как-нибудь’; *русский ум* = *задний ум* ‘запоздалый’; *русский час* ‘невесть сколько’ [СД 1999]. Это позволяет сформулировать такой когнитивный признак, как ‘небрежное, безответственное отношение к чему-либо, обычно присущее русскому человеку’. Примечательно, что сходное значение присутствует в фразеологизме «*русская работа*», представленном в языках некоторых стран Запада, который означает халтурную, некачественно выполненную работу. Видимо, по совокупности мы можем говорить здесь о развитии еще одного когнитивного признака на базе общего значения, несущего определенный отрицательный оттенок смысла: ‘нечто нарушающее норму, отклоняющееся от стандарта, неправильное’ и ‘нечто неопределенное, смутное, нечеткое’. Оба этих когнитивных признака вполне вписываются в картину русского «семантического универсум», выделяемую, например, в работах А. Вежбицкой [Вежбицкая 1997], Т.Б. Радбиля [Радбиль, Сайгин 2014 и др.].

Другие аспекты возможного негативно-оценочного осмысления «русскости» отмечает Е.Л. Березович. С одной стороны, негативная оценочность возникает при сопоставлении чего-то местного в сравнении с общерусским, которое на фоне местного приобретает сниженную оценочность: «Сдвиг точки зрения наблюдается в тех случаях, когда появляется потребность особым

образом выделить какие-либо узколокальные бытовые или социокультурные особенности на фоне общерусских. В этом случае более сильным в номинативном плане членом оппозиции становится название местного феномена, противопоставляемое *русскому*. Эта ситуация проявляется, к примеру, в номинации местных плясок, которые становятся своего рода эмблемой локальной культурной традиции. Так, везде пляшут *русского* (*русскую*) — но особо выделяют собственные вариации, ср. костр. *ветлу́жский*, *ветлугáй* ‘пляска, распространенная в деревнях по берегам реки Ветлуги’: «Всюду русский, а у нас своё, у нас ветлужский» [ЛКТЭ]» [Березович 2011: 16].

С другой стороны, негативную оценочность привносит осмысление чего-то как самодельного, простого, не требующего какой-то искусности в изготовлении: «... *русское* — нередко простейшее по технике изготовления. В. И. Даль регулярно использует в своих толкованиях определения *русский* и *простой* как синонимичные: «...русская соха, простая соха, без полицы», «...трехпольное хозяйство, простое, русское», «овчина русская, простая...» [Даль2 3: 532; 4: 433; 3: 641]. Отсюда появление негативного оттенка в семантике названий таких реалий, которые не отличаются тонкой выделкой и даже примитивны. К примеру, *русские варежки, чулки* и проч. вяжутся в одну нитку — в отличие от *панских*, которые вяжутся в четыре-пять ниток, а потому более нарядны...» [Березович 2011: 16].

Очевиден и существенный потенциал положительной оценочности анализируемого концепта в русской фразеологии. «Плюс» на своеобразной оценочной шкале, т.е. положительную оценочность, выражает, например, фразеологизм *говорить (спрашивать) русским языком*, который имеет значение ‘совершенно ясно, недвусмысленно, так, что должно быть понятно каждому’ [БАС 1961]. Ср. похожее значение в устаревшем фразеологизме, который приводится в словаре В.И. Даля: *русским счетом* ‘толком, понятным счетом’ [СД 1999]. Это позволяет выделить такой когнитивный признак, как ‘простой, ясный, понятный, доступный для понимания’.

Ср. на эту тему — фрагмент исследования Е.Л. Березович: «В сфере оценки интеллектуальной деятельности *русское* = **понятное**: разг. *русским языком говорить* ‘ясно, недвусмысленно, так, что должно быть понятно каждому’, *русским счетом* ‘толком, понятным счетом’ [Даль2 4: 114], нвсиб. *нэрусь* ‘о бестолковом человеке’: «Нерусь говорим, когда ругаемся, у-у, нерусь, ничто не понимаешь» [СРНГ 21: 147], ‘человек, плохо разбирающийся в чем-л.’ [ССРГ: 331]» [Березович 2011: 17].

Положительно-оценочное значение у относительного прилагательного *русский* развивается в устойчивых контекстах употребления, связанных с выражение русского национального идеала: *истинно русский человек*; *русская душа*; *русское сердце* и пр. Думается, что мы можем выделить и соответствующий этому толкованию когнитивный признак.

Также в ряде употреблений в составе устойчивых выражений семантика «русскости» сближается с понятием «традиционный, в противовес новому»: *русский дом*; *русский обычай*; *русское гостеприимство*; *русские песни*; *русские былины (сказания)* и пр. Это позволяет выделить и соответствующий когнитивный признак ‘традиционный’. Ср. также отмеченный в словаре В.И. Даля фразеологизм *русское спасибо* [СД 1999], выражающий аналогичную конфигурацию смыслов.

Положительно-оценочную нагруженность фразем с компонентом «русский» отмечает и Е.Л. Березович: «*Русское* — более **удобное, нормальное**, привычное по способу изготовления, ср. арх. *русский узел*, завязываемый обычным способом, — в отличие от *татарского* (когда конец веревки идет в петлю с другой стороны) [КСГРС]. Русское — то, что **пригодно для использования**, «**окультурено**», не является диким. Так, ... приоб. *русская крапива* ‘крапива малая’ и *остяцкая крапива* ‘крапива обыкновенная’ [Арьянова 3: 144, 161]. В первом случае речь идет об однолетней крапиве жгучей, *Urtica urens*, которая используется в народной медицине и в пищу; во втором — о многолетней крапиве обыкновенной, которая больше размером, образует заросли, выглядящие дикими и глухими, и имеет более узкое применение. <...>

Усиление градуса оценки ведет к трактовке русского как **настоящего** (влг. *русский* ‘«настоящий»’ [СРНГ 35: 272], ср. разг. *нерусский* ‘неправильный, непривычный, не такой, как все’ [ССРГ: 330]), **лучшего, наиболее ценного**, ср. костр. *русский гриб* ‘белый гриб’ [ЛКТЭ]» [Березович 2011: 17].

Ряд устойчивых сочетаний с компонентом *русский* представляет собой обозначения предметов обихода, изготовленных, приготовленных, сделанных особым, национально-специфичным образом:

русское масло — топленое масло [СО 1993; МАС 1985];

русская печь — особым способом сложенная, кирпичная печь для варки пищи, печения хлеба и отопления [СО 1993; МАС 1985];

русские сапоги — сапоги с голенищами до колен [СО 1993; МАС 1985];

русская рубашка — верхняя мужская рубашка на выпуск с застегивающимся сбоку воротом, косоворотка [СО 1993; МАС 1985];

русский сарафан — *сарафан*, в отличие от *московского, круглого, клинчатого, закрытого (высокого)* и пр., обложенный спереди в два ряда гарусной тесьмой, с пуговками посередине [СД 1999].

Таким образом, мы можем выявить такой когнитивный признак, как ‘изготовленный, приготовленный, сделанный особым, национально-специфичным образом (для вещей, предметов обихода)’. Примечательный смысловой оттенок, не слишком развитый в литературном языке, отметила для этого когнитивного признака на диалектном материале Е.Л. Березович: «Русское — то, что является **самодельным, не фабричным**: дон. *рассейка* ‘сеть ручной работы, в отличие от заграничной, машинной’ [БТДК: 452], дон. *русская повозка* ‘самодельная телега без кузова для перевозки тяжестей’» [Березович 2011: 15].

Еще одна группа фразеологически связанных употреблений лексики *русский* относится к использованию этого компонента в устойчивых составных наименованиях явлений природы, животных, растений, признанных подчеркнуть какую-либо родовую, характерную черту для определенного типа, вида, класса объектов:

— явления природы:

русский ветер — северный или южный, в зависимости от диалектного ареала распространения [СД 1999];

русский мороз — сильный [СД 1999];

— растения:

русская мята — особый вид растения, произрастающий в средней части России [БАС 1961];

русский василек — научное наименование растения, обычно называемого просто *василек* [БАС 1961];

— животные:

русская лайка — название породы собак [БАС 1961];

русский осетр — название вида осетровых рыб, водящихся в некоторых природных районах России [БАС 1961].

Таким образом, мы можем приписать всем этим употреблениям некий предельно общий смысл — ‘обозначающий определенную разновидность, род, тип, породу класс животных, растений, явлений природы, обычные для мест исконного обитания русских’.

Более широкое распространение этой смысловой грани концепта «русскость» демонстрируют и данные русских говоров, где этот признак, по мнению Л.Е. Березович, вообще можно сформулировать в более общем виде — как что-то **естественное, природное**: «В применении к растениям и животным в семантике *русского* проявляется дополнительный смысловой компонент **естественного, природного**. *Русские* растения — дикорастущие, не завезенные извне, не селекционированные: *русская мята* ‘мята курчавая, простая, дикая’ — в отличие от *английской мяты* ‘мяты перечной’ [Даль2 2: 375]» [Березович 2011: 9].

Новые фразеологизмы с компонентом *русский* отражают изменение социокультурной ситуации в России: ср. в этой связи созданный в эпоху перестройку фразеологизм *новый русский* ‘русский (российский) предприниматель и коммерсант, занявшийся бизнесом в период перестройки и быстро

разбогатевший' [ТСРЯ-XXв. 1998]. Этот когнитивный признак, возникший совсем недавно, можно, видимо, сформулировать следующим образом: 'русский (российский) предприниматель нового времени'.

Итак, по результатам исследования русской фразеологии мы выявили еще 9 когнитивных признаков, которых не было зафиксировано при анализе лексикографических данных

- 1) Простой, ясный, понятный, доступный для понимания;
- 2) Небрежное, безответственное отношение к чему-либо, обычно присущее русскому человеку;
- 3) (отрицательно-оценочное) Нечто нарушающее норму, отклоняющееся от стандарта, неправильное, обычно присущее русскому человеку;
- 4) Нечто неопределенное, смутное, нечеткое;
- 5) (положительно-оценочное) Нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям;
- 6) Традиционное, в противовес новому, современному;
- 7) Изготовленное, приготовленное, сделанное особым, национально-специфичным образом (для вещей, предметов обихода);
- 8) Обозначающее определенную разновидность, род, тип, породу класс животных, растений, явлений природы, обычные для мест исконного обитания русских;
- 9) что-то естественное, природное
- 10) (ироничное) Русский (российский) предприниматель нового времени.

Таким образом, к выявленным ранее 20 когнитивным признакам мы добавляем еще 10. В итоге совокупный смысловой объем концепта *русский* по данным лексикографических источников и фразеологии оставил 30 когнитивных признаков.

Далее мы рассматриваем возможные расширения смыслового объема ядра концепта «русскость» по данным устойчивых сочетаний слова *русский* как прилагательного и как существительного в русской паремиологии.

Концепт «русскость» по данным паремиологии. Нами из различных источников было выбрано 74 пословицы с компонентом «русский» в роли субстантива и в роли прилагательного.

В анализе культурно значимых для языковой картины мира смыслов мы исходим из идеи, высказанной в монографии «Ключевые идеи в русской языковой картине мира»: согласно авторам этой монографии, совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка, «потому что представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде, так что человек принимает их на веру, не задумываясь. Иначе говоря, пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Напротив того, смысловые компоненты, которые входят в значение слов и выражений в форме непосредственных утверждений, могут быть предметом спора между разными носителями языка и тем самым не входят в общий фонд представлений, формирующий языковую картину мира [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]. Поэтому важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание.

Подобные скрытые смыслы актуальны и для выявленных нами русских пословиц. В основном эти пословицы подтверждают релевантность большинства обнаруженных нами ранее, при анализе словарей и фразеологического фонда русского языка, когнитивных признаков (хотя и не реализуют их «полный список»).

В основном активны когнитивные признаки, отражающие этническую характеристику. Это прежде всего КП 1 — ‘восточнославянский народ, составляющий основное население России’:

Русский народ — царелюбивый;

Русский народ не боится креста, а боится песта;

Наш народ — герой, ходит на врага стеной;

Наш народ смирен до поры, а как что — берется за топор.

Также актуально метонимическое сужение значения в КП 2 — ‘представитель восточнославянского народа, составляющего основное население России’:

Русский человек и гуллив и хвастлив;

Бей русского, часы сделает. Русский догадлив (сметлив, себе на уме).

Русский что увидит, то и сделает;

Русский человек хлеб-соль водит;

Знает весь свет — твёрже русских нет.

Русский задора ждет;

Русский терпелив до зачина;

Русский человек без родни не живёт;

Русский ни с мечом, ни с калачом не шутит;

Русский назад умен;

Русский медленно запрягает, да быстро едет;

Русский в словах горд, в делах тверд;

Русский человек добро помнит; Русский человек не будет рабом.

Эти пословицы конкретизируют разные стороны русского человека в народном представлении о себе, причем как положительные, так и отрицательные. Мы видим, что пословицы отражают жизнестойкость русского человека, твердость в испытаниях, терпеливость, его трудолюбие и мастеровитость, пытливость, свободолюбие, с одной стороны, а с другой — некоторую лень, легкомыслие, безответственность, склонность к хвастовству.

Отметим выраженность и КП 7 — ‘принадлежащий людям — представителям восточнославянского народа, составляющего основное население России’:

Сыновья русских матерей славятся удалью богатырей;

— и КП 8 ‘находящийся на территории России’:

Велика русская земля и везде солнышко;

*Не отрекайся от земли русской — не отречется и она от тебя;
Земля русская вся под богом;
Наступил на землю русскую, да оступился;
Славна богатырями земля русская;
Не расти траве на Неве-реке, не владеть чужим землей русской;
— и нерасчлененно представленные КП 15 — ‘такой, как у русских,
подобный русскому, русским’ и КП 16 — ‘такой, как в России’:*

*В русском брюхе и долото сгниет;
Русская кость тепло любит;
Русский аппетит никогда (ничему) не претит.*

Широко представлены когнитивные признаки, отражающие «языковую сторону» концептуального содержания «русский». Это КП 11 — ‘относящийся к русскому языку’:

*Русская речь — стяг, дружину водит;
Наш язык царствами ворочает;
Русское слово несется не изнови — исстари.*

Нетрудно заметить, что русский язык представлен в контексте положительной оценочности — пословицы подчеркивают такие свойства русского языка, как величие, богатство и сила:

*Велик и могуч русский язык;
Русский язык богат и велик;
Русский язык сила слабого!;
Кто русским языком владеет, тот большую силу имеет;
Языком, что рычагом;
Русский язык горами качает;
Язык царствами ворочает;*

— его необходимость для выживания, для разных сторон жизни в целом:

*Без русского языка не сколотишь и сапога;
Без русского языка не одолеешь самого опасного врага;*

Русский язык — стяг, дружину водит;

— его постоянное присутствие в жизни народа:

Русский язык поит и кормит, и спину порет;

— его единство:

Наш родной язык один, и в будни и в праздник;

— его способность выражать истину:

Слова русские не говорят, а правду сказывают;

— его высокое предназначение для выражения православных ценностей, для ословливания самого главного в жизни:

Русский язык с Богом беседует.

С предыдущим признаком в плане особенностей выражения национальной моментальности связан КП 12 — ‘относящийся к русскому национальному характеру’:

Русская душа — нараспашку;

Сердце русского не сможет утрашиться.

Представлены в пословицах и негативно-оценочные когнитивные признаки. Это прежде всего отражающий специфику русской языковой картины мира КП 22 — ‘небрежное, безответственное отношение к чему-либо, обычно присущее русскому человеку’ (знаменитый *русский авось*):

Русский крепок на трех сваях: авось, небось да как-нибудь;

Русский на авось и взрос;

Также и КП 23 — ‘нечто нарушающее норму, отклоняющееся от стандарта, неправильное, обычно присущее русскому человеку’ и связанный с ним КП 24 — ‘нечто неопределенное, смутное, нечеткое’:

Русский час — с днем тридцать, деревенский месяц — с неделей десять;

Русский час — десять, а немецкому и конца нет.

Однако в этом плане важными представляются и альтернативные примеры, конкретизирующие общее содержание КП 25 — ‘(положительно-оценочное) нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и

ценностям', в противопоставлении с другими этническими гетеростереотипами:

Француз боек, да русский стоек;

Жид и в будни пирует, русский и в праздник горюет;

Что русскому здорово, то немцу смерть;

Кабы у немца наперед, что у русского назади — с ним бы и ладов не было.

В целом абсолютно новых когнитивных признаков не выявлено. В основном мы наблюдаем конкретизацию и помещение в оценочный план уже выявленных ранее когнитивных признаков. Возможно, мы также можем говорить и о новых акцентах, проявившихся в пословичном фонде русского языка, отражающих значимые стороны русского мира и русской культуры.

В этом плане мы предварительно сформулировали для себя два таких когнитивных признака.

Первый из них активизирует связь с верой, с Богом как важнейшую черту русского народа:

Русским богом да русским царем святорусская земля стоит;

Русский бог велик.

Но особенно тщательно и подробно в русских пословицах разработан другой когнитивный признак, связанный с историческими судьбами русского народа, а именно — с военным поприщем, который отражает исторически известную военную доблесть русских (знаменитый *русский штык* и под.):

Слава русского штыка не померкнет никогда;

Напоролись враги на русские штыки; Русский молодец — сте басурманам конец;

Русский боец всем образец;

Русское привычное дело — бить врага смело;

Враг боек, да наш народ стоек;

Если по-русски скроен, и один в поле воин;

Русские в плен не сдаются;

*Русский боец — всем образец;
Не встанет русский воин на колени перед врагом;
Русский солдат не знает преград; Русский в поле не сробеет.*

В целом проведенный анализ подтвердил релевантность многих из выявленных ранее когнитивных признаков концепта «русскость», позволил построить их иерархию по степени значимости для русского языкового сознания, а также конкретизировать их содержание применительно к вписанности в систему идеалов и ценностей русского народа.

Также можно гипотетически поставить вопрос о наличии в материале пословичного фонда еще двух когнитивных признаков, связанных с верой, с Богом, а также с военным делом, что тоже полностью соответствует нашим экстралингвистическим представлениям о духовной эволюции этноса.

Таким образом, по данным фразеологии и паремиологии было выявлено добавочно 11 когнитивных признаков:

- 1) Простой, ясный, понятный, доступный для понимания;
- 2) Небрежное, безответственное отношение к чему-либо, обычно присущее русскому человеку;
- 3) (отрицательно-оценочное) Нечто нарушающее норму, отклоняющееся от стандарта, неправильное, обычно присущее русскому человеку;
- 4) Нечто неопределенное, смутное, нечеткое;
- 5) (положительно-оценочное) Нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям;
- 6) Традиционное, в противовес новому, современному;
- 7) Изготовленное, приготовленное, сделанное особым, национально-специфичным образом (для вещей, предметов обихода);
- 8) Обозначающее определенную разновидность, род, тип, породу класс животных, растений, явлений природы, обычные для мест исконного обитания русских;
- 9) что-то естественное, природное;

10) (ироничное) Русский (российский) предприниматель нового времени;

11) связь с верой, с Богом, святость;

12) искусность в военном деле, воинская доблесть.

Таким образом, мы можем представить совокупное семантическое наполнение концепта «русскость» по данным лексикографических источников, фразеологии и паремиологии.

1. восточнославянский народ, составляющий основное население России
2. представитель восточнославянского народа, составляющего основное население России
3. православный христианин, крещенный в православную веру
4. человеческий
5. имеющий отношение к Руси, к России
6. имеющий отношение к восточнославянскому народу, составляющему основное население России
7. принадлежащий людям — представителям восточнославянского народа, составляющего основное население России
8. находящийся на территории России
9. российский
10. великорусский, в противоположность украинскому и белорусскому
11. относящийся к русскому языку
12. относящийся к русскому национальному характеру
13. относящийся к русскому образу жизни, культуре
14. относящийся к русской истории
15. такой, как у русских, подобный русскому, русским
16. такой, как в России
17. особый медленный или быстрый народный танец (по типу хороводов, импровизационных переплясов, барыни)
18. музыка в ритме особых народных танцев

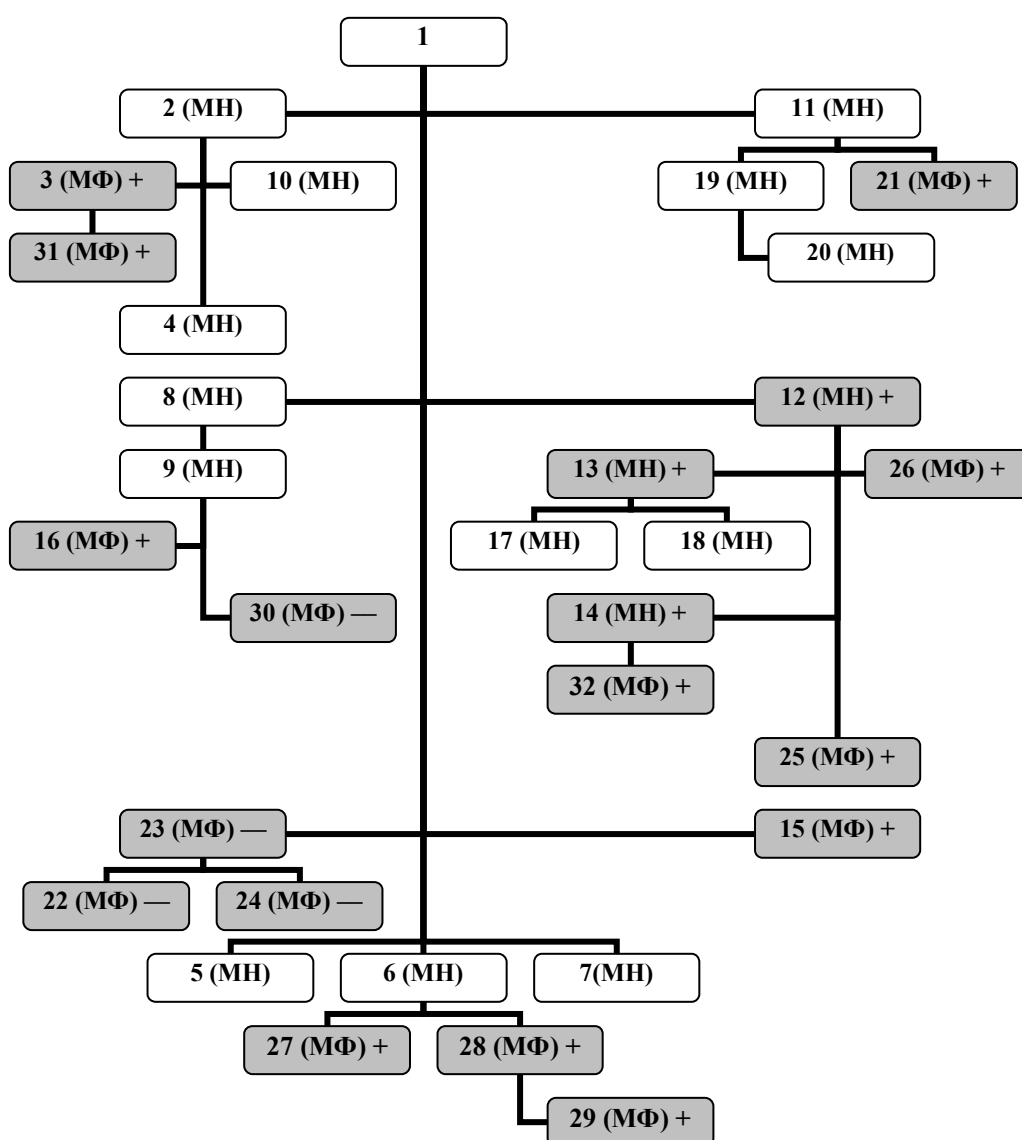
- 19.русский язык
- 20.русский язык как предмет школьного преподавания
- 21.простой, ясный, понятный, доступный для понимания
- 22.небрежное, безответственное отношение к чему-либо, обычно присущее русскому человеку
- 23.(отрицательно-оценочное) нечто нарушающее норму, отклоняющееся от стандарта, неправильное, обычно присущее русскому человеку
- 24.нечто неопределенное, смутное, нечеткое
- 25.(положительно-оценочное) нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям
- 26.традиционное, в противовес новому, современному
- 27.изготовленное, приготовленное, сделанное особым, национально-специфичным образом (для вещей, предметов обихода)
- 28.обозначающее определенную разновидность, род, тип, породу класс животных, растений, явлений природы, обычные для мест исконного обитания русских
- 29.что-то естественное, природное
- 30.(ироничное) русский (российский) предприниматель нового времени
- 31.связь с верой, с Богом, святость
- 32.искусность в военном деле, воинская доблесть.

Совокупный смысловой объем концепта составил 32 КП.

Далее мы можем смоделировать дополненную семантическую структуру концепта. Нетрудно видеть, что большинство признаков имеет метафорический тип семантического развития. Это вполне соответствует языковой сущности фразеологии и паремиологии. Фразеологизмы и пословицы по природе своей служат вторичной номинации, т.е. создаются обычно в целях выразить отношение к какому-либо явлению или лицу, а не в целях дать имя объекту (ведь нейтральная номинация, как правило, уже существует в рамках обычного слова).

В целях наглядности дополненную семантическую структуру концепта «русскость» с учетом данных фразеологии и паремиологии можно представить графически, в виде схемы (см. Рис. 2.2). Литеры после номера КП означают тип смысловых отношений: МН — метонимия (включая сужение / расширение), МФ — метафора разных типов. Светло-серым цветом выделены признаки непредметного характера, выражающие оценочность. Наличие после литер МФ в маркированных светло-серым цветом признаках факультативных знаков + / — означает позитивную или негативную оценку (реальную или потенциальную).

Рис. 2.2. Совокупная семантическая структура концепта «русскость» по данным лексикографических источников, фразеологии и паремиологии

Как видим, образно-оценочные смыслы имеют как негативный (маркированы на рис. 2.2 знаком «—»), так и позитивный (маркированы на рис. 2.2 знаком «+») характер.

К **негативно-оценочным** КП можно отнести 'небрежное, безответственное отношение к чему-либо, обычно присущее русскому человеку', 'нечто нарушающее норму, отклоняющееся от стандарта, неправильное, обычно присущее русскому человеку', 'нечто неопределенное, смутное, нечеткое', а также новый КП '(ироничное) русский (российский) предприниматель нового времени'.

К **положительно-оцениваемым** КП тяготеют 'простой, ясный, понятный, доступный для понимания', 'нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям', 'традиционное, в противовес новому, современному', 'определенную разновидность, род, тип, породу класс животных, растений, явлений природы, обычные для мест исконного обитания русских', 'что-то естественное, природное', 'изготовленное, приготовленное, сделанное особым, национально-специфичным образом (для вещей, предметов обихода)', 'связь с верой, с Богом, святость', 'искусность в военном деле, воинская доблесть'.

2.3. Языковая объективация концепта «русскость» в лексико-семантической системе русского языка

На следующем этапе анализа мы рассматриваем, в соответствии с принятой концепцией исследования, парадигматические, синтагматические и деривационные особенности языковой экспликации исследуемого концепта.

2.3.1. Парадигматические особенности языковой объективации концепта «русскость»

Под парадигматическими особенностями языковой объективации концепта в используемой нами методике анализа концептов понимается выявление синонимических (квазисинонимических), антонимических (квазиантонимических), гипо-гиперонимических, партитивных и ассоциативных связей и отношений слов — репрезентантов данного концепта.

В соответствии с этим мы исследуем отношения между словом *русский* и лексемами *российский*, *национальный*, *народный*, *отечественный* и пр. (квазисинонимия), с одной стороны, и лексемами *нерусский*, *антирусский*, *псевдорусский* и пр. (квазиантонимия) — с другой.

Прежде всего в области синонимии и квазисинонимии нас интересуют отношения между словом *русский* и наиболее близким ему по значению и употреблению словом *российский*. В частности, словари синонимов, наряду со словом великорусский, указывают также *русский* и *российский* в качестве синонимов [ССРЯ 1970]. Толковые словари также отмечают, что в значение слова *российский* входит смысловой компонент 'русский'. Так, БАС в качестве первого значения, правда, устаревшего, указывает: '1. Устар. То же, что русский [БАС 1961]. Аналогично — в словаре Д.Н. Ушакова: «1. То же, что русский в 1 знач. (устар.). *Российская словесность*. 2. То же, что русский во 2 знач. *Российская история была тюрьмой народов*» [СУ 1999].

Однако примечательно, что уже в недавнем переиздании словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой пометы «устар.» нет, там просто указывается третье значение: «3. Относящийся к россиянам, к русским, а также к России, ее территории, внутреннему устройству, истории; такой, как у россиян, как у русских, как в России» [СО 1993]. Активизация слова *российский* в значении, близком к *русский*, вполне соответствует общим тенденциям в области инновационных процессов в лексике и словообразовании современного русского языка, отмечаемым в работе [Новые тенденции 2014: 134–221]. Кстати, и в

ряде современных западных языков также для обозначения понятий и 'русский', и 'российский' может использоваться одно слово, например, в английском языке — слово *Russian*, в немецком — *russisch*.

Таким образом, парадигматическая связь *русский* — *российский* позволяет верифицировать 4 когнитивных признака концепта из числа выявленных нами ранее 31 (по данным словарей, фразеологии и паремиологии), которые связаны с Россией: 'находящийся на территории России'; 'российский'; 'имеющий отношение к Руси, к России'; 'такой, как в России'.

В качестве квазисинонимов к слову *русский*, на наш взгляд, правомерно рассматривать прилагательные *отечественный*, *народный*, *национальный*. На эмпирическом уровне анализа текстового материала мы обнаружили, что прилагательные типа *отечественный*, *национальный*, *народный* и под. в узусе, в русской речевой практике часто по умолчанию имеют не обобщенную семантику, в норме присущую относительным прилагательным подобного типа по модели 'имеющий отношение к X' (т.е. 'имеющий отношение вообще к нации (любой), народу (любому), отечеству (любому)'), а конкретное, суженное значение 'имеющий отношение конкретно к русской нации, народу, отечеству' или ситуационное значение 'имеющий отношение к той, нации, народу, отечеству, к которым принадлежит говорящий и с которыми он себя соотносит'. Это также вполне соответствует общим тенденциям в области инновационных процессов в лексике и словообразовании современного русского языка, отмеченным в уже цитированной работе [Новые тенденции 2014: 134–221].

Иными словами, когда, например, русский человек употребляет прилагательное *национальный*, он «по умолчанию» имеет в виду что-то вроде 'русский национальный', соответственно, представитель другого этноса также закладывает в толкование этого прилагательного именно принадлежность к своему этносу. Поэтому в речевой практике эти прилагательные приобретают два важных, в плане нашего исследования, свойства: (1) они переходят в качественные и получают потенциальную коннотативную положительную

оценочность; (2) они синонимизируются с прилагательными, просто обозначающими ту или иную этническую принадлежность (в нашем случае — с прилагательным *русский*).

Так, например, для слова *народный* словари не отмечают компонент 'русский', но в словарном толковании, а особенно — в иллюстративном материале к словарной статье видно, что подразумевается не вообще *народный*, а *русский народный* — ср., например, в МАС: «1... // Принадлежащий народу, стране; государственный: *Народные богатства. Народное хозяйство*. 2. Тесно связанный с народом, соответствующий духу народа, его культуре, мировоззрению» [МАС 1985].

Для слова *национальный* в БАС, например, в толковании встречаем примечательный компонент *данной* нации, видимо, имплицитно включающий в толкование позицию говорящего: «2. Свойственный *данной* нации, народности, выражающий ее характер, особенности» [БАС 1961]. Схожие толкования присутствуют в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, в МАС, в словаре Д.Н. Ушакова [СО 1993; СУ 1999; МАС 1985].

Интерес представляют также данные по слову *отечественный*, которые актуализуют патриотическую сторону концепта «русскость» — связь с Родиной, с отечеством ('что-то родное, в противовес чужому, зарубежному'). В словаре Д.Н. Ушакова, например, обратим внимание на такое значение: 'находящийся в отечестве, не заграничный, не иностранный. *Отечественная промышленность. Товары отечественного производства. Отечественный язык*' [СУ 1999]. То же — в БАС: «Относящийся к отечеству, к своей стране; не иностранный» [БАС 1961]. Также *отечественный* пересекается и с *национальный, народный* — ср., например: *Отечественная война*, т.е. всенародная, общенациональная.

В некоторых контекстах указанные слова способны заменять слово *русский* (*русская литература* = *отечественная литература*, *русская идея* = *национальная идея*, *русский костюм* = *национальный костюм*). Также слово *русский* способно присоединяться к сочетанием с этими прилагательными,

образуя устойчивые коллокации: *русские народные сказки, русский национальный характер*). Тогда образуются парадигматические родо-видовые отношения.

Несколько хуже слово *русский* присоединяется к сочетаниям с *отечественный*: видимо, носитель языка ощущает потенциальную избыточность, тавтологичность данных употреблений. Однако в Национальном корпусе русского языка мы все же нашли эти примеры: *Нигде революция столько не разрушала полезного нам же самим, как в России; и сейчас, когда все время твердим о русских отечественных традициях, это только слова и слова...* [Светлана Аллилуева. Двадцать писем другу (1963)].

Иногда синонимия *русский* — *отечественный* подчеркивается на письме запятой; ср. пример из Национального корпуса русского языка: *Причина — русский язык то есть недостаток русского, отечественного языка от воспитания за границей, с гувернантками и боннами иностранками* [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1877. Год II-й (1877)].

В работе Е.Л. Березович дается глубокая прагмалингвистическая и этнолингвистическая интерпретация синонимических, квазисинонимических и гипо-гиперонимических сближений понятия *русский* с предельно широкими понятиями типа *мы, люди, народ*: «В лексике изучаемого гнезда ярко проявляется смена фокуса эмпатии, «плавающая» точка зрения говорящего. Именно из-за этого *русское* варьирует от местного до общерусского, от личного до общественного, от деревенского до городского и проч. Эти особенности во многом объясняются тем, что *русский* — **автоэтноним**. Данный разряд этнонимов в разных языках мира включает в себя слова с внутренней формой «мы», «люди, народ», «настоящий», «наши, свои», «мужчины» и др. Подобные связи обнаруживаются и в речевом употреблении этнонима, который может в текстах заменяться словами *мы, народ* и т.п. <...> *Люди и русские* обнаруживают номинативную аналогию в значениях ‘крестьянский, народный’, ‘общительный, умеющий быть в обществе’, ‘обнародовать’, ‘культурный, «городской»’ [Березович 2011: 27].

В целом можно сказать, что синонимические, квазисинонимические и гипо-гиперонимические отношения, в которые входит слово *русский*, позволяют верифицировать ряд когнитивных признаков, выявленных ранее, и актуализовать некоторые новые оттенки смысла: 'исконный, в противовес иностранному', 'общенародный, общенациональный', 'относящийся к отечеству, патриотический'. Кроме того, для проанализированных слов выявляется отчетливая положительно-оценочная коннотация.

Анализ антонимических и квазиантонимических отношений для слова *русский* также позволяет выявить отмеченные выше смысловые акценты. Е.Л. Березович для антонимов к слову *русский* отмечает такие черты, как «разнообразие» и «ситуативность»: по понятным экстралингвистическим причинам, «это главным образом обозначения народов, с которыми русские конфликтовали, или их территориальных (этнических) соседей (ср. оппозиции *русский* — *немецкий*, *русский* — *якутский*, *русский* — *польский* и проч.)» [Березович 2011: 28].

Отмеченные выше смысловые особенности во многом подтверждает и анализ антонимических и квазиантонимических отношений слова *русский* и слов *нерусский*, *антирусский*, *псевдорусский*.

Слово *антирусский* означает: «Недоброжелательный, враждебный по отношению к русской нации, русской культуре, русским» — и его антонимия со словом *русский* актуализует когнитивные признаки: 'представитель восточнославянского народа, составляющего основное население России'; 'имеющий отношение к восточнославянскому народу, составляющему основное население России'; 'относящийся к русскому национальному характеру'; 'относящийся к русскому образу жизни, культуре'; 'относящийся к русской истории'. В свою очередь слово *псевдорусский* в словаре Т.Ф. Ефремовой толкуется следующим образом: «Не являющийся подлинно русским, использующий лишь внешние признаки русского быта, культуры» [СЕ 2000]. В силу наличия квазиантонимических отношений *русский* — *антирусский*

мы можем актуализовать такой выявленный ранее когнитивный признак, как 'такой, как у русских, подобный русскому, русским'.

Слово *нерусский*, согласно данным словарей, в прямом значении в МАС: «Не относящийся к русскому, к русским, не свойственный русским, не такой, как у русских» [МАС 1985] — реализует следующий комплекс когнитивных признаков: 'представитель восточнославянского народа, составляющего основное население России'; 'имеющий отношение к восточнославянскому народу, составляющему основное население России'; 'принадлежащий людям — представителям восточнославянского народа, составляющего основное население России'; 'имеющий отношение к Руси, к России'; 'такой, как у русских, подобный русскому, русским'.

Однако нам важно ироническое, стилистически сниженное, метафорическое по природе значение: «*Ирон. Неправильный, непривычный, плохой, непонятный. Чего-то ты сегодня **нерусский** какой-то, жена, что ли, с грузином ушла*», — возникающее у этого слова в узусе, в современной речевой практике. На фоне данной антонимической связки *русский* — *нерусский* мы можем установить на первоначальном уровне анализа наличие когнитивного признака для лексемы *русский* — 'правильный, привычный, понятный', т.е. интерпретировать эту антонимию через культурно-значимую оппозицию *свой* — *чужой*.

Итак, лексема *нерусский* выступает как квазиантоним по отношению к субстантиву и адъективу *русский* и так же употребляется и как существительное, и как прилагательное. Точно так же в словообразовательном плане субстантив *нерусский* является производным от соответствующего прилагательного. При этом можно говорить об окказиональном характере данной модели словообразования, потому что в норме адъективные дериваты с *не* образуются от относительных прилагательных (ср. нормальное *веселый* → *невеселый*, но нельзя **деревянный* → *недеревянный*).

В плане грамматических свойств сама возможность подобной деривации обусловлена переходом относительного прилагательного *русский* в ка-

чественное. Причем в производном слове *нерусский* «качественность» усиливается, что подтверждается возможностью сочетаемости с наречиями степени качества: *совсем нерусский, слегка нерусский* и пр., а также окказиональным образованием превосходной степени *самый нерусский*. См. пример из Национального корпуса русского языка: *Бальмонт, самый нерусский из поэтов, чужестранный переводчик... иностранное представительство от несуществующей фонетической державы...* [И.Г. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книга 2 (1960-1965)] [НКРЯ].

Орфографически это выражается в слитном написании *не* с прилагательным. Обратим внимание, что от других прилагательных, обозначающих этническую принадлежность, качественные адъективные дериваты с *не* не образуются: *английский* → нельзя **неанглийский*, можно только *не английский*, где *не* — стандартная отрицательная частица, а не приставка.

То же наблюдаем и для субстантивата *нерусский*. С логической точки зрения не может быть отрицательной национальной принадлежности — поэтому нормально отрицание этнической принадлежности с отдельным *не*, но несколько странно — утверждение отрицательной этнической принадлежности со слитным *не*. Однако в контекстах употребления наблюдаем зачастую именно слитное употребление субстантивов. Ср. пример из НКРЯ: — *А помнишь, Настасья, летом у тебя нерусский жил* [Александр Силаев. Подлое сердце родины (2007)] [НКРЯ]. Очень часто субстантив *нерусский* выражает именно качественную (как правило, негативную) характеристику лица: *Парень вдруг напрягся. — Ты чего, нерусский, что ли? — спросил он настороженно. // — Почему нерусский?* — удивился Гош. [Олег Дивов. Молодые и сильные выживут (1998)] [НКРЯ].

Лексикографические толкования слова *нерусский* также тяготеют к выражению качественного признака или качественной характеристики лица. Так, в МАС фиксируется следующая семантика: «Не относящийся к русскому, к русским, не свойственный русским, **не такой, как у русских**» [МАС 1985]. Здесь нами выделен качественный семантический признак в дефини-

ции слова. Кстати, это же толкование дублируется в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова [БТСРЯ 2000].

Элемент толкования 'не такой, как у русских' важен, так как он содержит в себе негативно-оценочный потенциал, возможность развития отрицательно-оценочной коннотации. Негативная оценка в слове *нерусский* актуализируется в разговорных, просторечных или жаргонных контекстах употребления, что отражает, например, дефиниция лексемы в «Словаре русского арго» В.С. Елистратова: «*Ирон.* Неправильный, непривычный, плохой, непонятный. *Чего-то ты сегодня **нерусский** какой-то, жена, что ли, с грузином ушла?*» [СРА 2000]. Здесь можно видеть ироническое, стилистически сниженное, метафорическое по природе значение. В результате на фоне антонимической связки *русский* — *нерусский* мы можем «от противного» установить когнитивный признак для *русский* — 'правильный, привычный, понятный'. Данная негативно-оценочная коннотация также выходит на первый план в экспрессивных пейоративных употреблениях:

(1) в фразеологически связанном употреблении слова в сочетании *как нерусский* — см. в НКРЯ: *Ну, что ты прям как неродной... как **нерусский**, ей-богу!..* [Марина Палей. Long Distance, или Славянский акцент (1998-1999)] [НКРЯ];

(2) в просторечном бранном фразеологизме *черт нерусский* — см. в НКРЯ: — *Ткнись ты, **черт нерусский**, чего ребят мне сбиваешь, вылутился!* [Олег Павлов. Дело Матюшина (1996)] [НКРЯ].

Все приведенные выше реализации выявляют очень важную грань концепта «русскость», а именно его включение в мифологическую аксиологическую оппозицию по линии *свой* — *чужой*. Это обуславливает значительный оценочный потенциал данного концепта, его вхождение в систему общеоценочных предикатов *хорошо* — *плохо* как отражение национальных авто- и гетеростереотипов, как сигнал возможного несоответствия некой норме, стандарту свойства «русскости». В целом проанализированный материал демонстрирует актуализацию посредством лексемы *нерусский* (как бы «от

противного») таких когнитивных признаков концепта «русскость», как ‘представитель восточнославянского народа, составляющего основное население России’; ‘имеющий отношение к восточнославянскому народу, составляющему основное население России’; ‘принадлежащий людям — представителям восточнославянского народа, составляющего основное население России’; ‘имеющий отношение к Руси, к России’; ‘такой, как у русских, подобный русскому, русским’.

Это позволяет выявить новый когнитивный признак, который хотя и наблюдался, но не был активен в материалах, анализировавшихся ранее. Это КП позитивно-оценочного характера: ‘свой, родной, в противовес чужому’. Этот признак, не выраженный активно в русском литературном языке, очень распространен в говорах, по свидетельству Е.Л. Березович. При этом он приобретает своеобразную культурную окраску, трансформируясь в идею окультуренной среды обитания, превращенной в пригодное для жизни пространство: «Вместе с тем *русское* — не только, так сказать, природное, но и **освоенное**, пригодное для жизни, **заселенное пространство** — в отличие от пространства необжитого, «неочеловеченного» (лесов, болот, моря, гор). Такое восприятие отражено в комплексе значений выражения *выйти (идти) на русь* (фиксируются также употребления слова *русь* вне этого выражения, но семантически с ним связанные), которые можно обобщить в инварианте ‘выйти из неосвоенного пространства в более освоенное’» [Березович 2011: 9].

Очень важной чертой для антонимических отношений, в которые вступает слово *русский*, является «культурная энантиосемия», согласно которой одни и те же пары, в зависимости от условий употребления, могут восприниматься как синонимы и как антонимы. Об этом пишет и Е.Л. Березович: «В системных отношениях *Руси* и *русского* тоже отражается смещение точки зрения: внутри одной и той же пары оттопонимических (отэтнонимических) дериватов могут наблюдаться то «синонимические», то «антонимические» отношения. Так, *русский* не только дает «синонимию» по отношению к *московскому* (примеры были приведены выше), но и противопоставляется ему.

Ср., например, пару *русский сарафан* ‘сарафан с пуговицами посередине, обложенный спереди гарусной тесьмой’ — *московский сарафан* ‘круглый, клинчатый, закрытый (высокий)’ [Даль2 4: 114]: здесь проявляется оппозиция общерусского и «местного», московского» [Березович 2011: 28].

Таким образом, анализ особенностей парадигматической реализации лексических составляющих концепта «русскость» позволил верифицировать некоторые выявленные ранее когнитивные признаки, а также высветить новые, не столь активные по данным предшествующего анализа. Это следующие когнитивные признаки:

1. исконный, в противовес иностранному
2. общенародный, общенациональный
3. относящийся к отечеству, патриотический
4. правильный, привычный, понятный
5. свой, родной, в противовес чужому.
6. освоенное, обжитое, окультуренное пространство, в противовес неосвоенной природе.

2.3.2. Синтагматические особенности языковой объективации концепта «русскость»

Анализ особенностей синтагматической реализации данного концепта заключается в выявлении типовых контекстов сочетаемости слова «русский» как репрезентанта указанного концепта. Выборка типовых контекстов проводилась по словарям сочетаемости русского языка — см., например [СССРЯ 1983]. Специально оговорим, что исследовались только свободные, невоспроизводимые контексты сочетаемости, не фразеологизмы.

На первоначальном этапе работы была осуществлена структурно-функциональная классификация контекстов по типу синтаксических связей и синтаксических позиций в сочетании с словом *русский*.

***Русский* как субстантив (существительное)**

- 1) в позиции генитива при существительном — атрибутивное значение, семантика обладания: *характер, национальные черты, традиции, обычаи ... Р*;
- 2) в позиции номинатива-сказуемого: *кто-л. ... Р*
- 3) в позиции предикатива (именного сказуемого) при глаголе-связке: *Быть, оказаться ... Р*;
- 4) в позиции прямого объекта при глаголе: *уважать, знать, понимать ... Р*;
- 5) в позиции косвенного объекта (с предлогом О): *знать что-л., писать, говорить ~ О Р*;
- 6) в позиции творительного совместности (с предлогом С): *встречаться, знакомиться, общаться ~ С Р*;
- 7) в позиции субъектного детерминанта с значением бенефактива (с предлогом ДЛЯ): *характерно что-л ~ ДЛЯ Р*;
- 8) в позиции субъектного детерминанта с значением посессивным, обладания (с предлогом У): *имеется, есть что-л. — ... У Р*;
- 9) в позиции объекта с восполняющим значением (с предлогами В и К): *ценить что-л ~ В Р; относиться как-л. ~ ... К Р*;
- 10) в позиции места, среды — обстоятельственное значение (с предлогом СРЕДИ или У): *жить, расти ~... СРЕДИ Р; У Р*;
- 11) в позиции источника — обстоятельственное значение (с предлогом У): *взять, позаимствовать что-л. — ... У Р*.
- 12) в нечленимых сочетаниях с неопределенным местоимением: *что-л. Р; кто-л. Р*

Русский как адъектив (прилагательное)

- 1) В основном ожидаемо встречается в атрибутивном сочетании по типу согласования, выражая признак предмета: *Р... народ, человек, люди, женщина, девушка, писатель, художник, поэт, композитор, артист, балерина, рабочий, крестьянин, солдат, путешественник, рабочий класс, крестьянство, интеллигенция, земля, степь, просторы, лес, природа, пейзаж, небо, зи-*

ма, деревня, берёза, культура, наука, искусство, литература, история, музыка, балет, живопись, поэзия, книга, газета, фольклор, обычай, характер, дух, душа, сердце, удасть, лицо, язык, слово, алфавит, грамматика, поговорка, сказка, песня, мелодия, танец, костюм, кухня, блюдо, гостеприимство, радующие ...

2) в роли именной части в составном именном сказуемом при глаголе-связке: *быть, оказаться Р. чем-л., кем-л. (русским человеком, русским пейзажем и пр.)*

3) в роли главного слова с наречием степени: *Чисто, истинно ... Р.*

Затем данная классификация была «наложена» на выявленные ранее 31 признак с целью распределения полученных контекстов по признакам и возможного выявления новых признаков, не отмеченных в лексикографических источниках.

Для слова *русский* как существительного самыми активными оказались признаки, репрезентирующие первичное значение: ‘народ, нация (во мн.ч.)’; ‘представители этой нации’ и т.п.: *быть / оказаться Р, любить / знать Р; учиться у Р, заимствовать у Р* и т.п.

Модели атрибутивной сочетаемости по типу *русский костюм, русская печь* или *русское блюдо* репрезентируют признак ‘изготовленное, приготовленное, сделанное особым, национально-специфичным образом (для вещей, предметов обихода)’. Это признак обладает крайней степенью активности, по данным Л.Е. Березович: «Русское — то, что в наибольшей степени **распространено и типично** для данной местности по способу изготовления или применения... Данная семантическая грань нередко раскрывается в противопоставлениях: <...>.русская печь ‘кирпичная или битая, для тепла и варки пищи, печенья хлеба’ — голландская печь ‘комнатная, разных видов и устройства, ради тепла, угреву’ ...» [Березович 2011: 15].

Лишь некоторые типы контекстов реализуют иные признаки, например: ‘такой, как у русских, подобный русскому, русским’; ‘такой, как в России’: *характерный для Р, присущий Р.; что-то Р; ‘относящийся к русскому*

национальному характеру»; 'относящийся к русскому образу жизни, культуре': *что-то Р*.

Для слова *русский* как прилагательного оказались релевантными многие признаки из имеющихся 32 КП. Помимо указанных выше признаков, *русский* как прилагательное выражает такие признаки, как 'такой, который относится к Руси к России, к русским': *Р народ, Р человек*; такой, который принадлежит русским: *Р костюм*; созданный русскими: *Р живопись, Р балет*, свойственный русским: *Р характер, Р душа*; на территории русских: *Р степь, Р земля*; 'относящийся к русскому языку': *Р грамматика, Р алфавит*; 'относящийся к русскому национальному характеру': *Р удаль, Р тоска*; 'относящийся к русскому образу жизни, культуре': *Р гостеприимство*.

На этом фоне проявляет активность признак принадлежности к родной земле. Дialeктный материал дает более существенную активность данного признака за счет его модификации: *русский* → *местный*, о чем свидетельствуют данные Л.Е. Березович: «Русское — это **местное**: костр. *русский* 'местный, живущий в данной местности': ...влг. *в нашей России, у нас в России* 'в наших местах': ... «У нас в России мало деревён осталось» [КСГРС]. «Русскость» маркирует не только пространство, но и собственно **среду обитания**, окружающую говорящего: костр. *русский* 'местный, произрастающий в данной местности': «Толькё русские грибы едим, из своего леса. Из других местов не надо мне, какие там у их ядовитыё» [ЛКТЭ]...» [Березович 2011: 9].

Проведенный анализ еще раз подтвердил реальность такой, выявленной ранее специфической характеристики концептуального содержания для концепта «русскость», как возможность качественно-оценочного восприятия признака *русский*. На языковом уровне это проявляется в контекстах перехода этого прилагательного из относительного в качественное (когда оно сочетается с наречием качественной оценки): *истинно Р, чисто Р*.

Новых когнитивных признаков анализ синтагматики не обнаружил, зато, благодаря привлечению данных Е.Л. Березович, мы можем выявить новые акценты в уже выявленных признаках: 'местный, произрастающий в данной

местности', 'наиболее распространенное и типичное для данной местности по способу изготовления или применения'.

2.3.3. Словообразовательные особенности языковой объективации концепта «русскость»

Далее, в соответствии с принятой концепцией исследования рассматриваются деривационные особенности языковой объективации анализируемого концепта «русскость», которые выражаются прежде всего в структуре словообразовательного гнезда с вершиной *русский* и в словообразовательной семантике слов, составляющих это гнездо. Для этого, опираясь на данные «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова (1985), мы сформировали словообразовательное гнездо с вершиной *русский*.

Словообразовательное гнездо с вершиной *русский* в современном русском языке характеризуется разветвленной структурой с богатыми и разнообразными словообразовательными связями и включает в себя 82 производных слова разной степени производности по отношению к исходному *русский* [СТ 1985].

Анализ структуры словообразовательного гнезда позволяет сделать вывод о том, что сама разветвленность данного гнезда свидетельствует о богатстве концептуального содержания и культурной разработанности понятия «русскость» в русском языковом сознании.

Широко представлены адъективная область, прежде всего за счет сложных прилагательных с первым компонентом *русско-* или вторым компонентом *-русский* (51 дериват), субстантивная область (23 деривата) и глагольная область: *русеть, обрусеть, обрусить, русифицировать* и др. (7 дериватов), имеется одно наречие — по-русски. Имеются дериваты как с исконно-русскими (их большинство), так и с заимствованными словообразователь-

ными компонентами — аффиксами и аффиксоидами (*русифицировать*, *русофил* / *русофоб* и производные от них).

Ниже данное словообразовательное гнездо представлено в схематическом виде (см. Схему 2.1):

Схема 2.1. Словообразовательное гнездо с вершиной РУССК(ИЙ)

ру'сск(ий),,I, прил.	ру'сск-о-австри'йский См. Австрия
анти-русск-ий	ру'сск-о-америка'нский См. Америка
ру'сск-ий,,II, сущ. Человек	ру'сск-о-англи'йский См. Англия
ру'сск-ая,,I, сущ.	ру'сск-о-араб'ский См. араб
ру'сск-ий,,III, сущ. Русский язык	ру'сск-о-афга'нский См. афганец
ру'сск-ая,,II, сущ. Пляска	ру'сск-о-венге'рский См. венгр
рус-и'ст	ру'сск-о-герма'нский См. Германия
руси'ст-ск-ий	ру'сск-о-голла'ндский См. Голландия
рус-и'зм	ру'сск-о-ира'нский См. Иран
рус-ни'зм	ру'сск-о-испа'нский См. Испания
рус-а'к,,I русак II См. русский	ру'сск-о-кита'йский См. Китай
русач-о'к,,I русачок II См. русский	ру'сск-о-монго'льский См. монгол,,I
руса'ч-к-а	ру'сск-о-неме'цкий См. немец
руса'ч-ий	ру'сск-о-норве'жский См. Норвегия
не-ру'сский	ру'сск-о-перси'дский См. перс
по-ру'сск-и	ру'сск-о-по'льский См. поляк
псевдо-ру'сский	ру'сск-о-пру'сский См. Пруссия
рус-е'-ть,,I русеть II См. русский	ру'сск-о-румы'нский См. румын
об-русе'ть	ру'сск-о-таджи'кский См. таджик
обрусе'-ни'е-,,I [обрусение]	ру'сск-о-туре'цкий См. турок
обрусе'-л-ый	ру'сск-о-францу'зский См. француз
рус-ифиц'и'рова-ть	ру'сск-о-шве'дский См. швед
русифици'ровать-ся	ру'сск-о-япо'нский См. Япония
русифици'рова-ни'е [русифицирование]	абха'зск-о-ру'сский См. абхаз
русифик-а'ци'я-а [русификация]	а'нгл-о-ру'сский См. Англия
русифик-а'тор	армя'н-о-ру'сский См. армянин
русифика'тор-ств-о	голла'ндск-о-ру'сский См. Голландия
русифика'тор-ск-ий	древн-е-ру'сский См. древний
об-рус-и'-ть	западн-о-ру'сский См. запад
обрус-е'-ни'е-,,II	ложн-о-ру'сский См. лгать
обруси'-тель	неме'цк-о-ру'сский См. немец
обруси'-тельн-ый	общ-е-ру'сский См. общий
рус-о-фи'л	по'льск-о-ру'сский См. поляк
русофи'ль-ств-о	свят-о-ру'сский См. святой,,I
русофи'льств-ова-ть,,I	северн-о-ру'сский См. север
русофи'ль-ск-ий	сербохорва'тск-о-ру'сский См. серб, хорват
русофи'ль-ствова-ть,,2	сербскохорва'тск-о-ру'сский См. серб, хорват
рус-о-фо'б	славян-о-ру'сский См. славянин
русофо'б-ств-о	средн-е-ру'сский См. средний
русофо'б-ск-ий	стар-о-ру'сский См. старый,,I
	таджи'кск-о-ру'сский См. таджик
	фра'нк-о-ру'сский См. француз
	хи'нди-ру'сский См. хинди
	южн-о-ру'сский См. юг

Данные анализа свидетельствуют о разнообразии аспектов представления о «русскости» как о характерном свойстве лица или объекта, как о действии / состоянии / ситуации, а также как о лице — носителе определенных культурно-значимых признаков.

В работе Е.Л. Березович на материале анализа диалектов выявляются своего рода «ценностные доминанты» [Карасик 1996 и 2002] концепта «русскость», проявленные посредством словообразования, в основном — глагольного: «Русские — традиционный социум, поэтому в деривационной се-

мантике *рус-* выразительно проявлен мотив **приобщения к традиции**, т. е. *(об)русения*» [Березович 2011: 19].

Автор выделяет следующие «темы»:

- длительное проживание в одном месте (костр. *обрусеть* ‘долго жить в каком-либо месте’);
- привыкание к обществу и его законам (алт. *русеть* ‘приспосабливаться к жизни, местным условиям’);
- приобретение опыта, навыков (псков. *нарусеть* ‘приобрести навык, умение в чем-н., научиться’);
- приручение, одомашнивание животных: (чкал. *обрусеть* ‘сделаться ручным (о диких животных, птицах)’ [Березович 2011: 19–20].

Нетрудно видеть, что в целом основные когнитивные признаки, выявленные на первых этапах нашего исследования, находят свое подтверждение и в семантике дериватов на базе *русский* — прежде всего это касается сложных слов с этим компонентом. Кроме этого, анализ дериватов позволяет заключить, что представление о русском в языковом сознании приобретает новые оттенки смысла и оценочно-экспрессивные коннотации.

Во-первых, отметим возможность перехода прилагательного *русский* из относительного в качественное, что позволяет этому свойству мыслиться в большей или меньшей степени — т.е. русским можно быть в большей или меньшей степени. Это в свою очередь обосновывает развитие «глагольности» в концептуальном содержании данного концепта. Т.е. можно делать русским или делаться / становиться русским, можно приобретать черты «русскости» посредством определенных операций и акций (глаголы *русеть* ‘становится русским’, *обрусеть*, *обрусить*, можно также насильственно подвергать *русификации*, т.е. *русифицировать* лица или объекты).

Глагольная сфера от *русский* гораздо более широко представлена в материале диалектов, где наиболее ярко проявляется оценочный потенциал именно в деятельностной (акциональной) сфере концепта «русскость». Так, в книге Л.Е. Березович «Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-

мотивационная реконструкция» (2014) отмечается важность производных глаголов для обозначения «своего мира», «присвоенного пространства» для русского человека: «Русь — то, что сейчас бы назвали «личным пространством» человека, слившаяся с ним обстановка: влг. *быть на руси* ‘чувствовать себя в привычной обстановке’: «В деревянной-то избе я на руси, не болею, а в городе сразу захвораю» [КСГРС]. «Русскость» характеризует **нормальное, привычное физическое состояние человека**: влг. *русеть, русовать*, ‘чувствовать себя хорошо, быть в своей тарелке (обычно с отрицанием)’: «Не русела с утра, голова как чужая», ... влг., костр. *обрусеть*, ‘выздороветь’: «Бабка ходила за им, быстро обрусел» (костр.); орл. *выйти на русь* то же [СРНГ 5: 286]. Т.е. «становиться русским = самим собой, хорошо себя чувствовать» [Березович 2014: 119]

Во-вторых, в целях нашего исследования также важно наличие дериватов, отражающих те или иные оценочные, эмоционально-экспрессивные или стилистически маркированные оттенки смысла. Прежде всего это экстроним *русак / русачка / русачок* — ‘м. разг. Человек с ярко выраженными чертами русского народного характера’ [СЕ 2000], который отражает разные эмоционально-экспрессивные регистры в отношении к называемому понятию — ласкательные, шутливые, снисходительные, причем на шкале оценочности в разных контекстах слово может иметь как мелиоративные, так и пейоративные смыслы.

Также градацию разного, причем даже антиномичного отношения к категории «русскость» отражают образования с иноязычными аффиксоидами интернационального типа — *русофил* и *русофоб*. Данные дериваты, как в общем и ряд других синтагматических и парадигматических реализаций, исследованных нами в предыдущих работах, выявляют очень важную грань концепта «русскость», а именно его включение в мифологическую аксиологическую оппозицию по линии *свой* — *чужой*. Это обуславливает значительный оценочный потенциал данного концепта, его вхождение в систему общеоценочных предикатов *хорошо* — *плохо* как отражение национальных

авто- и гетеростереотипов — ср., например, дериват *антирусский*, а также — *псевдорусский*, отражающий возможно несоответствие некой норме, стандарту свойства «русскости»: ‘Не являющийся подлинно русским, использующий лишь внешние признаки русского быта, культуры’ [СЕ 2000].

Наконец интересен и наречный дериват *по-русски*, который отражает уже сторону возможной атрибуции действия, состояния или другого признака, наделение их свойствами «русскости»: ‘Как свойственно русским, как характерно для них или для Руси, России’ [Ефремова 2006]. — Нетрудно видеть, что данный дериват актуализует именно качественный аспект концептуального содержания «русскости».

В целом проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что в особенностях деривационной репрезентации концепта «русскость» акцентируются аксиологически значимые оппозиции по линии «свой» — «чужой», развивается качественно-оценочный потенциал признака «русский» в плане использования его в национальных авто- и гетеростереотипах, а также мы можем видеть реализацию акциональной, деятельностной стороны концептуального содержания «русскость», т.е. русским можно не только быть по праву национальной принадлежности, но и делаться / становиться русским, делать русским другие лица или объекты.

Все вышесказанное позволяет поставить вопрос об анализе коннотативно-ценностного потенциала в сфере семантической и / или словообразовательной деривации.

Коннотативно-оценочный потенциал концепта «русскость» в моделях семантической деривации. Под семантическими дериватами мы понимаем вторичные переносные значения слова *русский* в субстантивном и адъективном употреблении, которые возникают в соответствии с механизмами семантической деривации, описанными в работах [Падучева 2004; Кустова 2004], в свободных и в устойчивых сочетаниях (в контекстах употребления фразеологизмов и пословиц), для которых констатируется возможная позитивная или негативная оценочность. Именно для подобных типов упот-

ребления и характерны национально-культурные коннотации, как они представлены в работах [Апресян 1995; Телия 1996].

Для прилагательного *русский*, кроме того, теоретическая возможность выражать оценочность обусловлена их переходом из относительно прилагательного в качественные, о чем свидетельствует сочетаемость с наречиями качественной оценки: *истинно русский, чисто русский*. Ср. по этому поводу примечание Е.Л. Березович: «У русскости есть и этико-этикетное измерение — «людскость», **умение жить в обществе, общительность**: морд. *расейский* ‘общительный, доброжелательный’» [Березович 2011: 18].

Позитивно-оценочный коннотативный фон реализован в следующих семантических дериватах (типовые контексты свободной сочетаемости приводятся по словарю сочетаемости [СССРЯ 1983]:

1) нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям: *русская душа; русское сердце; русский характер; русский обычай; русское спасибо; русский дом; русское гостеприимство; русское радушие; русская удаля*.

Положительное качество «русскости» усиливают сочетания с наречиями качественной оценки: для существительного — *истинно русский* (т.е. такой, каким должен быть русский, обладающий идеальными чертами русского); то же для прилагательного — *истинно русский человек; истинно русское сердце* и пр.

На этом фоне даже у нейтральных внеоценочных употреблений у слова *русский* возможно возникновение положительно-оценочных ассоциаций, связанных с импликацией *русский* → *родной*: *русское лицо, русская природа, русская земля, русская береза; русская степь, русский лес, русские просторы, русское слово; русская речь*.

Вхождение смыслов, имплицированных в слове *русский*, в концептуальное поле патриотизма и тесно связанной с ним православной веры обуславливает возникновение положительной оценки в таких, изначально ней-

тральных и внеоценочных, контекстах: *русский народ, вера русская православная*;

2) простой, ясный, понятный, доступный для понимания: *говорить (спрашивать) русским языком* [ФСРЯ 1968]. Ср. похожее значение в устаревшем фразеологизме, который приводится в словаре В.И. Даля: *русским счетом* 'толком, понятным счетом' [СД 1999]. Это значение приобретает в речи позитивную оценочность как явление, оцениваемое русским народом как положительное.

Негативно-оценочный коннотативный фон реализован в следующих семантических дериватах (типовые контексты свободной сочетаемости приводятся по словарю сочетаемости [СССРЯ 1983]):

1) нечто нарушающее норму, отклоняющееся от стандарта, неправильное, обычно присущее русскому человеку: *русский бунт, русское пьянство; русская тоска*;

2) нечто неопределенное, смутное, нечеткое: *русский час* 'невесть сколько' [СД 1999];

3) небрежное, безответственное отношение к чему-либо, обычно присущее русскому человеку: *русская лень; русский авось; русский ум* [= задний ум]; *русский Бог* 'авось, небось да как-нибудь' [СД 1999];

4) семантическая деривация для слова *русский* иногда приводит к развитию негативно-оценочного оттенка смысла 'невежественный, некультурный, неквалифицированный' — *русский Ваня, русская работа*, что является сужением первоначального внеоценочного признака 'естественный, природный' и полемическим переосмыслением положительно оцениваемого признака 'исконный, неиспорченный';

4) (ироничное) *русский (российский) предприниматель* нового времени: *новый русский*. Это новое устойчивое выражение иронично-сниженной окраски, созданное в эпоху перестройки, отражает изменение социокультурной ситуации в России. Оно зафиксировано в словаре под ред. Г.Н. Складнев-

ской: 'русский (российский) предприниматель и коммерсант, занявшийся бизнесом в период перестройки и быстро разбогатевший' [ТСРЯ-XXв 1998].

Коннотативно-оценочный потенциал концепта «русскость» в моделях словообразовательной деривации. Анализ структуры словообразовательного гнезда позволяет сделать вывод о том, что сама разветвленность данного гнезда свидетельствует о богатстве концептуального содержания и культурной разработанности концепта «русскость» в русском языковом сознании. Одним из показателей этого является значительный коннотативно-оценочный потенциал словообразовательных дериватов на базе *русский*.

Позитивно-оценочный коннотативный фон реализован в следующих словообразовательных дериватах:

1) прежде всего это сниженный просторечный этноним *русак / русачка / русачок* — 'разг. Человек с ярко выраженными чертами русского народного характера' [СЕ 2000], который отражает разные эмоционально-экспрессивные регистры в отношении к называемому понятию — ласкательные, шутливые, снисходительные, причем на шкале оценочности в разных контекстах слово может иметь как мелиоративные, так и пейоративные смыслы;

2) глаголы *русеть* 'становиться русским', *обрусеть*, *обрусить*, можно также насильственно подвергать *русификации*, т.е. *русифицировать* лица или объекты. Как правило, эти глаголы имеют потенциально позитивно-оценочный фон (иногда со снисходительным или ироническим оттенком), т.к. включают нечто в сферу «своего мира», «круга наших» в плане архетипической оппозиции свой — чужой.

Особенно ярко позитивно-оценочный потенциал деривации проявляется в дериватах глагольной сферы, о чем, по данным русских диалектов, свидетельствует Е.Л. Березович (лексемы *обрусеть*, *порусеть*, *изрусеть*, *вырусеть* и т.д.): «Обрусение — это **окультуривание, приобщение к цивилизации**: арх. *вы́русеть*, *изрусéть*, *орусéть* 'стать лучше во всех отношениях, культурнее' <...> На основе значений освоения, окультуривания формирует-

ся более абстрактная семантика **положительно оцениваемого действия, состояния**, ср. костр. *порусётъ* ‘стать лучше, качественнее’...» [Березович 2011: 20–21].

Негативно-оценочный коннотативный фон реализован в следующих словообразовательных дериватах:

1) градацию разного, причем даже антиномичного, отношения к категории «русскость» отражают образования с иноязычными аффиксоидами интернационального типа — *русофил* и *русофоб*. Данные дериваты выявляют очень важную грань концепта «русскость», а именно его включение в мифологическую аксиологическую оппозицию по линии *свой* — *чужой*. Это обуславливает значительный оценочный потенциал данного концепта, его вхождение в систему общеоценочных предикатов *хорошо* — *плохо* как отражение национальных авто- и гетеростереотипов;

2) интерес в этом плане представляет и сложное производное слово *русопоят*, также являющееся сниженным этнонимом: ‘(простореч. презрит. устар.). русский с грубо выраженными шовинистическими взглядами, квасной патриот’ [СУ 1996]. Это слово интересно тем, что входит в систему русских представлений о патриотизме, которые не приемлют гипертрофированное, аффектированное выражение чувства любви к Родине. Ср. ту же национально-культурную оценочную коннотацию в фразеологизме *Квасной патриотизм*, в иронически-сниженном регистре обозначающем безусловное восхваление всего, что своё, «наше». Противопоставляется подлинному патриотизму, допускающему неприятие отдельных эпизодов истории, исторических деятелей и тому подобного [БАС 1950-1965].

3) негативную оценочность выражают дериваты *антирусский* — враждебный всему русскому, направленный против чего-л. русского. Другой тип негативной оценочности представляет дериват *псевдорусский*, отражающий возможное несоответствие некой норме, стандарту свойства «русскости»: ‘Не являющийся подлинно русским, использующий лишь внешние признаки русского быта, культуры’ [СЕ 2000].

В целом проанализированный выше материал позволяет сделать вывод о том, что слова — репрезентанты концепта «русскость» обладают значительным положительным и отрицательным коннотативно-оценочным потенциалом, выражая аксиологически значимые оппозиции по линии «свой» — «чужой», что позволяет использовать его в репрезентации национальных авто- и гетеростереотипов в дискурсах разного типа, в том числе и в демагогических или манипулятивных целях.

Актуализация именно оценочного потенциала на уровне словообразования позволяет выделить еще дополнительные ценностно маркированные когнитивные признаки, которые в обследованном ранее материале потенциально наличествовали, но не были акцентированы:

1. «людскость», умение жить в обществе, общительность
2. нормальное, привычное физическое состояние человека
3. положительно оцениваемое действие, состояние.

Таким образом, анализ парадигматических, синтагматических и дери-вационных особенностей языковой объективации концепта «русскость» позволил выявить дополнительно следующие когнитивные признаки:

1. исконный, в противовес иностранному
2. общенародный, общенациональный
3. относящийся к отечеству, патриотический
4. правильный, привычный, понятный
5. свой, родной, в противовес чужому
6. невежественный, некультурный, неквалифицированный
7. освоенное, обжитое, окультуренное пространство, в противовес неосвоенной природе
8. «людскость», умение жить в обществе, общительность
9. нормальное, привычное физическое состояние человека
10. положительно оцениваемое действие, состояние.

Примечательно, что развитие семантического потенциала концепта «русскость» по мере осуществления нашего анализа демонстрирует «прирас-

тание» исключительно ценностно-маркированных признаков, их преобладание над внеоценочными. Это свидетельствует о культурной разработанности и ценностной значимости данного концепта для национальной культуры.

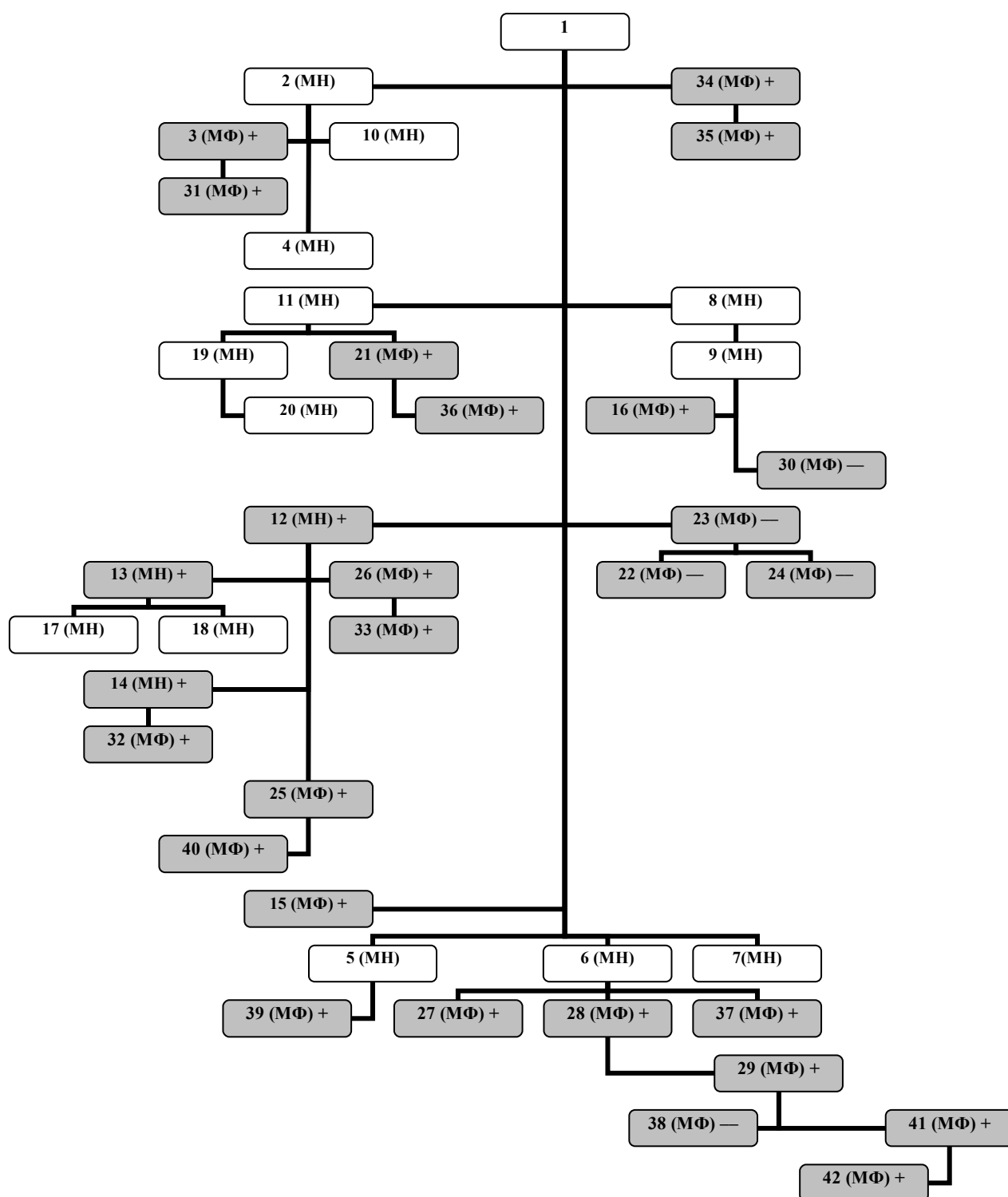
Теперь мы можем представить окончательную дополненную версию семантического наполнения концепта «русскость»:

1. восточнославянский народ, составляющий основное население России
2. представитель восточнославянского народа, составляющего основное население России
3. православный христианин, крещенный в православную веру
4. человеческий
5. имеющий отношение к Руси, к России
6. имеющий отношение к восточнославянскому народу, составляющему основное население России
7. принадлежащий людям — представителям восточнославянского народа, составляющего основное население России
8. находящийся на территории России
9. российский
10. великорусский, в противоположность украинскому и белорусскому
11. относящийся к русскому языку
12. относящийся к русскому национальному характеру
13. относящийся к русскому образу жизни, культуре
14. относящийся к русской истории
15. такой, как у русских, подобный русскому, русским
16. такой, как в России
17. особый медленный или быстрый народный танец (по типу хороводов, импровизационных переплясов, барыни)
18. музыка в ритме особых народных танцев
19. русский язык
20. русский язык как предмет школьного преподавания

- 21.простой, ясный, понятный, доступный для понимания
- 22.небрежное, безответственное отношение к чему-либо, обычно присущее русскому человеку
- 23.(отрицательно-оценочное) нечто нарушающее норму, отклоняющееся от стандарта, неправильное, обычно присущее русскому человеку
- 24.нечто неопределенное, смутное, нечеткое
- 25.(положительно-оценочное) нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям
- 26.традиционное, в противовес новому, современному
- 27.изготовленное, приготовленное, сделанное особым, национально-специфичным образом (для вещей, предметов обихода)
- 28.обозначающее определенную разновидность, род, тип, породу класс животных, растений, явлений природы, обычные для мест исконного обитания русских
- 29.что-то естественное, природное
- 30.(ироничное) русский (российский) предприниматель нового времени
- 31.связь с верой, с Богом, святость
- 32.искусность в военном деле, воинская доблесть.
- 33.исконный, в противовес иностранному
- 34.общенародный, общенациональный
- 35.относящийся к отечеству, патриотический
- 36.правильный, привычный, понятный
- 37.свой, родной, в противовес чужому
- 38.невежественный, некультурный, неквалифицированный
- 39.освоенное, обжитое, окультуренное пространство, в противовес неосвоенной природе
- 40.«людскость», умение жить в обществе, общительность
- 41.нормальное, привычное физическое состояние человека
- 42.положительно оцениваемое действие, состояние.

В целях наглядности дополненную семантическую структуру концепта «русскость» с учетом данных фразеологии и паремиологии можно представить графически, в виде схемы (см. Рис. 2.3).

Рис. 2.3. Совокупная семантическая структура концепта «русскость» по итогам комплексного анализа концепта

Совокупный смысловой объем концепта составил 42 когнитивных признака.

Анализ семантической структуры и объема концепта позволяет заключить, что семантическое развитие данного концепта идет в сторону увеличения количества оценочных когнитивных признаков. Всего оценочных КП на базе метафорических моделей — 28 против 14 нейтральных, внеоценочных (66 % от общего количества). Причем оценочные признаки затрагивают самые разные аспекты русского мира:

- природную, социальную и производственную, культурно-образовательную сферы;
- нравственную, регулятивно-поведенческую, нормативно-ценностную, и психологическую составляющие внутреннего мира русского человека.

При этом из 28 оценочных признаков только 5 негативно-оценочных против 23 положительно-оценочных (18 % от общего числа оценочных КП, 12 % от совокупного состава КП). При этом по отношению к общему числу признаков количество положительно-оценочных признаков превышает половину (примерно 55 % от совокупного состава КП). Это достаточно ожидаемый результат, потому что автоэтноним *русские* ориентирован на выражение национального идеала. Поэтому он имеет существенный позитивно-оценочный потенциал.

Данное графическое представление семантической структуры концепта позволяет увидеть специфику семантической производности, т.е. направление метафорических и метонимических расширений, деривационную связь выявленных когнитивных признаков. Но оно не показывает особенности полевой организации концептуального содержания в национальной концептосфере.

Полевая организация концепта отражает иерархию когнитивных признаков в структуре концепта: вычленение ядерных и периферийных признаков. Членение содержания концепта на ядро, базовый слов, ближнюю и дальнюю периферию производится по критерию **яркости когнитивного при-**

знака. В нашем исследовании яркость признака определяется по ряду параметров: его присутствие в разных областях совокупного содержания (экстарлингвистическое содержание, словарные данные, фразеология и паремиология, особенности языковой экспликации), частота его воспроизведения в исследуемых контекстах.

Полевая семантическая структура концепта «русскость» по итогам комплексного анализа концепта. Итак, полевая структура концепта «русскость» объективируется следующим набором когнитивных признаков.

ЯДРО — включает в себя КП, отражающие прямые номинативные значения существительного *русский* и прилагательного *русский*, фиксируемые во всех источниках и материалах и обладающие повышенной частотностью. Это следующие КП:

1. восточнославянский народ, составляющий основное население России
2. представитель восточнославянского народа, составляющего основное население России
5. имеющий отношение к Руси, к России
6. имеющий отношение к восточнославянскому народу, составляющему основное население России
7. принадлежащий людям — представителям восточнославянского народа, составляющего основное население России
10. великорусский, в противоположность украинскому и белорусскому |
|--|

БАЗОВЫЙ СЛОЙ — включает в себя КП, отражающие номинативно-производные (метонимические) и метафорические значения существительного *русский* и прилагательного *русский*, фиксируемые по данным словарей (кроме специальных значений типа РУССКИЙ = РУССКИЙ ЯЗЫК или РУССКАЯ = музыка / танец) . Это следующие КП:

3. православный христианин, крещеный в православную веру
4. человеческий
8. находящийся на территории России
9. российский
11. относящийся к русскому языку
12. относящийся к русскому национальному характеру
13. относящийся к русскому образу жизни, культуре
14. относящийся к русской истории
15. такой, как у русских, подобный русскому, русским
16. такой, как в России |
|--|

БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ — включает в себя КП, специализированные по сфере употребления (диалект, жаргон и пр.), узкоспециального характера

(танец, музыка), имеющие характер фразеологически связанных значений в устойчивых выражениях, закрепленных в культуре (в том числе выявленные по данным анализа фразеологии и паремиологии). Это следующие КП:

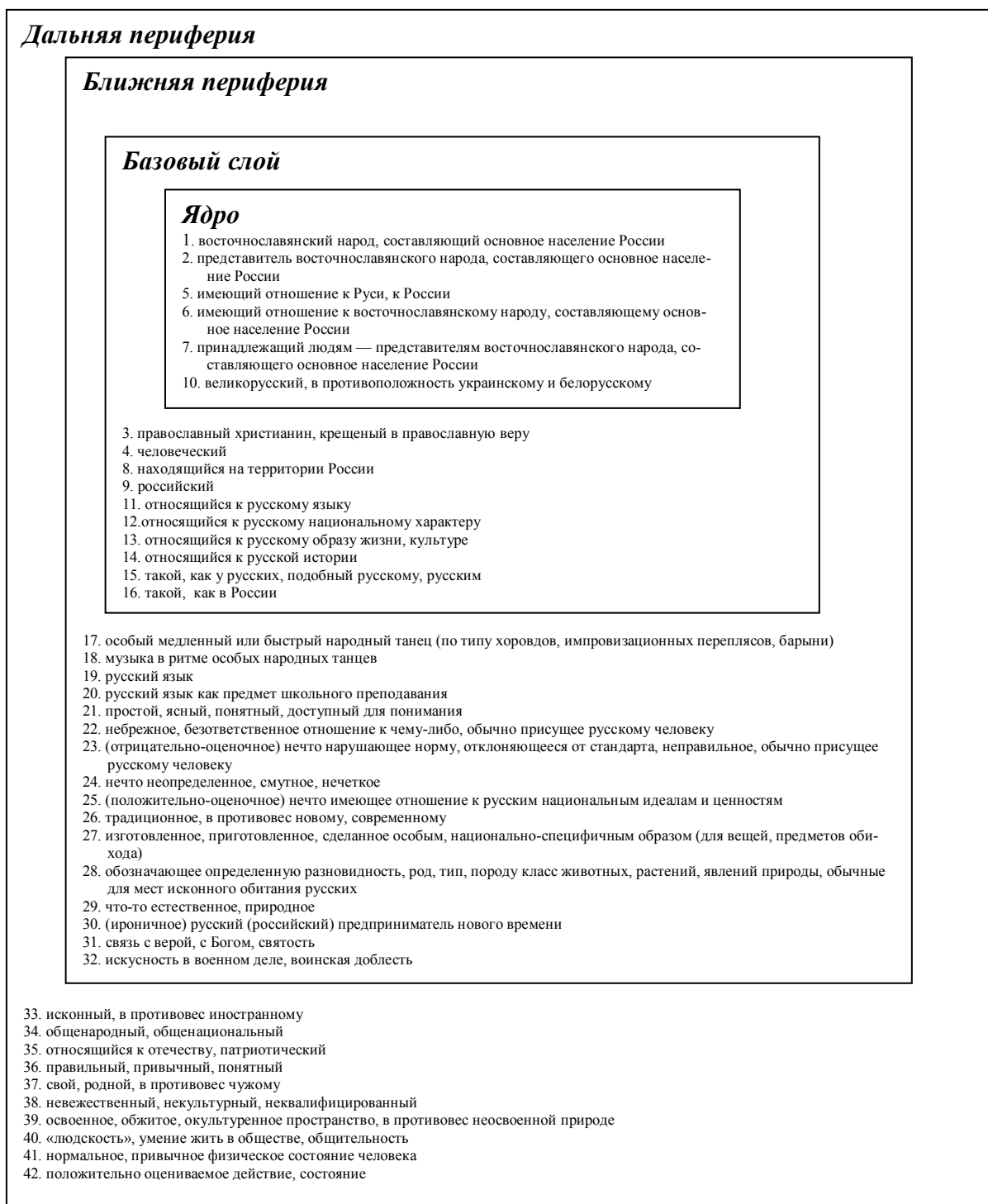
17. особый медленный или быстрый народный танец (по типу хороводов, импровизационных переплясов, барыни)
18. музыка в ритме особых народных танцев
19. русский язык
20. русский язык как предмет школьного преподавания
21. простой, ясный, понятный, доступный для понимания
22. небрежное, безответственное отношение к чему-либо, обычно присущее русскому человеку
23. (отрицательно-оценочное) нечто нарушающее норму, отклоняющееся от стандарта, неправильное, обычно присущее русскому человеку
24. нечто неопределенное, смутное, нечеткое
25. (положительно-оценочное) нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям
26. традиционное, в противовес новому, современному
27. изготовленное, приготовленное, сделанное особым, национально-специфичным образом (для вещей, предметов обихода)
28. обозначающее определенную разновидность, род, тип, породу класс животных, растений, явлений природы, обычные для мест исконного обитания русских
29. что-то естественное, природное
30. (ироничное) русский (российский) предприниматель нового времени
31. связь с верой, с Богом, святость
32. искусность в военном деле, воинская доблесть

ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ — включает в себя КП, выявленные в результате анализа парадигматических связей (синонимов и антонимов), синтагматических связей (моделей типовой несвязанной сочетаемости) и деривационных отношений (сеантика словообразовательных дериватов от *русский*) . Это следующие КП:

33. исконный, в противовес иностранному
34. общенародный, общенациональный
35. относящийся к отечеству, патриотический
36. правильный, привычный, понятный
37. свой, родной, в противовес чужому
38. невежественный, некультурный, неквалифицированный
39. освоенное, обжитое, окультуренное пространство, в противовес неосвоенной природе
40. «людскость», умение жить в обществе, общительность
41. нормальное, привычное физическое состояние человека
42. положительно оцениваемое действие, состояние

Таким образом, мы можем для наглядности представить полевую семантическую структуру концепта «русскость» в виде графической схемы (см. Рис. 2.4).

Рис. 2.4. Полевая структура концепта «русскость»

Выводы по содержанию II главы

Анализ экстралингвистического содержания понятия «русский» в отечественном социокультурном пространстве, по данным энциклопедических

источников, трудов философов, религиозных и общественных деятелей, литераторов и публицистов позволил выявить основные тематические области наивного понятия «русский», значимые для национальной культуры.

Комплексное понятие «русский» складывается из таких компонентов, как территория, климатические условия и особенности природной среды обитания, общность исторических судеб, государственность, особенности социальных отношений и экономического уклада, этническое самосознание, религия и мифология, национальная культура, ментальность, национальный характер, система идеалов и ценностей, специфика образа жизни людей, традиции и обычаи, русский язык и т.д.

Все они так или иначе получили свое языковое воплощение в концептуальном содержании и семантической структуре концепта «русскость».

Анализ языковой объективации указанного концепта по данным лексикографических источников, фразеологии и паремиологии, а также парадигматических, синтагматических и деривационных особенностей лексем — репрезентантов концепта «русскость» выявил 42 когнитивных признака данного концепта. Эти признаки вербализуют самые разные аспекты совокупного представления о «русскости» в национальной когнитивной сфере.

Прежде всего — это признаки, в своем прямом, номинативном содержании отражающие этническую самоидентификацию русских людей:

- 1. восточнославянский народ, составляющий основное население России*
- 2. представитель восточнославянского народа, составляющего основное население России*
- 3. имеющий отношение к восточнославянскому народу, составляющему основное население России*
- 4. принадлежащий людям — представителям восточнославянского народа, составляющего основное население России*
- 5. великорусский, в противоположность украинскому и белорусскому.*

Ряд признаков отражает связь этноса с государственным устройством, т.е. с Россией:

- 1. имеющий отношение к Руси, к России*
- 2. находящийся на территории России*
- 3. российский.*

Некоторые КП отражают разные аспекты «русского мира» — русскую историю, образ жизни и традиции:

- 1. относящийся к русскому национальному характеру*
- 2. относящийся к русскому образу жизни, культуре*
- 3. относящийся к русской истории*

Важными являются признаки, характеризующие исторически сложившуюся связь этнического самосознания с православной религией:

- 1. православный христианин, крещеный в православную веру*
- 2. связь с верой, с Богом, святость*

Установку русских на идеи патриотизма маркируют следующие признаки:

- 1. исконный, в противовес иностранному*
- 2. общенародный, общенациональный*
- 3. относящийся к отечеству, патриотический.*

Имеются также признаки, выражающие неразрывную связь народа и его родного языка:

- 1. русский язык*
- 2. русский язык как предмет школьного преподавания*
- 3. относящийся к русскому языку*

— народа и его искусства:

- 1. особый медленный или быстрый народный танец (по типу хороводов, импровизационных переплясов, барыни)*

- 2. музыка в ритме особых народных танцев*

— специфику исторических судеб народа:

- 1. искусность в военном деле, воинская доблесть*

— реалии современности:

2. *(ироничное) русский (российский) предприниматель нового времени*

Значимыми в плане дальнейшего семантического развития в сторону оценочной маркированности являются признаки, отражающие компаративные модели метафоризации:

1. *такой, как у русских, подобный русскому, русским*

2. *такой, как в России.*

Эти обобщенные когнитивные характеристики имеют существенный оценочный потенциал. Они конкретизируют разные частнооценочные сферы «русского мира».

Прежде всего это КП, отражающие древнее мифологическое противопоставление «свой» — «чужой». «Свое», согласно этой культурной оппозиции, считается абсолютной положительной ценностью, неоспоримой и не подвергаемой сомнению, в противовес «чужому», носителю анти-ценностей. Согласно этому представлению, полноценными людьми считаются только представители своего племени — отсюда, например, такое метонимическое расширение *русский* как вообще *человеческий* (русские = вообще люди):

1. *человеческий*

2. *свой, родной, в противовес чужому*

3. *традиционное, в противовес новому, современному*

Все, что свое, то привычно, понятно и соответствует норме. Этот аспект отражают следующие положительно-оценочные КП:

1. *правильный, привычный, понятный*

2. *простой, ясный, понятный, доступный для понимания*

3. *нормальное, привычное физическое состояние человека*

В рамках «свой» — «чужой» трактуется ряд положительно-оценочных признаков, маркирующих обжитую природную и / или культурную среду:

1. *что-то естественное, природное*

2. *обозначающее определенную разновидность, род, тип, породу класс животных, растений, явлений природы, обычные для мест исконного обитания русских*
3. *освоенное, обжитое, окультуренное пространство, в противовес неосвоенной природе*
4. *изготовленное, приготовленное, сделанное особым, национально-специфичным образом (для вещей, предметов обихода).*

— или сферу национального идеала:

1. *нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям*

— или сферу нравственности:

1. *положительно оцениваемое действие, состояние*
2. *«людскость», умение жить в обществе, общительность.*

Однако в рамках ценностных представлений народа возможна и негативно-оценочная самохарактеристика, негативный автостереотип. Он отражается в следующих КП:

1. *нечто нарушающее норму, отклоняющееся от стандарта, неправильное, обычно присущее русскому человеку*
2. *небрежное, безответственное отношение к чему-либо, обычно присущее русскому человеку*
3. *нечто неопределенное, смутное, нечеткое*
4. *невеселенный, некультурный, неквалифицированный.*

В целом анализ семантической структуры и объема концепта показал, что семантическое развитие данного концепта идет в сторону увеличения количества оценочных когнитивных признаков. Всего оценочных КП на базе метафорических моделей — 28 против 14 нейтральных, внеоценочных (66 % от общего количества). Причем оценочные признаки затрагивают самые разные аспекты русского мира: природную, социальную и производственную, культурно-образовательную сферы; регулятивно-поведенческую, нравствен-

ную, нормативно-ценностную, и психологическую составляющие внутреннего мира русского человека.

При этом из 28 оценочных признаков только 5 негативно-оценочных против 23 положительно-оценочных (18 % от общего числа оценочных КП, 12 % от совокупного состава КП). Все это свидетельствует о том, что оценочный потенциал для лексем — репрезентантов концепта «русскость» в целом имеет амбивалентный характер, т.е. развиваются как положительно-оценочные, так и отрицательно-оценочные коннотации. Но возможности развития позитивно-оценочных смыслов в концептуальном содержании концепта «русскость» значительно превышают возможности негативного осмысления «русскости» в национальной концептосфере.

Далее, в главе III, мы полагаем осуществить верификацию и уточнение выявленных когнитивных признаков в дискурсивном варьировании слов — репрезентантов концепта «русскость» и рефлексии их отражения в языковом сознании носителей языка. Также мы попытаемся обнаружить новые явления в функционировании лексем — репрезентантов концепта «русскость» в современной русской речи.

ГЛАВА III. Концепт «русскость» в русской речи и в русском языковом сознании

Концепт «русскость», несомненно, является одним из ключевых концептов для национальной культуры. При этом данный концепт, сохраняя свое инвариантное, базовое содержание, может варьировать и обогащать присущие ему культурные смыслы, попав в сферу дискурсной реализации, т.е. в речевую практику носителей языка. В настоящей главе мы рассмотрим, как отражаются когнитивные признаки концепта «русскость» в современной русской речи и в языковом сознании носителей русского языка.

В качестве материала исследования использованы данные Национального корпуса русского языка и данные цепочечного ассоциативного эксперимента. Выявленные ранее 42 когнитивных признака концепта «русскость» будут последовательно «прокручены» через тексты на русском языке и через систему речевых реакций респондентов в процессе проведения цепочечного ассоциативного эксперимента. Все это позволит верифицировать и уточнить данные, полученные на предыдущих этапах анализа концептуального содержания, смыслового объема и семантической структуры концепта «русскость» в лексико-семантической системе языка.

3.1. Дискурсивное варьирование лексем — репрезентантов концепта «русскость» по данным Национального корпуса русского языка

В подразделе 3.1.1 мы рассматриваем текстовую реализацию слов — репрезентантов концепта «русскость» с точки зрения верификации всех выявленных ранее 42 когнитивных признаков. В подразделе 3.1.2 мы рассматриваем ряд новых явлений в дискурсной реализации концепта на примере употребления окказиональных лексем «русскость» и «нерусскость».

3.1.1. Верификация когнитивных признаков концепта «русскость» по данным Национального корпуса русского языка и Интернет-мониторинга

В результате анализа вхождений лексем — репрезентантов концепта «русскость» по данным Национального корпуса русского языка и собственного Интернет-мониторинга мы выделили ряд контекстов, в которых объективируется 42 когнитивных признака концепта, выявленных ранее (по данным русских толковых и этимологических словарей, по данным русского фразеологического и паремиологического фонда, а также по данным его языковой экспликации в парадигматических, синтагматических и словообразовательных отношениях).

Главным образом рассматривались лексемы *русский* в субстантивном и адъективном вариантах — как базовые репрезентанты концепта; кроме этого, некоторые примеры включают лексемы *русский* в составе разнообразных коллокаций — устойчивых сочетаний, фразеологизмов, составных наименований и ряд других, производных лексем (*по-русски*, *нерусский* и пр.)

Ниже приводятся некоторые характерные примеры контекстов из собранной нами базы данных по каждому из 42 выявленных ранее когнитивных признаков, которые, как полагаем, впоследствии лягут в основу соответствующей словарной статьи в коллективном проекте ученых Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского по созданию учебного словаря русских культурно-значимых концептов — в качестве иллюстративного материала.

1. Восточнославянский народ, составляющий основное население России:

*Начнем с того, что Кузнецов поправляет Владимира Путина, назвавшего **русский** народ «самым большим разделенным народом мира» [Кирилл Бенедиктов. Оправдание слабости — непростительно // Известия, 2014.07.03];*

[alla, nick] *А что **русские** люди собираются провести следующие тысячу двести лет в попытках понять свое собственное существование [коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011)]*

2. Представитель восточнославянского народа, составляющего основное население России:

*Философ Сергей Rogанов — о том, что накал полемики в социальных медиа на тему Украины ни к чему не приведет «И какой же **русский** не любит быстрой езды? [Сергей Rogанов. Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее // Известия, 2014.07.07];*

*По национальности присяжные центральных губерний почти на 100 процентов были **русскими** [Александр Афанасьев. Суд присяжных в России // «Отечественные записки», 2003];*

3. Православный христианин, крещеный в православную веру:

... — слушал единственную легенду, в которой все существо наше, вера русская и такая — другая, не Дантова — хождение Богородицы по мукам [А. М. Ремизов. Кукха. Розановы письма (1923)];

Религиозная пушкинистика предтечей имела речь Достоевского, но федотовская картина действия Св. Духа в мире, в культуре, в искусстве отличается от картины, внушаемой знаменитой речью (и внушаемым ею унитарным образом русского-христианского духа — Духа [С. Г. Бочаров. Из истории понимания Пушкина (1998)]

*Но при всем своем разнообразии этот мир сплочен общими интересами (безопасность, экономика, культура) и общим пониманием решающей, цементирующей роли, которую играет **русский православный** народ в обеспечении самого существования не только Русского мира, но и входящих в него народов [Ростислав Ищенко. Русский мир и национальный вопрос // «Эксперт», 2014];*

В конференции приняли участие: правозащитные и общественные организации— "Мемориал", Фонд "Право Матери", Центр развития демокра-

тии и прав человека, региональная общественная организация "Экодадь", Институт религии и права, Институт права и публичной политики, Центр содействия международной защите, а также представители **Русской** православной церкви и государственные служащие [Мария Козлова. Свобода совести и светскость государства: проблемы и решения (1 часть) (2004) // «Адвокат», 2004.12.01];

4. Человеческий:

[LS SammY, жен] *10 из 10, хотя заслуживает большего! [-, ZorGe, -] Там **русский** дух... Там Русью пахнет! Ещё разок пересмотрев этот фильм уже в более сознательном возрасте, я ужаснулся!!!* [коллективный. Форум: Любовь и голуби (2007-2011)];

*Мой мальчик-муж робко сел с ногами в кресло и смотрит затравленно. — Здесь **русский** дух, здесь Русью пахнет! — пытаюсь шутить я* [Галина Щербакова. Ангел Мертвого озера // «Новый Мир», 2002];

5. Имеющий отношение к Руси, к России:

Русский же царь всего лишь выполнял свой долг [Ярослав Бутаков. 1914 год: стоило ли России приходить на помощь? // Известия, 2014.06.28];

— *Тарковский с упоением рассказывал, как придумал сцену, где **русский** князь бьет русского юношу саблей по шее* [Олег Кармунин. Минкультуры запретит фильмы, призывающие к насилию и жестокости // Известия, 2014.07.03];

Русское крестьянство представляло собой далеко не однородную массу [Александр Афанасьев. Суд присяжных в России // «Отечественные записки», 2003];

Русское общество с огромным интересом следило за первыми шагами нового суда [Александр Афанасьев. Суд присяжных в России // «Отечественные записки», 2003];

6. Имеющий отношение к восточнославянскому народу, составляющему основное население России:

*Уже упоминавшийся Каменев (42-й номер) — первый за 10 лет после Радулова **русский** выбор «Нэшвилла» [Игорь Еронко. Россияне остались в стороне от трансферного безумия в НХЛ // Известия, 2014.07.03];*

*— Вместо того чтобы бороться с нелегальной миграцией, власти наваливают дополнительные обязанности на добросовестных трудовых мигрантов, которые уже прошли адаптацию, выучили **русский** язык и делают всё возможное, чтобы работать на легальных основаниях [Анна Семенова. Мигрантов обяжут получать медицинскую страховку // Известия, 2014.07.09];*

*Однако у них есть преимущество, они могут перестать снимать передачи для российского рынка и запускать международную версию, дублированную на **русский** язык, что намного дешевле [Светлана Поворознюк. Зарубежные телеканалы выдают российские из кабельных сетей // Известия, 2014.07.05];*

7. Принадлежащий людям — представителям восточнославянского народа, составляющего основное население России:

*Женщины-крестьянки в Западной Сибири, как и на всей **русской** территории, знали только две причёски: девушки собирали свои волосы в одну косу — эта причёска называлась "девичьей косой"; волосы замужней женщины делили на две косы — эта причёска в свадебных песнях и в местных говорах называлась "бабьей скимой" [Свадьба тюменских старожилов // «Народное творчество», 2004];*

***Русская** земля щедро рождает и собственных Платонов, и быстрых разумом Невтонов, но как ужасно и просто пожирает она своих детей [Василий Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», 1989];*

*Зато теперь русские бьют себя пятаками в грудь, заявляя, что Сибирь исконно **русская** земля! [коллективный. Форум: Петербургский школьник из Бостона: «Эти русские — все на одно лицо» (2012)];*

8. Находящийся на территории России:

Курбатов С. М. Везувианы из **русских** месторождений [А. А. Антонов. Минералогия родингитов Баженовского гипербазитового массива (2003)];

Закупка украинского угля по демпинговой цене привела к резкому спаду продаж угольных компаний Ростовской области (в области работают «**Русский** Дон — уголь», Южная угольная компания, «Донской уголь» и др. [Сергей Фишев. Украина прекратила экспорт угля в Россию // Известия, 2014.07.03];

Воскресение: Сборник сценариев из цикла "Бытовая народная культура **русского** Севера" / Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации [Советуем прочитать // «Народное творчество», 2004];

9. Российский:

Русский паспорт вообще становится сам по себе «невыездным», ведь эти данные могут «обработать» не в России [Георгий БОВТ. Интернет-крепостничество // Комсомольская правда, 2014.07.07]; .

Хочу обратить внимание на то, что автор жалуется на российские школы. Положение **русских** учителей незавидное. Ещё более незавидное положение наших детей [Наши дети: Подростки (2004)];

Можно всю жизнь быть грузинским князем, и остаться в веках великим **русским** полководцем [Дмитрий СТЕШИН. Что значит быть русским // Комсомольская правда, 2014.07.03];

[patrol, nick] В Германии с **русскими** специалистами аналогичная картина [коллективный. Форум: Были вы в стране преподаваемого языка? (2008-2011)];

10. Великорусский, в противоположность украинскому и белорусскому:

Есть в них много общего с **русскими**, белорусскими, украинскими, но у прибалтов сохранилось больше сведений об обрядах [Тверской Иван Купала // «Народное творчество», 2004];

*Местная кухня похожа на украинскую и **русскую**, но она использует ещё элементы кулинарных традиций германских народов [Польша — добрая соседка: здесь примут по-домашнему! // «Даша», 2004];*

*Среди наших работников, кроме армян, есть и коми, и белорусы, и украинцы, и **русские** [Петр Мельников. Строитель не может быть эмигрантом (2003) // «Московский комсомолец» в Сыктывкаре, 2003.08.06];*

11. Относящийся к русскому языку:

*Кстати, «штраф»—словечко тоже заморское, у которого есть **русский** аналог «взыскание» [Елена ЧИНКОВА. Курящую даму в балетках в бутик не пускать и доллары отобрать // Комсомольская правда, 2014.07.09];*

*Хотим мы того, или не хотим, но **русский** мат — это огромная часть языковой культуры народа [Николай Корнацкий. «Самое важное — чтобы звучала, сияла, сверкала русская речь» // Известия, 2014.07.04];*

*[shilo83, nick] А почему тогда мы используем вместо исконно **русского** слова труд — слово РАбота, имеющее один корень со словом РАБ? [коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011)];*

12. Относящийся к русскому национальному характеру:

*Особо отмечает автор «уникальную атмосферу независимости и терпимости», которая «организует и смирят его взрывной **русский** характер» [Светлана Наборщикова. В Лондоне живут по московскому времени // Известия, 2014.07.01];*

*Но давайте попробуем исходить из предположения, что у **русских** есть национальное самосознание, сознание культурной и национальной общности, национальная воля — воля выжить, воля развиваться [Сергей Доренко. Левые силы - перезагрузка (2003) // «Завтра», 2003.08.13];*

13. Относящийся к русскому образу жизни, культуре

*Она сегодня — единственный **русский** поэт, которому платят «люблями» взрослые и дети от 5 до 500 лет [Александр ГАМОВ, Любовь МОИ-*

СЕЕВА. Юнна Мориц: Так думаю и так я говорю // Комсомольская правда, 2014.07.16];

[Доцент, муж] *Смотрится, как наивная сказка о Золушке, изначально ненастоящая... **Русский** «лубок» и только* [коллективный. Форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо» (2008-2011)];

*Гость из Калифорнии, кукольник Джим Гэмбл сиял белозубой улыбкой: **русская** легенда — снежная тундра материализовались на глазах, да и успех его выступлений был большим и заслуженным* [Северная сказка (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06];

[patrol, nick] *Господи Боже мой, да какие **русские** школы?* [коллективный. Форум: Были вы в стране преподаваемого языка? (2008-2011)];

14. Относящийся к русской истории:

[lafet, nick] *Вместо нового «демократического капитализма» возникла очередная версия «**русского** капитализма», напоминающая о начале XX века — в символическом обрамлении «опереточного путча» августа 1991 г. и «восемнадцатого брюмера Бориса Ельцина» 4 октября 1993 г.* [коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011)];

*Поэтому весь Восточный (**русский**) фронт превратился в гигантскую «дружественную» арену* [Екатерина БАРАНОВА. Кончай стрелять, пойдем брататься! // Комсомольская правда, 2014.07.19];

15. Такой, как у русских, подобный русскому, русским:

*Чем не европейский костюм в **русском** стиле?* [Народный костюм: архаика или современность? // «Народное творчество», 2004];

[agd-ardin, nick] . *Да, я знал, что это похлеще **русской** рулетки* [Переписка в icq между agd-ardin и Колючий друг (2008.02.08)];

16. Такой, как в России:

*Как выглядит **русский** пейзаж? Станете ли вы в патриотическом восторге целовать камчатский песок* [Дмитрий СТЕШИН. Что значит быть русским // Комсомольская правда, 2014.07.03];

[awesom13] *В старом общежитии с видом из окон на великолепную русскую природу и плакат «Терпкий вкус другой жизни» с искушающим видом тропического побережья, жизнь течет не сладко, но размеренно* [коллективный. Форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо» (2008-2011)];

[№ 2, муж] *Ну... недавно был в одном городе / включил душ / встал под душ (а русский город / настоящий такой / евроремонт)...* [М. Задорнов. Беседа на радио с М. Задорновым // Интернет, 2001];

17. Особый медленный или быстрый народный танец (по типу хороводов, импровизационных переплясов, барыни):

Научился — при полном отсутствии слуха и чувства ритма — плясать русскую и польку-бабочку; стал пользоваться матом не только для ругани, но и для дружеского общения (странно, что армия не научила меня всем этим полезным вещам) [Юрий Нагибин. Тьма в конце туннеля (1994)];

Кончилось все это тем, что генерал вскочил, схватил со стола салфетку, притопнул и начал плясать русскую [К. Г. Паустовский. Книга о жизни. Далекие годы (1946)];

Например, для конкурса талантов я приготовила хореографический номер — русский танец из балета "Лебединое озеро" Чайковского. [Юлия ХОЖАТЕЛЕВА. «Мобильная блондинка» Олеся Бословяк: «Я все-таки карьеристка, а не жена при муже» // Комсомольская правда, 2014.07.08];

18. Музыка в ритме особых народных танцев:

А потом, рванув еще рюмку-другую для храбрости, артист Волька Малашенко подговорил оркестр сыграть русскую плясовую «Николай, давай станцуем» и вызвал на пляс Николая Павловича [Михаил Козаков. Актерская книга (1978-1995)];

Ведь я их учил играть русскую музыку, учил играть Прокофьева и Шостаковича [Тамара Грум-Гржимайло, Мстислав Ростропович. «Пока я жив — играю...» // «Огонек». № 13, 1991];

19. Русский язык:

[Volland, nick] *Попался хороший перевод, с гэггами и бережным отношением к оригиналу, поэтому можно смотреть и на **русском**, хотя английский — вне конкуренции* [коллективный. Форум: Блэйд (трилогия) Blade (2008-2010)];

*В отличие от **русского** разговорного, французское застолье — гастрономическое, включая темы разговора; отсюда их тарелки величиной с тарелки их тарелки величиной со тарелки* [Рецепты национальных кухонь: Франция (2000-2005)];

20. Русский язык как предмет школьного преподавания:

*Я не сдаюсь: — А **русский** сделал? Мне учительница сказала, что она тебе двойку в четверти поставит: ты делаешь по три ошибки в слове!* [Елена Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», 2004];

*Количество выпускников, не сдавших оба обязательных предмета (математику и **русский** язык), в этом году составило около 5 тыс.* [Павел Панов. Расходы на контроль за ЕГЭ оказались больше, чем на сам экзамен // Известия, 2014.07.02];

21. Простой, ясный, понятный, доступный для понимания:

*— Я же вам **русским** языком говорю: к нему нельзя, у него обширный инфаркт, ему только что сделали операцию!* [Анатолий Мельник. Авторитет (2000)];

*Я вам **русским** языком говорю: все отделенные, взводные и командиры шаг вперед!* [В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 3-4 (1983)];

*Я тебя **русским** языком спрашиваю — ты знаешь что-нибудь про эту историю или нет* [Андрей Геласимов. Год обмана (2003)];

22. Небрежное, безответственное отношение к чему-либо, обычно присущее русскому человеку:

[zhabunin, nick] *вы супериллюстрация сторонников предложений РСПП: «все **русские** - лентяи и дебилы, и только бедные трудоголики-*

бизнесмены ведут нас к светлому будущему» [коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011)];

— *Русский человек крепок на трех сваях — «авось», «небось» и «как-нибудь»* [Светлана Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013];

К сожалению, русский человек живет по принципу «пока жареный петух не клюнет» [М. В. Строганова. Главное чудо — человек (2015.08.15)];

На вас, русских, ни в чём нельзя положиться [Андрей Геласимов. Ты можешь (2001)];

23. (отрицательно-оценочное) Нечто нарушающее норму, отклоняющееся от стандарта, неправильное, обычно присущее русскому человеку:

Вывод прост: «Русский презираем и неуважаем во всём мире» [Михаил Виноградов. Пустые сети политических рыбаков. Ресурсы политфорумов не работают в полную силу (2002) // «Известия», 2002.10.01];

В "Войне" достаточно пищи для народной ярости против цитрусовых кавказской национальности, но картина не щадит и англичан с их эгоизмом и тупой политкорректностью, и русских с их мздоимством и мордатými штабными генералами [Валерий Кичин. Поэзия компьютера (2002) // «Известия», 2002.04.26];

Особенно в России — завистливость русских общеизвестна, а сверхдержавная ностальгия есть страшная сила [Максим Соколов. Меня уже никто не любит. Колонка обозревателя (2002) // «Известия», 2002.09.25];

24. Нечто неопределенное, смутное, нечеткое:

Впрочем, создавалось впечатление, что принимающая сторона хотела не столько себя показать, сколько сама посмотреть на "этих загадочных русских" [Леонид Черняк. От мэйнфреймов к системам хранения // «Computerworld», 2004];

— *Это очень по-русски: работа начинается ещё до того, как окончательно утверждены планы её проведения, объёмы и сроки финансирования,*

— заявил «Известиям» Борис Немцов [Дмитрий Литовкин. Броня крепка. Генштаб отказывается реформировать армию (2002) // «Известия», 2002.09.27]

— У меня были проблемы. С вами **русскими** всегда проблемы. У тебя когда-нибудь убивали друзей? [Андрей Геласимов. Ты можешь (2001)];

25. (положительно-оценочное) Нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям:

[Дмитрий, муж] *И это было реально здорово/ такое ощущение/ что ты вот сидишь на конё/ вот этот **русский** дух внутри тебя* [Разговор с приятелем об учебе // Из коллекции НКРЯ, 2015];

*И как не взывает уже сама история к ней: попридержи коней, попридержи, хоть на какие-то мгновения, — нет, не слышит Россия, не слышит **русский** мир* [Сергей Роганов. Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее // Известия, 2014.07.07];

*Может быть, Миддендорф и не хотел быть **русским** — в те годы людям, служащим России, редко задавали такие дурацкие вопросы. Но, **русский** мир заразен своей центристемительностью...* [Дмитрий СТЕШИН. Что значит быть русским // Комсомольская правда, 2014.07.03];

***Русский** взгляд на Лондон и лондонцев многолик, как многолики его носители — философ, писатель, аукционная деятельница, олигарх-изгнанник, летописцы светской жизни и т.п.* [Светлана Наборщикова. В Лондоне живут по московскому времени // Известия, 2014.07.01];

26. Традиционное, в противовес новому, современному:

*Основная цель фестиваля — сохранение и развитие традиционной **русской** культуры* [Классика на школьной сцене // «Народное творчество», 2004];

*Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Энциклопедия **русских** песен* [Советуем прочитать // «Народное творчество», 2004];

У нас собрались мастерицы, прошедшие курсы лоскутного шитья, которые умеют и хотят шить современную одежду в народном стиле, от-

талкиваясь от **русской** традиции [Народный костюм: архаика или современность? // «Народное творчество», 2004];

*Сочетая эти операции, **русские** мастера с давних времён изготавливали ковши, братины, чарки и многие другие изделия [Константин Скворцов. От кубка до рыцарского шлема // «Народное творчество», 2004];*

27. Изготовленное, приготовленное, сделанное особым, национально-специфичным образом (для вещей, предметов обихода):

*Но когда из этих разных элементов я составляю модели, дух **русского** костюма остаётся [Народный костюм: архаика или современность? // «Народное творчество», 2004];*

*В российской рознице суррогат продается в категории сыры под названиями «**Русский** классический», «**Русский**», «Лаура» и «Дукат» [Анна Ляпкина. Роспотребнадзор запретил украинский сыр // Известия, 2014.07.04];*

*Одного взгляда на сам музей, напоминающий **русский** терем, украшенный традиционной рязанской домовой резьбой, на зимнюю галерею музея, похожую на деревянный крепостной вал славянского кремля, достаточно, чтобы понять: здесь бережно хранят традиции предков и последовательно собирают всё лучшее, что создаётся в Школе [Музей-ларец // «Народное творчество», 2004];*

28. Обозначающее определенную разновидность, род, тип, породу класс животных, растений, явлений природы, обычные для мест исконного обитания русских:

*И знаменитая **русская** укра, как и в былые времена, остается нашим глобальным дипломатическим оружием [Борис Грищенко. Посторонний в Кремле (2004)];*

*Вот и хочу построить заведение «**Русская** рыба» [Владимир ЛАДНЫЙ. (Наш спец. корр.) Деревня Усадище Ленинградской области. Из дерьма - конфетку // Комсомольская правда, 2002.11.14];*

*В этом смысле у нас под деревней Устье только потому десятки тысяч немцев давно перегнили на гумус под **русский** лен, что Адольфа Гитлера*

не приняли в Венскую академию, и больше ни почему [Вячеслав Пьецух. Письма из деревни // «Октябрь», 2001];

29. Что-то естественное, природное:

Исконно *русский*, то есть *природно*-обусловленный характер «горно-заводской цивилизации» выражался в ином ритме, нежели крестьянское «посев — страда — отдых» [Алексей Иванов. Message: Чусовая. Части 4-5 (2007)];

[хена, писк] В сибирских диалектах существовали и другие способы указать на давность проживания в Сибири: к слову '*русский*' добавлялись определения *здешний, природный, коренной, местный* [коллективный. Форум: Сибирь. Кто такие челдоны (2011)];

30. (ироничное) Русский (российский) предприниматель нового времени:

Он за бедных "*новых русских*" в лице Ельцина, Чубайса и остальной этой публики [Г.А. Зюганов: Только коммунисты поправят положение (2003) // «Советская Россия», 2003.08.23];

Вокруг санатория стояли кирпичные коттеджи "*новых русских*" [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002];

"*Новые русские*" и их жёны с Ириной не общались [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002];

31. Связь с верой, с Богом, святость:

Крепка, надёжна Русь святая, И *русский Бог* ещё велик [В. Каганов. Можно ли жить своим умом? Об отринутых и проклятых... // «Наука и жизнь», 2008];

Придет ли день, когда они, а, может, их внуки, опомнившись, — коль скоро наш *русский Бог* не обделит их совестью — сочтут свою безбедную жизнь незаслуженной и несправедливой по отношению к тем, кто бедствует в нищете? [Константин Азадовский. «Судьбы его печальней нет в России...» // «Звезда», 2002];

*То-то, сказал юродивый Фома. А **русский человек** благочестив. Он знает, что юродивый должен претерпеть страдание, и идет на грех, чтобы обеспечить ему это страдание* [Евгений Водолазкин. Лавр (2012)];

32. Искусность в военном деле, воинская доблесть:

*Мурашки... потому что — приятно, что **русские** солдаты такие..., что победили* [Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)];

*— Такими встречами мы прививаем нашим детям ценности, которыми во все века славились **русские** воины: мужество, верность долгу, патриотизм. [На уроке «живой истории» выступили настоящие герои // Комсомольская правда, 2011.03.22];*

*Во время богослужения протоиерей отец Ф. Миляновский произнес взволнованную речь, закончив ее словами: «Путник, кто бы ты ни был, свой или чужой, единоверец или иноверец, благоговейно остановись на этом месте — оно свято: ибо здесь лежат **русские** воины, любившие родину, до конца защищавшие честь ее»* [Николай Карпов. Крым — Галлиполи — Балканы (2002)];

33. Исконный, в противовес иностранному:

*Но вот в исполнении этой психологической задачи и таится подвох, любому **русскому**, правда, прекрасно известный, но могущий ввести в недоумение иностранца* [Олег Николаев. Новый год: праздник или ожидание праздника? // «Отечественные записки», 2003];

*Причем у каналов «**Русский** бестселлер» и «Моя планета» ВГТРК одни из самых высоких рейтингов среди кабельных каналов, они также входят в пятерку по охвату аудитории* [Светлана Поворазнюк. Зарубежные телеканалы выдают российские из кабельных сетей // Известия, 2014.07.05];

*Среди них руководители российской «дочки» шведской Viasat (TV1000, Visat History, DaVinci — всего 15 спутниковых каналов в России), телеканал «Дождь», ЗАО «Медиаарт» («Детский мир», «Любимое кино»), «Контент Юнион» («**Русский** иллюзион», «**Русский** экстрим») и др.* [Светлана Повораз-

нюк. Кабельным каналам запретили рекламу, пиво снова можно рекламировать // Известия, 2014.07.04];

34. Общенародный, общенациональный:

Русский писатель не то́ка де́лает то́ же са́мое/ но и подкрепляет своё со́бственное описáние отсы́лкой к образцо́вой ино́странной кнѳ́ге/ [Андрей Зорин. Чувственная европеизация русского дворянства XIX века. Проект Academia (ГТРК Культура) (2010)];

*Карл XII, считавшийся непобедимым, разгромил в 1700 году Петра I под Нарвой и на этом счел **русский** вопрос временно закрытым [Дмитрий СМЕРНОВ. Поражение шведов под Полтавой аукнулось Украине 305 лет спустя // Комсомольская правда, 2014.07.10];*

*[Юрий Пивоваров, муж] Марксѳ́зм—госпѳ́дствующая идеоло́гия/ ко́гда-то написáл/ "Настáнет **русский** ты́сяча семьсо́т девяно́сто тре́тий го́д" [Юрий Пивоваров. Русская история в зеркале русской мысли. Проект Academia (ГТРК Культура) (2010)];*

*С глумливыми улыбочками, устроив безобразную свару, в очередной раз показать ничтожество, эфемерность и надуманность такого понятия как «**русский**», в очередной раз, доказав, что нас не существует [Дмитрий СТЕШИН. Что значит быть русским // Комсомольская правда, 2014.07.03];*

35. Относящийся к отечеству, патриотический:

*В одном из писем есть замечательные слова: "**Русский** тем счастлив, что его Родина в величии" [Максим Кузин. Красные пути. Об альманахе «Красные холмы» // «Октябрь», 2001];*

*Стремление РПЦ максимально широко распространить основы православной культуры и осуществить пересмотр содержания некоторых других предметов школьного курса встретило поддержку трех сил: части региональных и федеральных органов власти, общественных и политических организаций **русских** националистов (в целом весьма немногочисленных) и достаточно узкой группы педагогов [Мария Козлова. Свобода совести и*

светскость государства: проблемы и решения (1 часть) (2004) // «Адвокат», 2004.12.01];

*Говоря о диверсификации, надо понимать, что до постиндустриального общества мы, **русские**, должны дорасти* [Максим Блант. Система ценностей и ценность системы (2003) // «Еженедельный журнал», 2003.04.01];

36. Правильный, привычный, понятный:

*Как-то в столовой Соломатин сказал, что **русский человек** так бы не поступил* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)];

— *Чуйкин в нашем деле ничего не понимает... Как **нерусский**, честно! Я ему говорю: ты же **нерусский**, Чуйкин!* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001];

37. Свой, родной, в противовес чужому:

*Первый продукт проекта «**Русский** мотоцикл» получил военный облик «Известия» публикуют эскизы народного мотоцикла «Волк», который создают активисты мотоклуба «Ночные волки» совместно с предприятием «Поршень»* [Мария Амирджанян. «Ночные волки» разработали русский «Харлей» // Известия, 2014.07.01];

*Озорно развернулись игры "Дрёма"" Ручеёк"" Краковяк"" Гори, гори ясно". Жаль, что исчезают **русские** народные игры. А ведь они воспитывали наших предков социально, учили держаться вместе, не таить обиду, коли проиграешь* [Тверской Иван Купала // «Народное творчество», 2004];

*Назвали Снежана. Имя— нежное, **нерусское**. Ирина предпочитала все **нерусское**, это называлось "преклонение перед Западом"* [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002];

38. Невежественный, некультурный, неквалифицированный:

*Царь ел, пил, спал, ходил и ездил не так, как следовало царю по правилам прежней обрядности; царь беспрестанно порицал **русское** невежество, выхвалял перед русскими превосходство иноземного образования* [Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск третий: XV-XVI столетия (1862-1875)];

*Они твердили: **русские мало** работают, у вас много праздников и всего лишь восьмичасовой рабочий день* [Маринин Александр. 'КОГДА В ЛИЦО МНЕ СВЕТИТ СОЛНЦЕ, Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ЯПОНЦЕМ' // Труд-7, 2006.04.13];

***Русские** не умеют трудиться, значит, работать, думая* [М. М. Пришвин. Дневники (1927)];

*Аристотель нашел, что **русские** не умеют ни обжигать кирпичей, ни приготавливать извести* [Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск второй: XV-XVI столетия (1862-1875)];

39. Освоенное, обжитое, окультуренное пространство, в противовес неосвоенной природе:

*Создается такое впечатление, словно все уже обрусели, а те, которые еще не успели, только о том и мечтают, чтобы **обрусеть**: следовательно, давайте им помогать в этом похвальном стремлении и насаждать русскую культуру в качестве всероссийской* [Владимир Жаботинский. Фальсификация школы // Одесские новости, 1910];

*Одобрив согласие отца, рассказывает ему о прекрасных качествах Антона-лекаря, о его отваге, привязанности к русским и желании, вероятно давнишнем, **обрусеть** законом и обычаями* [И. И. Лажечников. Басурман (1838)];

40. «Людскость», умение жить в обществе, общительность:

*ABrit LostinEngland, Херефорд, Великобритания Мои **русские** друзья общительные, остроумные, веселые, умные, красивые, циничные, сумасшедшие, любят выпить как следует* [«Они общительные, умные и сумасшедшие» – мнение британцев о русских // Новый регион 2, 2007.02.28];

*Иностранцам в безмерной наивности кажется, что **русские** гостеприимны и общительны, а это смесь старинного, лишенного какого-либо чувства, атавистического хлебосольства и звериной хитрости* [Ю. М. Нагибин. Дневник (1980)];

41. Нормальное, привычное физическое состояние человека:

*Это ведь он удивил своим откровением накануне матча Лиги чемпионов с "Брюгге": дескать, им, бельгийцам, в мороз играть будет тяжело, а вот нам, **русским**, дело привычное [Горлов Виктор. НА ЗОЛОТОМ КРЫЛЬЦЕ СИДЕЛИ... // Труд-7, 2002.11.19];*

*Он вдвое увеличил дневной переход, и что **русским** было привычно, для австрийцев превратилось в пытку [О. Д. Форш. Михайловский замок (1946)];*

*Мы смотрели на его ноги в стоптанных нечищенных ботинках, на потертые брюки с неуклюже выбитыми коленями, на его шарами налитые скулы, крошечные серые глаза и костистый лоб под шоколадными вихрами, и чувствовали, чувствовали непреодолимо и остро, как бродит и прет в нем страшная **русская сила**, которой нет ни препон, ни застав, ни заград, сила одинокая, угрюмая и стальная [М. Агеев. Роман с кокаином (1934)];*

42. Положительно оцениваемое действие, состояние:

*Быть может, для того, чтобы несколько лет спустя, оказавшись в компании молодых бородатых людей, которые в Колюнины революционные годы собирались в селе Коломенском у реставратора Петра Дмитриевича Барановского и толковали о родной стране и старине, но совсем не так, как на уроках истории и географии в английской спецшколе, восстанавливали деревянные храмы, учились не по-советски, а **по-русски** смеяться и плакать... [Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000];*

*Суровый русофил в Колюниной башке заставлял пустомелю интернационалиста от сомнительного мемуарного груза и места выбора подлинной Руси отказаться, тянул ленивого и размягченного двойника к надменному аскетизму и твердил, что хотя Чили и Колумбия не одно и то же, и было в той детской страстности и готовности отдать жизнь за далёкого чужого что-то от евангельского "за други своя" неподдельное и благородное, хотя был **по-русски** человеком чести великодушный идальго Альенде... [Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000];*

Мы стали слишком сами по себе. Это не по-русски, это не Россия. — Вы же теперь сенатор, что-то можете и поправить? [Илья Десятерик. Фетисов: «Без Крутова мы остались в меньшинстве» // Известия, 2012.06.08].

3.1.2. Новые явления в дискурсной реализации лексем — репрезентантов концепта «русскость» в современной русской речи: *русскость* и *нерусскость*

Кроме рассмотренных выше контекстов актуализации когнитивных признаков концепта «русскость», в речевой практике современных носителей языка появляются и разнообразные новые явления в области семантических и / или стилистических преобразований лексем — репрезентантов концепта, изменения круга сочетаемости лексем и пр.

Среди всех новых явлений наше внимание привлекли особенности функционирования в дискурсе окказиональных лексем «русскость» и «нерусскость». Их бытование в дискурсе нам показалось особо показательным, потому что именно эти лексемы, при всей их неузуальности, обладают максимально обобщенным значением (в силу своих грамматических и словообразовательных особенностей). Они как бы воплощают, концентрируют в себе отмеченные нами раньше (для лексем *русский* — как субстантив и адъектив) свойства диффузности и синкретичности.

Все вышесказанное, на наш взгляд, как раз и требуется для максимально широкого языкового воплощения концепта отвлеченной, абстрактной семантики. Диагностические контексты берутся также по данным Национального корпуса русского языка и собственного Интернет-мониторинга.

Окказиональная лексема «русскость». Окказиональный дериват *русскость* привлек наше внимание тем, что, как оказалось, достаточно активно присутствует в текстах на русском языке, начиная со второй половины XIX в.

Новообразование *русскость* вполне вписывается в общие тенденции в области инновационных процессов в лексике и словообразовании современного русского языка [Новые тенденции: 2014: 134–221]. Его следует квалифицировать как «потенциальное слово», при этом оно создано с нарушением стандартной модели суффиксального словообразования отвлеченных отадъективных существительных с суффиксом *-ость*, так как в норме подобные существительные образуются лишь от качественных прилагательных, а не от относительных, к которым относится исходное слово *русский*.

Это представляется крайне важным для оценки семантики слова *русскость*, потому что и само это неузואальное слово, и исходное прилагательное тем самым приобретают качественную семантику и все признаки качественности (возможность мыслиться в большей или меньшей степени, приобретать потенциальную экспрессию и оценочность, вступать в новые синонимические и антонимические связи с другими словами с семантикой качественности и пр.).

Все это демонстрируют и контексты употребления данного новообразования по материалам Национального корпуса русского языка. Причем примечательно, что некоторые авторы, осознавая искусственность этого новообразования, заключают его в кавычки, тогда как другие просто напрямую используют инновационный потенциал данного неологизма, употребляя его без кавычек. Кроме того, по нашим наблюдениям, авторы употребляют этот неологизм со специальной целью придать словупотреблению смысловую емкость, при которой данное слово может реализовать не один, а сразу несколько когнитивных признаков. В следующем примере:

По мнению Добина, в симпатии респондентов к песням военных лет есть некоторая «русскость», это типичная для нашего народа тоска по утраченному: // — Тоска по любимому или любимой, ностальгия – это мотив номер один в русской песне [«Коллективный. Слова не выкинешь // Русский репортер», 2015],

— совмещается когнитивный признак с конкретным значением: (18) песня, музыка в ритме особых народных танцев — и когнитивный признак обобщенно-абстрактного характера, относящийся к духовной составляющей русского мира: (12) относящийся к русскому национальному характеру.

Чисто качественное конкретное («предметное») значение слова русскость реализуется в следующем контексте:

Единственная русскость этого хорошего оружия состояла в том, что Россия действительно предпочитала пулемёт Максима и была его особенно ревностной покупательницей [Эдуард Лимонов. «У нас была Великая Эпоха» (1987)].

Здесь можно видеть проявление когнитивных признаков (15): такой, как у русских, подобный русскому, русским — и (27): изготовленное, приготовленное, сделанное особым, национально-специфичным образом (для вещей, предметов обихода). Причем ироничность данного словоупотребления и возникающая на фоне этого оценочность связана с тем, что пулемет «Максим» — на самом деле бельгийского производства, но очень хорошо был воспринят на русской почве

Однако прежде всего *русскость* связана с типичными чертами русского национального характера:

Русскость же свою Романовы-Куликовские хранили: ходили в церковь и отмечали все православные праздники [Эвелина Азаева. «Она просила называть ее просто Ольгой // Комсомольская правда, 2013.08.01].

Здесь, на наш взгляд, можно говорить о комплексном, синкретичном, нерасчлененном характере актуализации пяти когнитивных признаков: (3) православный христианин, крещеный в православную веру; (12) относящийся к русскому национальному характеру; (13) относящийся к русскому образу жизни, культуре; (25) (положительно-оценочное) нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям; (26) традиционное, в противовес новому, современному.

Причем в разных контекстах на первый план могут выходить разные стороны совокупного русского идеала. Например, в ряде словоупотреблений акцентируется религиозная, православная составляющая концепта «русскость»:

(1) *Это было необходимо, чтобы сохранить свою **русскость** и не раствориться в окружавшем неправославном мире* [Коллективный. Акт а каноническом общении русских православных церквей: отклики и комментарии // «Наука и религии», 2007];

(2) *Они-то и «составляли лучшую часть верующих нашей страны, именно в них, в предтечах русского протестантства и в самих протестантах, наиболее отчетливо проявилась и русская религиозность, да и сама **русскость*** [Сергей Филатов, Анастасия Струкова. От протестантизма в России к русскому протестантизму (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.11.11];

(3) *Православие и «**русскость**» были в моде тогда у столичной интеллигенции, пробавающейся, так сказать, потаенной духовностью* [Николай Климонтович. Далее — везде (2001)].

В других классах словоупотреблений воплощена идея русского патриотизма, приоритета русских идеалов и ценностей, не обязательно связанная с православным компонентом:

*Герои западной печати, // Которым **русскость** ни к чему, // Которым родина нехстати, // Не по душе, не по уму* [Г.А. Глинка. Клеветникам России (1972-1989)].

Здесь, на наш взгляд, можно говорить о нерасчлененной реализации трех когнитивных признаков: (12) относящийся к русскому национальному характеру; (13) относящийся к русскому образу жизни, культуре; (14) относящийся к русской истории.

В подобных контекстах употребления слова *русскость* на первый план выходит положительная оценочность, актуализованная на фоне противопоставления с иными, «нерусскими» идеалами и ценностями:

(1) *Если кто-то очень усиленно начнет акцентировать свою **русскость**, то появятся те, кто так же начнет акцентировать другое. // А можно узнать – как «очень усиленно акцентировать свою **русскость**»?*

(2) *Это русские вспомнили про свою **русскость**, когда «те» начали акцентировать другие и о «**русскость**» ноги вытирать* [Коллективный форум: Православие и «Русский марш» (2012)].

Нетрудно заметить, что эти и подобные им контексты акцентируют идею, что многоплановое и многосмыленное содержание русского национального идеала лучше всего описывается предельно абстрактным словоупотреблением *русскость*, которое выступает как символ русского духа вообще, во всех его ипостасях, как воплощение русского мира, русской системы ценностей, как то, что является неотъемлемой сердцевиной всех русских, русского народа, средством национальной идентичности. См., например, такой контекст:

*Да и вообще, — хорошо оживился течению своих мыслей Безлетов, — в наши дни **русскость** не является достоянием всех, рассеяне растеряли свою **русскость*** [Захар Прилепин. Санька (2006)].

Здесь, с одной стороны, актуализованы когнитивные признаки первой группы, непосредственно связанные с национальной принадлежностью: (1) восточнославянский народ, составляющий основное население России; (2) представитель восточнославянского народа, составляющего основное население России; (5) имеющий отношение к Руси, к России; (6) имеющий отношение к восточнославянскому народу, составляющему основное население России; (7) принадлежащий людям — представителям восточнославянского народа, составляющего основное население России. С другой стороны, представлены признаки, характеризующие внутренний мир русских, национальный характер и идеал: (12) относящийся к русскому национальному характеру; (13) относящийся к русскому образу жизни, культуре; (25) (положительно-оценочное) нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям.

Таким образом, становится ясным, почему именно это новообразование *русскость* наилучшим образом подходит для общего обозначения соответствующего концепта.

Окказиональная лексема «нерусскость». Квазиантонимическая лексема *нерусскость* употребляется не так часто, как «русскость» (в НКРЯ обнаружено 14 вхождений), но зато Интернет мониторинг выявил больше 100 случаев. Лексема «русскость», не вполне является антонимом «русскости», потому что, как правило, выражает иной комплекс смыслов. Но при этом сам характер ее контекстных значений и стилистические особенности употребления оттеняют и акцентируют представления именно о «русскости», так сказать, «от противного».

Так, лексема *нерусскость* отражает признак (5) имеющий отношение к Руси, к России, в его разновидности — сделанный, произведенный в России:

Единорос Евгений Федоров предлагает собирать с производителей российских товаров с зарубежными названиями сбор «за нерусскость» В Госдуме подготовили законопроект, который обяжет производителей товаров с иностранными названиями платить дополнительные сборы в казну [Дмитрий Рункевич. На иностранные названия предлагают ввести специальный налог // Известия, 2013.10.02].

Очень часто лексема *нерусскость* маркирует от противного признак (2) представитель восточнославянского народа, составляющего основное население России, который является базовым, прямым номинативным — называет лиц, не относящихся к русским по признаку национальной принадлежности:

Поэтому нет и не может быть инстанции, доподлинно верифицирующей русскость и нерусскость, невозможно—по прибалтийскому образцу—ввести экзамен на знание России, поскольку нет в мире такого человека, который сумел бы его сдать [Алексей Чадаев, политолог. Возвращение русского и 'третья Россия' // Известия, 2006.06.08].

*Посреди ничего нет — или **нерусскость**, — огорошил публику батюшка* [Елена ЧИНКОВА. Пиар-батюшка всяя Руси // Комсомольская правда, 2011.09.11].

*Несмотря на свою «**нерусскость**», Майкл Макдауэлл очень тепло и почти патриотически отзывался о проекте* [На дне, или Второе покорение Арктики // СОЮЗНОЕ ВЕЧЕ: Сетевое СМИ: Газета Парламентского Собрания Союза Беларуси и России. — URL: <https://souzveche.ru/articles/community/4807/>].

*Твоя русскость или **нерусскость** - последнее, что интересует людей в иностранном легионе НАТО* [Аркадий Бабченко // АПН-Северо-Запад: Проект института национальной стратегии — URL: <http://www.apn-spb.ru/opinions/print20042.htm>].

Однако у слова *нерусскость* есть определенная смысловая специфика в выражении этого КП. Во-первых, национальный признак «русскости» или, наоборот, «нерусскости» (как принципиальное отталкивание от всего русского) может выступать предметом веры:

*Почему англосаксы и верующие в свою **нерусскость** украинцы обречены лгать* [ЖИВОЙ ЖУРНАЛ. — URL: <https://cycyron.livejournal.com/5049678.html>].

Во-вторых, «нерусскость» выражает непохожесть на русских, т.е. определяется на глаз, по определенному прототипу восприятия русских, с точки зрения говорящего в рамках оппозиции «свой» — «чужой»):

*А его умиляли в Леле картавость, **нерусскость**, сдержанность, рост, неучастие в издательских интригах* [Сергей Каледин. Аллея Руж // «Огонек», 2013];

*Кстати, на Познера у них в самом деле какая-то особенная аллергия, я даже не берусь объяснять ее природу, ведь все, что могло бы раздражать их в нем — иностранные паспорта, «**нерусскость**», система взглядов, — во все не уникально ни в телевизионном, ни даже во властном сообществе* [Елена Рыковцева. Сбалансированное предательство // Известия, 2013.02.27].

В-третьих, «нерусскость» может выступать эвфемизмом, маркируя конкретное еврейское происхождение (нерусский → еврей):

А у нашего Патриарха Всея Руси Алексия II такого права нет»,—заявил Севастьянов, намекнув на «нерусскость» происхождения главного российского православного [Организаторы «Правого марша» никак не могут договориться // Комсомольская правда, 2006.10.09];

*Вообще то стали писать как "правозащитник", намекая на неаппетитность, **нерусскость** и картавость этих пейсатых людей [Десталинизация" как угроза суверенитету // Архив находок - Усадьба Урсы: Клуб любителей переводов: Форумы: — URL: <http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/24386-destalinizatsiya-kak-ugroza-suverenitetu/>].*

*Главная его мысль состоит в том, что для приверженцев советского строя характерна "**нерусскость**" [С. Г. Кара-Мурза. Антисоветский проект (2002)];*

*По его словам, «марксистская **нерусскость** — это тенденция слоя, чуждого основной части народа» — слоя, «ничем не лучшего, чем новые русские» [С.Г. Кара-Мурза. Антисоветский проект (2002)];*

Что такое «нерусскость», как ее определить, И.С. Шафаревич внятно не сказал, не привел никаких разумных признаков, по которым избиратели могли бы отвернуть недостойных кандидатов [С Г. Кара-Мурза. Антисоветский проект (2002)].

Можно отметить, что в проанализированных, а также в приводимых ниже случаях лексема *нерусскость* отражает ценностно-маркированные коннотации, в негативно-оценочном плане характеризующие отступления, отклонения от некой нормы, стандарта «русскости», который интуитивно представляет себе говорящий. Это своеобразное отражение комплекса КП (15) такой, как у русских, подобный русскому, русским, (16) такой, как в России, (25) (положительно-оценочное) нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям.

Это могут быть политические идеи, чуждые русским:

В этой мысли и заключена самая неприкрытая «нерусскость» [С.Г. Кара-Мурза Антисоветский проект (2002)];

Одной из основных причин десоверенизации России во всех ее ипостасях является псевдотолерантность (нерусскость) [Россия — страна пассивной толерантности // Русская планета: Портал.— URL: rusplt.ru/future-russia/rossiya-strana-passivnoy-24241.html].

Это могут быть образы и представления кинематографа, рекламы, СМИ и других сфер массовой культуры:

Русскость / нерусскость в ценностной шкале российской оккультной рекламы [И.А. Седакова // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика: RUTHENIA. — URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/sedakova3.html>].

Это могут быть представления о природе, образ которой не соответствует «русскости» пейзажа:

Успел заметить нерусскость пейзажа и строений. Буду продолжать поиск. Нет ли у Вас, уважаемый Алекс, ссылок "за пазухой"! [Степь (1977) - фильм - обсуждение - советские фильмы – Кино: Форумы. — URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/6797/forum/print/>].

Это могут быть представления о городской архитектуре:

Уловив иноязычное звучание имен многих наших зодчих, ревнитель национального спешит сделать вывод о «нерусскости» Петербурга, застроенного будто бы копиями с европейских образцов. Другой чудак, записавшийся с опозданием на век в западники, как раз за «нерусскость» прощает Петербургу его нахождение в России. Полагаю мнения этих противоборствующих сторон равно ошибочными [Игорь ГОСТЕВ. Каменная опора России (Опубликовано в газете «Смена» 30.10.1991 г.) // ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИБЛИОТЕКА: Портал. — URL: <http://bereg-a.narod.ru/lib4.htm>].

Ценностный характер подобных словоупотреблений подчеркивается тем, что их объектом не обязательно являются иностранные феномены, дан-

ное слово может быть употреблено и по отношению к чему-то русскому, но не соответствующему стандарту «русскости».

В этом плане как раз особый интерес представляют такие контексты, когда лексема *нерусскость* употребляется для характеристики качеств или свойств чего-то русского или кого-то русского. В этих случаях особенно ярко проявляется установка на выражение отклонения от нормы, выраженной в концепте «русскость».

Так, лексема *нерусскость* может негативно характеризовать определенную социальную или культурную группу русских, которые по образу жизни не соответствуют стандартам «русскости».

В этом контексте проза Робски — не безобидный развлекательный «манифест русского гламура», а олицетворение тех пороков, с которыми боролись русские литературные классики: нарциссизм, материализм, отдаленность от народа; отсутствие любви к своим героям; «принципиальная нерусскость» и антидуховность [Лариса Рудова. Гламур и постсоветский человек // «Неприкосновенный запас», 2009].

Особенно ярко это выражается в оксюморонном контексте — *нерусскость русских* (имеется в виду, что быть русским по происхождению — недостаточно, если по взглядам или поступкам человек не соответствует идеалу «русскости»):

Всем, кто приносил славу России, пытаются навязать нерусскость. Нерусскость русских — своего рода ритуальное убийство души нации... [Андрей Савельев - 2010 - Nationalism. Образ врага: расология и политическая антропология. — URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5804103601>].

В вышеприведенных примерах от противного выражается в комплексе такие КП концепта «русскость»: (12) относящийся к русскому национальному характеру; (13) относящийся к русскому образу жизни, культуре.

Наибольшую яркость акцент на несоответствие некоторой норме проявляется, когда лексема *нерусскость* характеризует конкретное лицо — известных поэтов, писателей, композиторов, деятелей культуры в целом:

Неужели Н. Клюев, став коммунистом, приобрел от этого «нерусскость», а М. Шолохов перестал быть русским писателем? [С.Г. Карамурза. Антисоветский проект (2002)];

И.С. Аксаков: «У Карамзина... гладкая, даже изящная или безличная нерусскость» [Н. Эйдельман. Последний летописец (1983)];

***Нерусскость**, на этот раз совпавшая с неорганичностью поэзии [М.И. Цветаева. Герой труда (Записи о Валерии Брюсове) (1925)];*

*Но — спрашиваю, а не утверждаю — не есть ли сама **нерусскость** Бальмонта — примета именно русскости его? [М.И. Цветаева. Герой труда (Записи о Валерии Брюсове) (1925)];*

*Наличность у Бальмонта и, за редкими исключениями, отсутствие у Гумилева темы «Россия». **Нерусскость** Бальмонта и целиком русскость Гумилева. Так и останется Бальмонт в русской поэзии — заморским гостем, задарившим, заговорившим, заворожившим ее — с налету — и так же канувшим [М.И. Цветаева. Герой труда (Записи о Валерии Брюсове) (1925)].*

В свою очередь все вышеперечисленные и приводимые ниже примеры напрямую выражают следующий негативно-оценочный КП для концепта «русскость»: (23) (отрицательно-оценочное) нечто нарушающее норму, отклоняющееся от стандарта, неправильное, обычно присущее русскому человеку.

Еще один важный блок представлений, которые отражает употребление слова *нерусскость*, связан с русским языком. Это КП (11) относящийся к русскому языку, КПК (19) русский язык:

*Кстати, **нерусскость** имен и фамилий: Адалис, Бенар, Сусанна, Мальвина, полька Поплавская, грузинская княжна на «или» или «идзе» [М.И. Цветаева. Герой труда (Записи о Валерии Брюсове) (1925)].*

При этом фамилии могут принадлежать русским людям, но при этом иметь иноязычное происхождение:

*С точки зрения морфологии «русскость», или «**нерусскость**» определяется выделением, или не выделением в фамилии формального показателя (-*

ов- или -ин-) [Склонение фамилий и имён в русском языке // GRAMMATIC.RU: Правила русского языка: Образовательный портал. — URL: <http://gramatik.ru/sklonenie-familij-i-imyon/>].

Оценка иноязычного происхождения посредством слова *нерусскость* касается не только фамилий, но и вообще — заимствованной и даже интернациональной терминологии:

А вы знаете, что такое синекдоха, литота, метонимия, оксюморон, анафора, тропы, аллитерация? Несмотря на кажущуюся "нерусскость" этих терминов, они имеют самое прямое отношение к русскому языку и его выразительным средствам [Средства выразительности русского языка // РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА. — Все таблицы мира: Образовательный портал. — URL: <http://www.funtable.ru/table/russkiy-yazyk/>].

Важно также, что в наших примерах зафиксированы случаи употребления лексемы *нерусскость* как метаязыковой оценочной реакции на неправильное русское слово или выражение (т.е. для носителей русского языка говорить / писать не по-русски — значит говорить / писать с ошибками, с речевыми неточностями, неправильно):

Я заблуждался по поводу сокращений из данного источника. Извиняюсь за резкий тон. Но нерусскость слова "наблюдено" (Кто наблюдал-то?) это не отменяет [Википедия: Обсуждение_правил / Досмотр_статей. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия:_Обсуждение_правил_/_Досмотр_статей].

Здесь мы снова имеем дело с негативно-оценочной реакцией на отклонение от стандарта «русскости», только уже в плане использования языка.

Наблюдения за функционированием лексемы *нерусскость* показывают, что, как и лексема *русскость*, она в предельно абстрактно и обобщенном виде выражает целый комплекс представлений о том, что по тем или иным причинам не входит в сферу применимости «русскости». Тот факт, что это слово часто употребляется в оценочном ключе для обозначения лиц, явлений,

реалий русского мира, это слово, несомненно, входит в число репрезентантов именно концепта «русскость».

С другой стороны, наличие устойчивых, неverifiedируемых, нерелексивных представлений о том, что является «нерусским», у носителей языка позволяет высказать следующее предположение. Наряду с концептом «русскость», можно постулировать «нерусскость» в качестве особого концепта, антинормичного по отношению к концепту «русскость».

3.2. Концепт «русскость» в сознании современных носителей русского языка: экспериментальная верификация семантического наполнения и смыслового объема концепта

Нельзя с достоверностью определить, каким образом носитель языка реально представляет какой-либо концепт в своем языковом сознании, в какой мере он разделяет оценки и предпочтения, установки и приоритеты, стоящие за этим концептом, если мы ограничиваемся лишь данными словарей и текстовых источников, какими бы исчерпывающими они ни были. Для того чтобы восполнить потенциальные отклонения и неточности в исследовательском моделировании концепта исключительно по языковым или текстовым данным, имеются разные методы и методики проведения психолингвистических экспериментов. Считается, что они могут способствовать получению реальных данных об актуальности тех или иных когнитивных признаков концепта в сознании современных носителей языка.

Таким образом, в соответствии с принятой методикой исследования, следующим этапом является верификация реальности выявленных когнитивных признаков концепта в языковом сознании носителей языка посредством проведения цепочечного ассоциативного эксперимента.

3.2.1. Описание принятой методики и процедуры проведения цепочечного ассоциативного эксперимента

В настоящее время термином «ассоциативный эксперимент» в психологии и психолингвистике обозначают особый проектный метод исследования мотивации личности, предложенный в самом начале XX в. К.Г. Юнгом и практически одновременно с ним — М. Вертгеймером и Д. Кляйном. Испытуемым предъявляются слова-стимулы, на которые они должны реагировать первой словесной реакцией, приходящей им в голову: при этом крайне важна спонтанность и бессознательный характер реакции. Метод обладает достаточно большой валидностью и объяснительной силой, так как условия его проведения достаточно близки к естественным, а сама форма проведения без специальной ориентировки на конечный результат и простота эксперимента «снимают» искусственность экспериментальной обстановки и приближают ее к нормальным условиям функционирования речевой способности человека в целом [БПС 2003].

Свободный ассоциативный эксперимент является достоверным источником информации, вскрывая объективно существующие в сознании носителя языка связи слов и понятий. Теория и практика проведения ассоциативного эксперимента в различных областях лингвистики разработана в трудах Ч. Осгуда, А.А. Леонтьева, А.А. Залевской, Ю.Н. Караулова, Р.М. Фрумкиной и др. [Залевская 2001; Фрумкина 1991 и др.].

В теории и практике экспериментальной психолингвистики наиболее востребованы три типа эксперимента:

(1) **Свободный ненаправленный ассоциативный эксперимент.** Испытуемым не дается никаких ограничений на словесные реакции. Метод свободного ассоциативного эксперимента заключается в предъявлении испытуемым слов-стимулов, на которые они должны реагировать любой словес-

ной реакцией, приходящей им в голову. Важно, что испытуемые должны давать реакцию, не задумываясь. Обработка результатов свободного ассоциативного эксперимента позволяет интерпретировать полученные ассоциаты как отражение тех или иных концептуальных признаков исследуемого концепта.

(2) **Направленный ассоциативный эксперимент**. Испытуемым предлагается называть только слова определенного грамматического или семантического класса (например, подобрать прилагательные к существительным). Направленность эксперимента делает исследование более сосредоточенным и сокращает разброс ассоциаций, а потому позволяет ограничиться меньшим числом информантов для получения надежных данных.

Особенность свободного ненаправленного и направленного ассоциативного эксперимента заключается в том, что экспериментатор может и не предъявлять слово-стимул, в этом случае инструкция выступает в качестве стимула (испытуемым предлагается назвать 100 первых пришедших в голову слов).

(3) **Цепочечный (цепной) ассоциативный эксперимент**. Испытуемым предлагается дать реакции на слово-стимул сразу несколькими словесными ассоциациями — например, назвать в течение 20 секунд 10 различных слов или словосочетаний.

В нашей работе мы используем цепочечный эксперимент, т.к. он отражает не только основное, но и периферийное поле в концептуальном содержании языковой единицы.

Цель проведенного нами эксперимента – определение концептуального содержания слова-стимула *русский*, то есть выявление основных когнитивных признаков исследуемого концепта в сознании носителей русского языка. В ходе эксперимента было рассмотрено ассоциативное поле слова *русский*. Под ассоциативным полем понимают все слова-реакции на заданное слово-стимул [Клименко 1970: 19].

Необходимо назвать пять ассоциаций (слово, словосочетание, предложение) на слово-стимул. Под ассоциацией понимают «связь, образующуюся при определенных условиях между двумя и более психическими образованиями (ощущениями, двигательными актами, восприятиями, идеями и т.п.); действие этой связи — актуализация ассоциации — состоит в том, что появление одного члена ассоциации регулярно приводит к появлению другого / других» [Архипова 2011: 6]. Как правило, ассоциаты являются отражением предметов, действий, состояний, всего того, что человек может ощутить, испытать, пережить, т.е. отразить все то, что отложилось в его сознании в силу жизненного опыта. Единственное условие — называть ассоциации не раздумывая, поскольку, если есть отбор, нет ассоциативного процесса в общепринятом истории психологии смысле [Фрумкина 2007]. В случаях, когда на слово-стимул не возникает ассоциата, ставится прочерк.

Следует отметить, что при анализе результатов исследования обычно учитываются, в зависимости от целей и задач эксперимента: количество времени, отведенное на предъявление реакций; частота реакций; качественные характеристики ответов.

По качеству ответов речевые реакции делят на: *высшие речевые реакции* (общеконкретные, индивидуально-конкретные, абстрактные); *примитивные словесные реакции* (созвучные, отказные, междометные, персеверирующие, эхолалические); *атактические реакции* (соответствующие диссоциированному мышлению).

Адекватным выполнение исследования считается, если высшие речевые реакции составляют 96 — 100 %, а низшие, атактические составляют не более 4–5%. [приводится по: Клименко 1970].

Анализ результатов цепочечного ассоциативного эксперимента включает в себя не только качественный, но и количественный анализ, подсчет которого осуществляется с учетом коэффициента ранжирования реакций респондентов, позволяющий выделить зоны концепта и выявить наиболее

существенные когнитивные признаки, черты исследуемого объекта на данный отрезок времени.

Важную часть в анализе ассоциативного эксперимента занимает интерпретация, полученных ассоциаций.

При анализе ответов ассоциативного эксперимента выделяют, прежде всего, *синтагматические* и *парадигматические* ассоциации. Для классификации ассоциаций необходимо рассматривать отношения, которые возникают в паре между стимулом и реакцией. Существует несколько приемов классификации.

Дж. Миллер классифицирует реакции с точки зрения выявления семантических признаков, или параметров:

1. антонимия (*мужчина — женщина*),
2. синонимия (*скорый — быстрый*),
3. родо-видовые отношения (*животное — собака*),
4. ассонанс (*рот — крот*),
5. метонимия (*день — неделя*),
6. дополнение (*вперед — марш*) и т.д. [приводится по: Клименко 1970].
7. Чарльз Осгуд выделяет ассоциации по двум признакам:
 - 1) по созвучию
 - 2) по значению.

При этом отмечено, что наиболее значимыми являются именно семантические признаки. Той же точки зрения придерживается и А. П. Клименко, которая выделяет следующие типы ассоциаций:

1. фонетические, в которых отмечается звуковое сходство между стимулом и реакцией и полное отсутствие семантической связи между реакцией и стимулом (например, *лён — клён*);
2. словообразовательные, основанные на единстве корня стимула и реакции (например, *жёлтый — желтуха, жёлтый — жёлчь*);

3. парадигматические, отличающиеся от стимула по одному семантическому признаку (например, *стол — стул, высокий — низкий, достать — купить*);

4. синтагматические, образующие со словом-стимулом подчинительное сочетание (например, *небо — голубое, женщина — красивая*);

5. тематические, в которые входят слова разных частей речи, относящиеся к одной теме на основе экстралингвистических параметров (например, *соль — земли, темно — ночь*);

6. цитатные — такие ассоциации, которые дополняют слово-стимул по принципу значимости в познавательном и эмоциональном отношениях, которые хорошо известны большому кругу лиц (*старик — море, белый — парход, дядя — Стёпа*);

7. грамматические — ассоциации, которые отличаются грамматической формой (*стол — стола, бежать — бегать*) [приводится по: Клименко 1970].

Важно подчеркнуть, что однозначно распределить ассоциации по типу связи реакции и слова-стимула невозможно, также как и невозможно проникнуть в речемыслительную деятельность человека.

3.2.2. Концепт «русскость» по данным цепочечного ассоциативного эксперимента

При проведении нашего эксперимента использовалась **методика свободной ассоциации**. Суть этой методики состоит в выявлении именно стандартных ассоциативных связей, которые вычисляются на фоне индивидуальных связей. «Каждый признак может быть ранжирован по яркости в структуре концепта, можно выделить ядерные и периферийные когнитивные признаки, а также сравнить результаты ассоциативных экспериментов на один и тот же стимул в разных группах испытуемых, относящихся к разным социальным, гендерным, возрастным группам» [Попова 2007: 140-142].

В плане интересующего нас концептуального анализа полученные ассоциаты интерпретируются как языковые репрезентанты определенных когнитивных признаков, образующих содержание концепта. Тем самым ассоциаты, обладающие максимальной семантической близостью, обобщаются в интегральные когнитивные признаки. В качестве формулировки для данного признака предлагается или прямое словесное обозначение наиболее частотной ассоциативной реакции или наиболее нейтральное в стилистическом отношении слово.

Обработка результатов цепочечного ассоциативного эксперимента позволит выявить ассоциативный слой в смысловом наполнении концепта «русскость», интерпретировать полученные ассоциаты с точки зрения сравнения когнитивных признаков, выявленных в результате анализа языковых данных, и наиболее релевантных когнитивных признаков, имеющих статус психологической реальности.

В ходе проведения цепочечного ассоциативного эксперимента испытуемым предъявлялось слово-стимул *русские*, на которое респонденты должны были реагировать любой словесной реакцией.

Для проведения эксперимента были разработаны специальные анкеты, в которой испытуемым предъявлялось слово-стимул *русские*, на которое респонденты должны были реагировать любой словесной реакцией. При этом использовались множественные свободные ассоциации: испытуемым предлагалось записать 5 первых пришедших им в голову реакций (слов любой части речи) на слово-стимул. Учитывались парадигматические реакции (синонимы, гиперонимы, ассоциаты), синтагматические реакции (атрибутивные слова — прилагательные, причастия, генитивные существительные), перифразы (дефиниции), словосочетания (устойчивые и свободные), даже целые пропозиции.

В эксперименте принимали участие 100 испытуемых — люди трех возрастных категорий: от 20-35 лет, 35-65 лет, 65 и более лет разной социальной принадлежности (преподаватели, библиотекари, рабочие, вахтеры, студенты,

пенсионеры, инженеры, бизнесмены, и т.д.). Для всех респондентов родной язык — русский.

В итоге на слово-стимул «русские» получено 58 реакций от опрашиваемых от 20-35 лет, 69 реакций от опрашиваемых 35-65 лет, 67 реакций от опрашиваемых 65 и более лет. Всего получено 194 реакций на слово-стимул: из них — 27 одинаковых реакций, 149 — индивидуальных реакций (с частотностью 1) (зафиксировано 6 реакций, не желавших, чтобы результаты исследования попали в базу данных).

На основе анализа эксперимента, определены **ядро** (его составили реакции, поступившие более чем от 20% испытуемых), **базовый слой** (от 15% до 20%), **ближняя периферия** (<10%) и **дальняя периферия** (индивидуальные ассоциаты).

Анализ частотности ассоциатов для слова-стимула *русские* по данным ассоциативного эксперимента дает следующие результаты (см. **Табл. 3.1.**).

Таблица 3.1.

Слово-стимул «русские» по данным цепочечного ассоциативного эксперимента

Слово-стимул	Ядро концепта (> 20%)	Базовый слой (>10%)	Ближняя периферия (>2%)	Дальняя периферия (индивидуальные ассоциаты)
русские	23%: Нация Русские песни, русские танцы, русские сказки; 20%: народы традиции, славяне народность; 20%: Православная церковь, Божья благодать, иконы	12%: Наука, матрешки, Путин, Москва; 10%: Русская душа, своеобразие, русская природа; 8%: водка, щедрость, безрассудство, патриотизм; 7%: Сила, воля, характер, отечество	8%: учебник русского языка, литература, язык, культура 7%: Спорт, олимпиада 6%: речь, русская литература 5%: Прекрасные друзья, щедрость, гостеприимство	Шашлыки, дача, картошка; характер, обычаи, Спб. деревня, приличия, нравственность, красота души, добрые, красивые, веселые, хорошие, ленивые, добродушные, прямота; глупые люди; приличия, нравственность; милосердие, мудрость, мужество, гордость; великие, могучие, «нет чуркам», Россия для русских; яблоки, люди, игрушки; своеобразие, душевность; человек, колоритность; безрассудство; дороги, дураки; справедливость, милость; закон, порядок; не совсем соблюдающие порядок; преданность, настойчивость; доброта, сочувствие, помощь; национальность, свои, русский воин; терпимы, невоспитаны; Богобоязнь, ясный разум; хорошие, наши, российские, добрые; северные люди, славяне юга; неадекватные; человек с секретом, человек-загадка; хо-

				роший трудяга, работяга; непредсказуемый; открытый, заботливый; громко кричит, эмоциональный; обидчивые-отходчивые, впадают в крайность; последнюю рубашку с себя снимут и отдадут; боевые, красивые, смелые, вспыльчивые; грозные, непутевые, грозные; взаимовыручка, помощь; прямолинейные, гордые.
--	--	--	--	---

В процессе проведения эксперимента, была применена качественная интерпретация данных, связанная с классификацией выявленных ассоциатов по разным таксономическим классам.

В **ядерном компоненте** по данным эксперимента нашли отражение выявленные ранее когнитивные признаки: (1) *восточнославянский народ, составляющий основное население России*; (2) *представитель восточнославянского народа, составляющего основное население России*; (3) *православный христианин, крещеный в православную веру*; (4) *человеческий*; (5) *имеющий отношение к Руси, к России*; (7) *принадлежащий людям – представителям восточнославянского народа, составляющего основное население России*; (11) *относящийся к русскому языку*; (13) *относящийся к русскому образу жизни, культуре*; (18) *песня, музыка в ритме особых народных танцев*.

В **базовом слое** концепта *русскость* наблюдаются ассоциации, связанные с когнитивными признаками: (19) *русский язык*; (15) *такой, как у русских, подобный русскому, русским*. Надо отметить, что для этого слоя характерна традиционная позитивная оценочность для концепта *русскость*, отражаемая в когнитивном признаке (25) *(положительно-оценочное) нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям*.

В **ближней периферии** данные свободного ассоциативного эксперимента демонстрируют устойчивую связь концепта *русскость* с когнитивными признаками: (20) *русский язык как предмет школьного преподавания*, (15) *такой, как у русских, подобный русскому, русским*, (19) *русский язык*.

Дальняя периферия (единичные ассоциаты) для концепта *русскость* обнаружили значительный разброс ассоциативных связей — индивидуаль-

ные ассоциаты: 'нравственность', 'душевность', 'красота души', 'обычай', 'приличия', 'нравственность', 'справедливость', 'милосердие', 'сочувствие', 'заботливые', которые соотносятся с когнитивным признаком (25) *(положительно-оценочное) нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям*. Также ряд ассоциатов: 'характер', 'гордые', 'деревня', 'добродушие', 'прямота', 'прямолинейные' — соотнесены с когнитивными признаками: (12) *относящийся к русскому национальному характеру*; (13) *относящийся к русскому образу жизни, культуре*.

Также эксперимент выявил и наличие потенциальной отрицательной оценочности данного концепта в языковом сознании носителей языка — посредством таких ассоциатов, как 'ленивые', 'непутевые', 'грозные', 'обидчивые-отходчивые', 'непутевые', 'громко кричат', 'неадекватные', 'непредсказуемые', 'невоспитаны', 'не совсем соблюдающие порядок'. Это продемонстрировало реальность для языкового сознания современных носителей языка выявленных ранее когнитивных признаков с отрицательной оценочностью: (22) *небрежное, безответственное отношение к чему-либо, обычно присущее русскому человеку*; (23) *(отрицательно-оценочное) нечто нарушающее норму, отклоняющееся от стандарта, неправильное, обычно присущее русскому человеку*; (24) *нечто неопределенное, смутное, нечеткое*. Также здесь отражаются и автостереотипы, которые приписывают русским такие свойства, как лень, непутевость, неумелость, безответственность и пр.

Ряд признаков в дальней периферии выразил националистические, ксенофобские представления: '«нет чуркам»', 'Россия для русских', которые, видимо, присутствуют как потенциальные. С другой стороны, выявлена психологическая реальность для признака (32) *искусность в военном деле, воинская доблесть* — ассоциат 'воин'.

Имеются также признаки, выражающие внеоценочные атрибуты русского мира: (27) *изготовленное, приготовленное, сделанное особым, национально-специфичным образом (для вещей, предметов обихода)* — ассоциат 'яблоки'; (28) *обозначающее определенную разновидность, род, тип, породу*

класс животных, растений, явлений природы, обычные для мест исконного обитания русских — ассоциат ‘игрушки’.

Анализ дальней периферии (единичных ассоциатов) позволил выявить реальность в сознании признаков, которые наиболее активны в диалектной системе, по мнению Е.Л. Березович. Это признак *родное место* (ассоциат ‘СПб.’), *сельская местность* (ассоциат ‘деревня’).

В целом результаты качественной интерпретации данных цепочечного ассоциативного эксперимента демонстрируют сохранение и дальнейшее развитие в языковом сознании носителей языка тех доминантных смысловых компонентов концептуального содержания концепта «русскость», которые были выявлены ранее. Итоги эксперимента также обнаруживают преобладание позитивно-оценочных коннотаций над негативными в представлении этого концепта современными носителями языка. В языковом сознании респондентов вполне активно и традиционное понимание концепта в духе таких исконных ценностей русской культуры, как любовь к месту, где ты родился, к своей большой Родине — России, к ее истории и традициям, к ее народу.

Выводы по содержанию III главы

В данной главе, в соответствии с принятой концепцией исследования, сначала проанализированы особенности дискурсивного варьирования слов — репрезентантов концепта «русскость» по данным НКРЯ. Анализ показал релевантность выявленных ранее 42 когнитивных признаков, которые представлены в дискурсной реализации лексем *русский* существительное и прилагательное), а также (для отдельных КП) *нерусский*, *по-русски* и *обрусеть*.

Кроме этого, по данным НКРЯ были проанализированы новые явления в русской речи, которые связаны с функционированием окказиональных не-олексем *русскость* и *нерусскость*. Анализ показал, что многоплановое и многосмыленное содержание русского национального идеала лучше всего описывается предельно абстрактным словоупотреблением *русскость*, кото-

рое выступает как символ русского духа вообще, во всех его ипостасях, как воплощение русского мира, русской системы ценностей, как то, что является неотъемлемой сердцевинной всех русских, русского народа, средством национальной идентичности. Именно данные, полученные в результате анализа дискурсивного варьирования лексемы *русскость*, прояснили, почему именно эта неолексема наилучшим образом подходит для общего обозначения соответствующего концепта.

Анализ дискурсивного варьирования лексемы *нерусскость* показал, что данная лексема отражает ценностно-маркированные коннотации, в негативно-оценочном плане характеризующие отступления, отклонения от некой нормы, стандарта «русскости», который интуитивно представляет себе говорящий. Причем объектом характеристики посредством лексемы *нерусскость* не обязательно являются иностранные феномены, данное слово может быть употреблено и по отношению к чему-то русскому, но не соответствующему стандарту «русскости». Поэтому это слово входит в число репрезентантов именно концепта «русскость».

На следующем этапе анализа была осуществлена верификация выявленных ранее когнитивных признаков концепта «русскость» по данным цепочечного ассоциативного эксперимента. Результаты качественной интерпретации данных цепочечного ассоциативного эксперимента демонстрируют сохранение и дальнейшее развитие в языковом сознании носителей языка тех доминантных смысловых компонентов концептуального содержания концепта «русскость», которые были выявлены ранее. Итоги эксперимента также выявили преобладание позитивно-оценочных коннотаций над негативными в представлении этого концепта носителями языка, в духе исконных ценностей русской культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Посредством анализа энциклопедических и лексикографических источников, текстового материала Национального корпуса русского языка и данных цепочечного ассоциативного эксперимента реализованы цель и задачи исследования — проведено комплексное описание семантического наполнения, смыслового объема и семантической структуры концепта «русскость» в национальной концептосфере, его языковой объективации в современном русской речи и в языковом сознании носителей языка.

Проведенный анализ позволил получить следующие результаты.

Проблемы национальной специфики мировидения народа и ее отражения в национальном языке находятся сегодня в центре исследовательского внимания лингвистов, что обуславливает становление лингвокультурологической парадигмы в гуманитарном знании и активизацию изучения ключевых концептов культуры. В настоящей работе обоснована дефиниция концепта как многомерного ментального образования, которое отражает культурно-исторический опыт народа и особенности его мировосприятия и которое имеет вербальное выражение.

Предлагаемая в работе концепция исследования концепта «русскость» основана на методике концептуального анализа, разработанной учеными Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Понятие «русский» как автоэтноним по определению является одним из ключевых смыслов для национальной культуры в плане выражения системы идеалов и ценностей, приоритетов и культурных установок этноса. Именно содержание этого понятия во многом определяет то, как русский народ видит сам себя, сосредоточивает в себе ядро национального характера и национального идеала, т.е. основу национальной идентичности. Все это обусловило повышенную значимость этого понятия в русской национальной культуре и определило необходимость его изучения.

В соответствии с принятой концепцией исследования сначала был осуществлен анализ экстралингвистического содержания понятия «русский» в отечественном социокультурном пространстве. Изучение данных энциклопедических источников, трудов философов, религиозных и общественных деятелей, литераторов и публицистов позволило выявить основные тематические области наивного понятия «русский», значимые для национальной культуры: территория, климатические условия и особенности природной среды обитания, общность исторических судеб, государственность, особенности социальных отношений и экономического уклада, этническое самосознание, религия и мифология, национальная культура, ментальность, национальный характер, система идеалов и ценностей, специфика образа жизни людей, традиции и обычаи, русский язык и т.д.

Все выявленные тематические области получили свое языковое воплощение в концептуальном содержании и семантической структуре концепта «русскость».

Далее были проанализированы данные лексикографических источников, фразеологии и паремиологии, а также парадигматических, синтагматических и деривационных особенностей лексем — репрезентантов концепта «русскость». По итогам анализа было выявлено 42 когнитивных признака концепта «русскость», что оставило его совокупный смысловой объем:

1. восточнославянский народ, составляющий основное население России
2. представитель восточнославянского народа, составляющего основное население России
3. православный христианин, крещеный в православную веру
4. человеческий
5. имеющий отношение к Руси, к России
6. имеющий отношение к восточнославянскому народу, составляющему основное население России

7. принадлежащий людям — представителям восточнославянского народа, составляющего основное население России
8. находящийся на территории России
9. российский
10. великорусский, в противоположность украинскому и белорусскому
11. относящийся к русскому языку
12. относящийся к русскому национальному характеру
13. относящийся к русскому образу жизни, культуре
14. относящийся к русской истории
15. такой, как у русских, подобный русскому, русским
16. такой, как в России
17. особый медленный или быстрый народный танец (по типу хороводов, импровизационных переплясов, барыни)
18. музыка в ритме особых народных танцев
19. русский язык
20. русский язык как предмет школьного преподавания
21. простой, ясный, понятный, доступный для понимания
22. небрежное, безответственное отношение к чему-либо, обычно присущее русскому человеку
23. (отрицательно-оценочное) нечто нарушающее норму, отклоняющееся от стандарта, неправильное, обычно присущее русскому человеку
24. нечто неопределенное, смутное, нечеткое
25. (положительно-оценочное) нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям
26. традиционное, в противовес новому, современному
27. изготовленное, приготовленное, сделанное особым, национально-специфичным образом (для вещей, предметов обихода)
28. обозначающее определенную разновидность, род, тип, породу класс животных, растений, явлений природы, обычные для мест исконного обитания русских

29. что-то естественное, природное
30. (ироничное) русский (российский) предприниматель нового времени
31. связь с верой, с Богом, святость
32. искусность в военном деле, воинская доблесть.
33. исконный, в противовес иностранному
34. общенародный, общенациональный
35. относящийся к отечеству, патриотический
36. правильный, привычный, понятный
37. свой, родной, в противовес чужому
38. невежественный, некультурный, неквалифицированный
39. освоенное, обжитое, окультуренное пространство, в противовес неосвоенной природе
40. «людскость», умение жить в обществе, общительность
41. нормальное, привычное физическое состояние человека
42. положительно оцениваемое действие, состояние.

Эти признаки вербализуют самые разные аспекты совокупного представления о «русскости» в национальной коцнептосфере. Прежде всего — это признаки, в своем прямом, номинативном содержании отражающие этническую самоидентификацию русских людей. Ряд признаков отражает связь этноса с государственным устройством, т.е. с Россией. Некоторые КП отражают разные аспекты «русского мира» — русскую историю, образ жизни и традиции. Важными являются признаки, характеризующие исторически сложившуюся связь этнического самосознания с православной религией, а также установку русских на идеи патриотизма, выражающие неразрывную связь народа и его родного языка, народа и его искусства, специфику исторических судеб народа, реалии современности.

Ряд признаков являются ценностно-маркированными. Прежде всего это КП, отражающие древнее миологическое противопоставление «свой» — «чужой». «Свое», согласно этой культурной оппозиции, считается абсолют-

ной положительной ценностью, неоспоримой и не подвергаемой сомнению, в противовес «чужому», носителю анти-ценностей. Согласно этому представлению, полноценными людьми считаются только представители своего племени — отсюда, например, такое метонимическое расширение *русский* как вообще *человеческий* (русские = вообще люди). Все, что свое, то привычно, понятно и соответствует норме. В рамках «свой» — «чужой» трактуется ряд положительно-оценочных признаков, маркирующих обжитую природную и / или культурную среду, сферу национального идеала, сферу нравственности. При этом в рамках ценностных представлений народа возможна и негативно-оценочная самохарактеристика, негативный автостереотип.

Анализ семантической структуры и смыслового объема концепта показал, что семантическое развитие данного концепта идет в сторону увеличения количества оценочных когнитивных признаков. Всего оценочных КП на базе метафорических моделей — 28 против 14 нейтральных, внеоценочных (66 % от общего количества). Причем оценочные признаки затрагивают самые разные аспекты русского мира: природную, социальную и производственную, культурно-образовательную сферы; регулятивно-поведенческую, нравственную, нормативно-ценностную, и психологическую составляющие внутреннего мира русского человека.

Все это свидетельствует о том, что оценочный потенциал для лексем — репрезентантов концепта «русскость» в целом имеет амбивалентный характер, т.е. развиваются как положительно-оценочные, так и отрицательно-оценочные коннотации. Но возможности развития позитивно-оценочных смыслов в концептуальном содержании концепта «русскость» значительно превышают возможности негативного осмысления «русскости» в национальной концептосфере.

На следующем этапе исследования был осуществлен анализ дискурсивного варьирования лексем — репрезентантов концепта «русскость» (*русский* — прилагательное и существительное, *нерусский*, *по-русски*, *обрусеть*) по данным Национального корпуса русского языка. Проведенный анализ по-

зволил верифицировать все выявленные ранее 42 когнитивных признака концепта «русскость», а также обнаружил определенные новые явления в функционировании лексем — репрезентантов данного концепта.

Определенные инновационные тенденции в специфике дискурсного отражения слов — репрезентантов концепта русскость связаны с функционированием окказиональных неолексем *русскость* и *нерусскость*.

Анализ показал, что многоплановое и многосмыленное содержание русского национального идеала лучше всего описывается предельно абстрактным словоупотреблением *русскость*, которое выступает как символ русского духа вообще, во всех его ипостасях, как воплощение русского мира, русской системы ценностей, как то, что является неотъемлемой сердцевинкой всех русских, русского народа, средством национальной идентичности. Именно данные, полученные в результате анализа дискурсивного варьирования лексемы *русскость*, прояснили, почему именно эта неолексема наилучшим образом подходит для общего обозначения соответствующего концепта.

Анализ дискурсивного варьирования лексемы *нерусскость* показал, что данная лексема отражает ценностно-маркированные коннотации, в негативно-оценочном плане характеризующие отступления, отклонения от некоей нормы, стандарта «русскости», который интуитивно представляет себе говорящий. Причем объектом характеристики посредством лексемы *нерусскость* не обязательно являются иностранные феномены, данное слово может быть употреблено и по отношению к чему-то русскому, но не соответствующему стандарту «русскости». Поэтому это слово входит в число репрезентантов именно концепта «русскость». С другой стороны, наличие устойчивых представлений о том, что является «нерусским», у носителей языка позволяет, наряду с концептом «русскость», постулировать и «нерусскость» в качестве особого концепта, антиномичного по отношению к концепту «русскость».

В соответствии с принятой методикой исследования на завершающем этапе исследования была осуществлена верификация реальности выявленных

когнитивных признаков концепта в языковом сознании носителей языка посредством проведения цепочечного ассоциативного эксперимента

В **ядерном компоненте** по данным эксперимента нашли отражение выявленные ранее когнитивные признаки: (1) *восточнославянский народ, составляющий основное население России*; (2) *представитель восточнославянского народа, составляющего основное население России*; (3) *православный христианин, крещеный в православную веру*; (4) *человеческий*; (5) *имеющий отношение к Руси, к России*; (7) *принадлежащий людям – представителям восточнославянского народа, составляющего основное население России*; (11) *относящийся к русскому языку*; (13) *относящийся к русскому образу жизни, культуре*; (18) *песня, музыка в ритме особых народных танцев*.

В **базовом слое** концепта *русскость* наблюдаются ассоциации, связанные с когнитивными признаками: (19) *русский язык*; (15) *такой, как у русских, подобный русскому, русским*. Надо отметить, что для этого слоя характерна традиционная позитивная оценочность для концепта *русскость*, отражаемая в когнитивном признаке (25) *(положительно-оценочное) нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям*.

В **ближней периферии** данные цепочечного ассоциативного эксперимента демонстрируют устойчивую связь концепта *русскость* с когнитивными признаками: (20) *русский язык как предмет школьного преподавания*, (15) *такой, как у русских, подобный русскому, русским*, (19) *русский язык*.

Дальняя периферия (единичные ассоциаты) для концепта *русскость* обнаружили значительный разброс ассоциативных связей — индивидуальные ассоциаты: ‘нравственность’, ‘душевность’ ‘красота души’, ‘обычай’, ‘приличия’, ‘нравственность’, ‘справедливость’, ‘милосердие’, ‘сочувствие’, ‘заботливые’, которые соотносятся с когнитивным признаком (25) *(положительно-оценочное) нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям*. Также ряд ассоциатов: ‘характер’, ‘гордые’ ‘деревня’, ‘добродушие’, ‘прямота’, ‘прямолинейные’ — соотнесены с когнитивными

признаками: (12) *относящийся к русскому национальному характеру*; (13) *относящийся к русскому образу жизни, культуре*.

Также эксперимент выявил и наличие потенциальной отрицательной оценочности данного концепта в языковом сознании носителей языка — посредством таких ассоциатов, как 'ленивые', 'непутевые', 'грозные', 'обидчивые-отходчивые', 'непутевые', 'громко кричат', 'неадекватные', 'непредсказуемые', 'невоспитаны', 'не совсем соблюдающие порядок'. Это продемонстрировало реальность для языкового сознания современных носителей языка выявленных ранее когнитивных признаков с отрицательной оценочностью: (22) *небрежное, безответственное отношение к чему-либо, обычно присущее русскому человеку*; (23) *(отрицательно-оценочное) нечто нарушающее норму, отклоняющееся от стандарта, неправильное, обычно присущее русскому человеку*; (24) *нечто неопределенное, смутное, нечеткое*. Также здесь отражаются и автостереотипы, которые приписывают русским такие свойства, как лень, непутевость, неумелость, безответственность и пр.

В **ядерном компоненте** по данным эксперимента нашли отражение выявленные ранее когнитивные признаки: (1) *восточнославянский народ, составляющий основное население России*; (2) *представитель восточнославянского народа, составляющего основное население России*; (3) *православный христианин, крещеный в православную веру*; (4) *человеческий*; (5) *имеющий отношение к Руси, к России*; (7) *принадлежащий людям – представителям восточнославянского народа, составляющего основное население России*; (11) *относящийся к русскому языку*; (13) *относящийся к русскому образу жизни, культуре*; (18) *песня, музыка в ритме особых народных танцев*.

В **базовом слое** концепта *русскость* наблюдаются ассоциации, связанные с когнитивными признаками: (19) *русский язык*; (15) *такой, как у русских, подобный русскому, русским*. Надо отметить, что для этого слоя характерна традиционная позитивная оценочность для концепта *русскость*, отражаемая в когнитивном признаке (25) *(положительно-оценочное) нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям*.

В **ближней периферии** данные свободного ассоциативного эксперимента демонстрируют устойчивую связь концепта *русскость* с когнитивными признаками: (20) *русский язык как предмет школьного преподавания*, (15) *такой, как у русских, подобный русскому, русским*, (19) *русский язык*.

Дальняя периферия (единичные ассоциаты) для концепта *русскость* обнаружили значительный разброс ассоциативных связей — индивидуальные ассоциаты: ‘нравственность’, ‘душевность’, ‘крастота души’, ‘обычай’, ‘приличия’, ‘нравственность’, ‘справедливость’, ‘милосердие’, ‘сочувствие’, ‘заботливые’, которые соотносятся с когнитивным признаком (25) *(положительно-оценочное) нечто имеющее отношение к русским национальным идеалам и ценностям*. Также ряд ассоциатов: ‘характер’, ‘гордые’, ‘деревня’, ‘добродушие’, ‘прямота’, ‘прямолинейные’ — соотнесены с когнитивными признаками: (12) *относящийся к русскому национальному характеру*; (13) *относящийся к русскому образу жизни, культуре*.

Также эксперимент выявил и наличие потенциальной отрицательной оценочности данного концепта в языковом сознании носителей языка — посредством таких ассоциатов, как ‘ленивые’, ‘непутевые’, ‘грозные’, ‘обидчивые-отходчивые’, ‘непутевые’, ‘громко кричат’, ‘неадекватные’, ‘непредсказуемые’, ‘невоспитаны’, ‘не совсем соблюдающие порядок’. Это продемонстрировало реальность для языкового сознания современных носителей языка выявленных ранее когнитивных признаков с отрицательной оценочностью: (22) *небрежное, безответственное отношение к чему-либо, обычно присущее русскому человеку*; (23) *(отрицательно-оценочное) нечто нарушающее норму, отклоняющееся от стандарта, неправильное, обычно присущее русскому человеку*; (24) *нечто неопределенное, смутное, нечеткое*. Также здесь отражаются и автостереотипы, которые приписывают русским такие свойства, как лень, непутевость, неумелость, безответственность и пр.

Ряд признаков в дальней периферии выразил националистические, ксенофобские представления: ‘«нет чуркам»’, ‘Россия для русских’, которые, видимо, присутствуют как потенциальные. С другой стороны, выявлена пси-

хологическая реальность для признака (32) *искусность в военном деле, воинская доблесть* — ассоциат 'воин'. Имеются также признаки, выражающие внеоценочные атрибуты русского мира: (27) *изготовленное, приготовленное, сделанное особым, национально-специфичным образом (для вещей, предметов обихода)* — ассоциат 'яблоки'; (28) *обозначающее определенную разновидность, род, тип, породу класс животных, растений, явлений природы, обычные для мест исконного обитания русских* — ассоциат 'игрушки'.

Анализ дальней периферии (единичных ассоциатов) позволил выявить реальность в сознании признаков, которые наиболее активны в диалектной системе, по мнению Е.Л. Березович. Это признак *родное место* (ассоциат 'СПб.'), *сельская местность* (ассоциат 'деревня').

Результаты качественной интерпретации данных цепочечного ассоциативного эксперимента демонстрируют сохранение и дальнейшее развитие в языковом сознании доминантных смысловых компонентов концептуального содержания концепта «русскость», выявленных ранее. Итоги эксперимента также выявили преобладание позитивно-оценочных коннотаций над негативными в представлении этого концепта носителями языка, в духе таких исконных ценностей русской культуры, как любовь к месту, где ты родился, к своей большой Родине — России, к ее истории и традициям, к ее народу.

Предложенное в работе описание концепта «русскость» не может быть исчерпывающим в силу смысловой необъятности анализируемого концепта. Это открывает перспективы для дальнейшего исследования, которые связаны с возможным расширением текстовой базы исследования за счет анализа дискурсивного варьирования лексем — репрезентантов концепта в разных типов дискурсов (в дискурсе СМИ и языке рекламы, в политическом дискурсе, в официально-деловом и юридическом дискурсе, в научном дискурсе, в обиходно-разговорном дискурсе и т.д.), а также с более полным изучением связи концепта «русскость» с антиномичным концептом «нерусскость».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — URL: [http: // www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)

Научная и научно-методическая литература

2. Аброскин 2009 — *Аброскин, А.А.* Поиск по корпусу: проблемы и методы их решения [Текст] / А.А. Аброскин // Национальный корпус русского языка: 2006—2008. Новые результаты и перспективы. — СПб.: Нестор-История, 2009. — С. 277—282.
3. Алифференко 2003 — *Алефиренко, Н.Ф.* Проблема вербализации концепта: Теоретическое исследование [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. — Волгоград: Перемена, 2003. — 96 с.
4. Алпатов 1993 — *Алпатов, В.М.* О системоцентричном и антропоцентричном подходах к языку [Текст] / В.М. Алпатов // Вопросы языкознания. — 1993. — № 3. — С. 15—26.
5. Антология концептов 2007 — Антология концептов [Текст] / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — М.: Гнозис, 2007. — 512 с.
6. Апресян 1986 — *Апресян, Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира [Текст] / Ю.Д. Апресян // Семиотика и информатика: Сб. науч. статей. — М., 1986. — Вып. 28. — С. 5—33.
7. Апресян 1995а — *Апресян, Ю.Д.* Избранные труды. — Т.1. Лексическая семантика [Текст] / Ю.Д. Апресян. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 472с.

8. Апресян 1995б — *Апресян, Ю.Д.* Избранные труды. — Т.2. Интегральное описание языка [Текст] / Ю.Д. Апресян. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 766с.
9. Апресян 1995в — *Апресян, Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Текст] / Ю.Д. Апресян. // Вопросы языкознания. — 1995. — №1. — С. 37—67.
10. Арутюнова 1988 — *Арутюнова, Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка, событие, факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1988. — 341 с.
11. Арутюнова 1990 — *Арутюнова, Н.Д.* От редактора: Вступительная статья [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Культурные концепты: Сб. научн. трудов / ИЯ АН СССР / Отв.ред. Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1991. — С. 3—5.
12. Арутюнова 1993 — *Арутюнова, Н.Д.* Введение [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Ментальные действия: Сб. научн. трудов / ИЯ АН СССР / Отв.ред. Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, М., 1993. — С. 3—6.
13. Арутюнова 1999 — *Арутюнова, Н.Д.* Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
14. Архипов 2001 — *Архипов, И.К.* Концептуализация, категоризация, текст, дискурс. Основные теоретические понятия [Текст] / И.К. Архипов // Филология и культура: Материалы III международной научной конференции. — Часть I. — Тамбов: ТГУ, 2001. — С. 13-15.
15. Архипова 2011 — *Архипова, С.В.* Ассоциативный эксперимент в психолингвистике [Текст] / С.А. Архипова // Вестник БГУ. — 2011. — №11. — С. 6–9.
16. Аскольдов 197 — *Аскольдов, С.А.* Концепт и слово [Текст] / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. / Под ред. В.Н. Нерознака. — М.: Academia, 1997. — С. 267-280.

17. Бабушкин 1996 — *Бабушкин, А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А.П. Бабушкин. — Воронеж: ВорГУ, 1996. — 104 с.
18. Бабушкин 1998 — *Бабушкин, А.П.* Концептуальные типы значений [Текст] / А.П. Бабушкин // Контрастивные исследования лексики и фразеологии русского языка: Сб. научн. трудов. — Воронеж: ВорГУ, 1996. — С. 14-18.
19. Базылев 2000 — *Базылев, В.Н.* Мифологема скуки в русской культуре [Текст] / В.Н. Базылев // RES LINGUISTICA: Сборник статей. К 60-летию профессора В.П. Нерознака. — М.: Наука, 2000. — С. 130—147.
20. Баранов, Добровольский 1997 — *Баранов, А.Н.* Постулаты когнитивной лингвистики [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Изв. РАН. — СЛЯ. — 1997. — №1. — С. 11-21.
21. Батанова 2009 — *Батанова, О.Н.* Русский мир и проблемы его формирования: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Батанова О.Н.; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. — М., 2009. — 163 с.
22. Бахтин 1990 — *Бахтин, М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса: Монография [Текст] / М.М. Бахтин. — 2 изд. — М.: Художественная литература, 1990. — 543 с.
23. Бенвенист 1974 — *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика: Пер. с франц. [Текст] / Э. Бенвенист. — М.: Прогресс, 1974. — 448 с.
24. Березович 2011 — *Березович, Е.Л.* Деривационная семантика русского в русских народных говорах [Текст] / Е.Л. Березович // Русский язык в научном освещении. — 2011. — № 2 (22). — С. 5–32.
25. Березович 2012 — *Березович, Е.Л.* «Русская пища» в зеркале иностранных языков (на материале производных от слов «Русский, Россия») [Текст] / Е.Л. Березович // Антропологический форум. — 2012. — № 17. — С. 173–197.

26. Березович 2014 — *Березович, Е.Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция [Текст] / Е.Л. Березович. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. — 488 с.
27. Березович, Казакова 2015 — *Березович, Е.Л., Казакова, Г.И.* Россия и Франция: диалог языковых стереотипов [Текст] / Е.Л. Березович, Г.И. Казакова // Антропологический форум. — 2015. — № 27. — С. 9–69.
28. Болдырев 1998 — *Болдырев, Н.Н.* Категоризация событий и специфика национального сознания [Текст] / Н.Н. Болдырев // Язык и национальное сознание: Сб. статей. — Вып. 1. — Воронеж: Истоки, 1998. — С. 29-30.
29. Болдырев 2001 — *Болдырев, Н.Н.* Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии: Учебное пособие [Текст] / Н.Н. Болдырев. — Тамбов: ТГУ, 2001. — 124с.
30. Болдырев 2004 — *Болдырев, Н.Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики [Текст] / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — №1. — С. 18-39.
31. Борискина, Кретов 2003 — *Борискина, О.О.* Теория языковой категоризации. Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса [Текст] / О.О. Борискина, А.А. Кретов. — Воронеж, 2003.
32. Будагов 1974 — *Будагов, Р.А.* Человек и его язык [Текст] / Р.А. Будагов. — М.: Наука, 1976. — 133 с.
33. Булыгина 1999 — *Булыгина, Е.Ю.* Лексическое воплощение концепта «деньги» в современной публицистике [Текст] / Е.Ю. Булыгина // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике: Сб.научн.трудов. — Новосибирск: НГУ, 1999. — С. 5-13.
34. Булыгина, Шмелев 1997 — *Булыгина, Т.В.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) [Текст] / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 574 с.
35. Вайсгербер 2004 — *Вайсгербер, Й.-Л.* Родной язык и формирование духа народа. — Изд. 2-е, испр. и доп. [Текст] / Л. Вайсгербер. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 232 с.

36. Валгина 2002 — *Валгина, Н.С.* Современный русский язык: Учебник для вузов / Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина. [Текст] / Под ред. Н.С. Валгиной. — Изд. 6-е, перераб. и доп. — М.: Логос, 2002. — 528 с.
37. Введение в когнитивную лингвистику [Текст] / Под ред. М. В. Пименовой. — Вып. 4 — Кемерово: ИПК «Графика», 2004. — 210 с.
38. Вежбицкая 1997 — *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание [Текст] / Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз / А. Вежбицкая. — М.: Русские словари, 1997. — 412 с.
39. Вежбицкая 2001 — *Вежбицкая, А.* Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] / А. Вежбицкая: Пер. с англ. А.Д. Шмелева. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 288 с.
40. Вендина 2003 — *Вендина, Т.И.* Введение в языкознание: Учеб. пособие для педагогических вузов [Текст] / Т.И. Вендина. — М.: «Высшая школа», 2003. — 288 с.
41. Верещагин, Костомаров 2000 — *Верещагин, Е.М.* Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция лого-эпистемы [Текст] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. — М.: Икар, 2000. — 312с.
42. Виноградов 1963 — *Виноградов, В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика [Текст] / В.В. Виноградов. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 255 с.
43. Виноградов 1972 — *Виноградов, В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В.В. Виноградов. — М.: Высшая школа, 1972. — 616 с.
44. Витгенштейн 1994 — *Витгенштейн, Л.* Философские работы. Ч.1 [Текст] / Л. Витгенштейн. — М.: Гнозис, 1994. — 532 с.
45. Воркачев 2001 — *Воркачев, С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в сознании [Текст] / С.Г. Воркачев // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64-72.

46. Воркачев 2002 — *Воркачев, С.Г.* Любовь как лингвокультурный концепт [Текст] / С.Г. Воркачев. — М.: Гнозис, 2007. — 284 с.
47. Воркачев 2005 — *Воркачев, С.Г.* Постулаты лингвоконцептологии [Текст] / С.Г. Воркачев // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика и И. А. Стернина. — Т.1. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 10-15.
48. Воркачев 2007 — *Воркачев, С.Г.* Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа [Текст] / С.Г. Воркачев. — Краснодар: Техн. ун-т Кубан. гос. технол. ун-та., 2002. — 142 с.
49. Воробьев 1997 — *Воробьев, В.В.* Лингвокультурология (теория и методы): монография [Текст] / В.В. Воробьев. — М.: Издательство Российского Университета дружбы народов, 1997. — 331 с.
50. Воронова, Стернин 2000 — *Воронова Т. А.* Концепт «толерантность» в русском сознании [Текст] / Т.А. Воронова, И.А. Стернин // Языковая структура и социальная среда : Сб. науч. тр.— Воронеж: ВГУ, 2000. — С. 79-83.
51. Гаспаров 1996 — *Гаспаров, Б.М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б.М. Гаспаров. — М.: Новое Литературное Обозрение, 1996. — 352 с.
52. Гачев 1989 — *Гачев, Г.Д.* Национальные образы мира [Текст] / Г.Д. Гачев. — М.: Искусство, 1989. — 368 с.
53. Глебова 2017а — *Глебова, Н.Г.* Когнитивные признаки и смысловой объем концепта «русскость» в русском языке (по данным лексикографических источников) [Текст] / Н.Г. Глебова // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: Сб. научн. трудов по итогам межд. научн. конф., посвященной памяти д.ф.н., проф. К.А. Войловой /Отв.ред. О.В. Шаталова. — М.: МГОПУ, 2017. — С. 72-77.
54. Глебова 2017б — *Глебова, Н.Г.* Особенности парадигматической реализации концепта «русскость» в современном русском языке [Текст] / Н.Г. Глебова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2017. — №3. — С. 216–220.

55. Голованивская 2009 — *Голованивская, М.К.* Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских [Текст] / М.К. Голованивская. — М.: Языки славянской культуры, 2009. — 372 с.
56. Гольдин 2001 — *Гольдин, В.Е.* Ассоциативный эксперимент как речевая игра [Текст] / В.Е. Гольдин// Жизнь языка: Сб. ст. — М.: ИЯ РАН, 2001. — С. 226 — 233.
57. Горошко 2001 — *Горошко, Е.И.* Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента [Электронный ресурс] / Е.И. Горошко. — М., 2001. — URL: <http://www.textology.ru/goroshko/VerbalAss/predis1.html>.
58. Горшкова, Ручина 2002 — *Горшкова, Т.М., Ручина, Л.И.* Методические указания по составлению словаря русского фольклора. Методическое пособие для студентов-филологов [Текст] / Т.М.Горшкова, Л.И.Ручина, — Н.Новгород: ННГУ, 2002. — 15 с.
59. Горшкова, Ручина 2011 — *Горшкова, Т.В., Ручина, Л.И.* Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки [Текст]/ Т.М. Горшкова, Л.И. Ручина// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2011. — № 6-2. — С. 130-135.
60. Гофман 2001 — *Гофман, О.В.* К вопросу о методе концептуального анализа [Текст] / О.В. Гофман // Картина мира: модели, методы, концепты: Сб.научн.трудов. — Томск: ТГУ, 2001. — С. 213-217.
61. Гройс 1992 — *Гройс, Б.* Поиск русской национальной идентичности [Текст] / Б. Гройс // Вопросы философии. — 1992. — № 9. — С. 52–60.
62. Гумбольдт 1984 — *Гумбольдт, В. фон.* Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт; Пер. с нем. под ред. и с пред. Г.В. Рамшвили. — М: Наука, 1984. — 398 с.
63. Гумилев 2004 — *Гумилёв, Л.Н.* От Руси к России [Текст] / Л.Н. Гумилев. — М.: Айрис-Пресс, 2004. — 564 с.

64. Гусева 2008 — *Гусева, Е.А.* Лингвокогнитивное моделирование как понятие и явление [Текст] / Е.А. Гусева // Вопросы когнитивной лингвистики, 2008, №2. — с. 126-131.
65. Дейк 1989 — *Дейк, Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ [Текст] / Т.А. ван Дейк. — М.: БГК Им. И. А. Бодуэна Де Куртенэ, 1989. — 310 с.
66. Демьянков 1994 — *Демьянков, В.З.* Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 17-33.
67. Демьянков 1995 — *Демьянков, В.З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века [Текст] / В.З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века: кол.мон. — М.: Институт языкознания РАН, 1995. — С.239-320.
68. Демьянков 1996b — *Демьянков, В.З.* Фрейм [Текст] / В.З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. — М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. — С. 187-189.
69. Залевская 1996 — *Залевская, А.А.* Вопросы теории и практики исследований [Текст] / А.А. Залевская // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. — М.: Наука, 1996. — С.27-37.
70. Залевская 1996 — *Залевская, А.А.* Психолингвистика: пути, итоги, перспективы [Текст] / А.А. Залевская // Вопросы языкознания. — 1998. — № 6. — С. 81—94.
71. Залевская 2001 — *Залевская, А.А.* Психолингвистический подход к проблеме концепта [Текст] / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А. Стернина. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. — С. 36-44.

72. Залевская 2003 — *Залевская, А.А.* Языковое сознание: вопросы теории [Текст] / А.А. Залевская // Вопросы психолингвистики. — 2003. — № 1. — С. 30-35.
73. Зализняк 2006 — *Зализняк, Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления [Текст] / А.А. Зализняк. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 672 с.
74. Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005 — *Зализняк, Анна А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. [Текст] / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.
75. Звегинцев 1996 — *Звегинцев, В.А.* Мысли о лингвистике [Текст] / В.А. Звегинцев. — М.: МГУ, 1996. — 335 с.
76. Иванов 1962 — *Иванов, В.В.* Язык в сопоставлении с другими средствами передачи и хранения информации» [Текст] / В.В. Иванов // Прикладная лингвистика и машинный перевод: Сборник статей. — Киев: КГУ, 1962. — С. 104-116.
77. Иванов 1978 — *Иванов, Вяч. Вс.* Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем [Текст] / В.В. Иванов. — М.: Сов. радио, 1978. — 184 с.
78. Кадыров 2011 — *Кадыров, А.М.* Культурология. Мировая и отечественная культура: учебное пособие [Текст] / А.М. Кадыров. — Уфа: УГАТУ, 2011. — 532 с.
79. Карасик 1996 — *Карасик, В.И.* Культурные доминанты в языке [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: Сб. научн. трудов. — Волгоград-Архангельск: ВГУ, 1996. — С. 3–16.
80. Карасик 2001 — *Карасик, В.И.* О категориях лингвокультурологии [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. трудов / ВГПУ. — Волгоград: Перемена, 2001. — С. 3-16.

81. Карасик 2002 — *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография [Текст] / В.И. Карасик; ВГПУ. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
82. Карасик, Прохвачева и др. 2007 — *Карасик, В.И.* Иная ментальность [Текст] / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. — М.: Гнозис, 2007. — 352 с.
83. Карасик, Слышкин 2005 — *Карасик, В.И.* Базовые характеристики лингвокультурных концептов [Текст] / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 1. — Волгоград: Перемена, 2005. — С. 13-15.
84. Караулов 1976 — *Караулов, Ю.Н.* Общая и русская идеография [Текст] / Ю.Н. Караулов. — М.: Наука, 1976. — 356 с.
85. Караулов 1987 — *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. — М.: Наука, 1987. — 264 с.
86. Караулов 2000 — *Караулов, Ю.Н.* Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания [Текст] / Ю.Н. Караулов // Языковое сознание. Содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Сб. статей под редакцией Н. В. Уфимцевой. — М.: Институт языкознания РАН, 2000. — С. 107-109.
87. Картина мира 2002 — Картина мира: модели, методы, концепты: Материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука» (1-3 ноября 2001 года) [Текст] / Под общей редакцией профессора З.И. Резановой. — Томск: Издание ТГУ, 2002. — 324 с.
88. Касевич 1988 — *Касевич, В.Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология [Текст] / В.Б. Касевич. — М.: Наука, 1988. — 237 с.
89. Касевич 1996 — *Касевич, В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык [Текст] / В.Б. Касевич. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. — 288 с.

90. Кассирер 2002 — *Кассирер, Э.* Философия символических форм: Том 1. Язык [Текст] / Э. Кассирер. — М.; СПб.: Университетская книга, 2002. — 271 с.
91. Кацнельсон 1965 — *Кацнельсон, С.Д.* Содержание слова, значение и обозначение [Текст] / С.Д. Кацнельсон. — М.; Л.: Наука, 1965. — 112 с.
92. Клименко 1970 — *Клименко, А.П.* Вопросы психолингвистического изучения семантики [Текст] / А.П. Клименко. — Минск: Высшейш. школа, 1970. — 206 с.
93. Клименко 1978 — *Клименко, А.П.* К экспериментальному изучению родо-видовых отношений (на материале английского языка) [Текст] / А.П. Клименко // Романское и германское языкознание. — Минск, 1978. — Вып. 8. — С. 145–152.
94. Климкова 2016 — *Климкова, Л.А.* Феномен русскости: языковая экспликация [Текст] / Л.А. Климкова // Русский универсум в условиях глобализации: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (26-28 октября 2016 г.) / Науч. ред. Е.В. Валеева, отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». — Саров: Интерконтакт, 2016. — С. 381–389.
95. Кожевникова, Рыбаковский, Сигарева 1998 — *Кожевникова, Н.И., Рыбаковский, Л.Л., Сигарева, Е.П.* Русские: этническая гомогенность? (Опыт социол. исслед.) [Текст] / Н.И. Кожевникова, Л.Л. Рыбаковский, Е.П. Сигарева; Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. — М.: ИСПИ, 1998. — 33 с.
96. Колесов 1993 — *Колесов, В.В.* Отражение русского менталитета в слове [Текст] / В.В. Колесов // Человек в зеркале наук: Труды методологического семинара «Человек». Межвузовский сборник. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1993. — С. 107—112.
97. Колесов 1995 — *Колесов, В.В.* Ментальные характеристики русского слова в языке и философской интуиции [Текст] / В.В. Колесов // Язык и

- этнический менталитет. Сб. науч. тр. — Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. — С. 13-18.
98. Колесов 1999 — *Колесов, В.В.* Жизнь происходит от слова... [Текст] / В.В. Колесов. — СПб.: Златоуст, 1999. — 320 с.
99. Колесов 2002 — *Колесов, В.В.* Философия русского слова [Текст] / В.В. Колесов. — СПб.: Юна, 2002. — 448 с.
100. Колесов 2004 — *Колесов, В.В.* Язык и ментальность [Текст] / В.В. Колесов. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. — 237 с.
101. Колесов 2006 — *Колесов, В.В.* Русская ментальность в языке и тексте [Текст] / В.В. Колесов. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. — 624 с.
102. Корнилов 2003 — *Корнилов, О.А.* Языковые картины мира как производные национального менталитета. — 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / О.А. Корнилов. — М.: ЧеРо, 2003. — 349 с.
103. Косериу 1989 — *Косериу, Э.* Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение [Текст] / Э. Косериу // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы / Сост В.П. Нерознака; Общ. ред. и вступ. ст. В.Г. Гака. — М.: Прогресс, 1989. — 440 с.
104. Кочеров 1994 — *Кочеров, С.Н.* Русский мир: проблема определения [Текст] / С.Н. Кочеров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2014. — № 5 (1). — С. 163–167.
105. Красных 2000 — *Красных, В.В.* Строение языкового сознания: фрейм-структуры [Текст] / В.В. Красных // Когнитивная семантика. — Ч. 1. — Тамбов: ТГУ, 2000. — С. 53-55.
106. Красных 2002 — *Красных, В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций [Текст] / В.В. Красных. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с.
107. Крысин 2003 — *Крысин, Л.П.* Кодовые переключения в речевом поведении говорящего [Текст] / Л.П. Крысин // Социальная и функциональная

- дифференциация языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — М.: Языки славянской культуры, 2003.
108. Крючкова 2005 — *Крючкова, Н.В.* Лингвокультурное варьирование концептов [Текст] / Н.В. Крючкова. — Саратов: СГУ, 2005. — 165 с.
109. Кубрякова 1992 — *Кубрякова, Е.С.* Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем [Текст] / Е.С. Кубрякова // Язык и структуры представления знаний: Сб.ст. — М.: Наука, 1992. — С.4-38.
110. Кубрякова 1994 — *Кубрякова, Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 26-34.
111. Кубрякова 1999 — *Кубрякова, Е.С.* Языковое сознание и языковая картина мира [Текст] / Е.С. Кубрякова // Филология и культура: Материалы межвузовской конференции: Ч. III. — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. — С. 6-13.
112. Кубрякова 2004 — *Кубрякова, Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова / Рос. академия наук / Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
113. Кузлякин 2005 — *Кузлякин, С.В.* Проблема создания концептуальной модели в лингвистических исследованиях [Текст] / С.В. Кузлякин // Русистика и современность. — Т.1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. — СПб: РГПУ им.А.И.Герцена, 2005. — С. 136-141.
114. Кузнецов 2000 — *Кузнецов, А.М.* Некоторые теоретические проблемы семантики последних десятилетий [Текст] / А.М. Кузнецов // Лингвистические исследования в конце XX века: Сборник обзоров / РАН. ИНИОН. — М.: ИНИОН РАН, 2000. — С. 173-185.
115. Кузнецов 2000 — *Кузнецов, А.М.* Проблемы компонентного анализа в лексике: Науч.-аналит. Обзор [Текст] / А.М. Кузнецов. — М.: ИНИОН АН СССР, 1980. — 58 с.

116. Кустова 2000 — *Кустова, Г.И.* Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений [Текст] / Г.И. Кустова // Вопросы языкознания. — 2000. — № 4. — С.85—109.
117. Кустова 2004 — *Кустова, Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения [Текст] / Г.И. Кустова. — М.: Языки славянской культуры, 2004 — 472 с.
118. Лакофф 1994 — *Лакофф, Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф; Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 792 с. — (Язык. Семиотика. Культура.)
119. Лакофф, Джонсон 2004 — *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М.: Едиториал, 2004. — 256 с.
120. Лакуны 2003 — Лакуны в языке и речи: Сб. научн. трудов [Текст] / Под ред. проф. Ю.А. Сорокина, проф. Г.В. Быковой. — Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. — 257 с.
121. Ленотьев А.А. 1997 — *Леонтьев, А.А.* Основы психолингвистики: Учебное пособие [Текст] / А.А. Леонтьев. — М.: Смысл, 1997. — 287 с.
122. Леонтьев А.Н. 1975 — *Леонтьев, А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А.Н. Леонтьев. — М.: Политиздат, 1975. — 110 с.
123. Лихачев 1997 — *Лихачёв, Д.С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология [Текст] / Д.С. Лихачев. — М.: Academia, 1997. — С. 280—287.
124. Лосев 1982 — *Лосев, А.Ф.* Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию [Текст] / А.Ф. Лосев. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — 480 с.
125. Лотман 1994 — *Лотман, Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века) [Текст] / Ю.М. Лотман. — СПб.: Искусство, 1994. — 413 с.
126. Лотман, Успенский 1971 — *Лотман, Ю.М.* О семиотическом механизме культуры [Текст] / Ю.М. Лотман, Б.М. Успенский // Труды по знаковым

- системам: Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып V. 284. — Тарту: ТГУ, 1971. — С. 144–167.
127. Лурия 1979 — *Лурия, А.Р.* Язык и сознание [Текст] / А.Р. Лурия. — М.:Изд-во Моск. ун-та, 1979. — 320 с.
128. Ляпин 1997 — *Ляпин, С.Х.* Концептология: К становлению подхода [Текст] / С.Х. Ляпин // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. 2. — Архангельск, 1997. — С. 11-35.
129. Маковский 1995 — *Маковский, М.М.* У истоков человеческого языка [Текст] / М.М. Маковский. — М, Высшая школа, 1995. — 157 с.
130. Максимович 2006 — *Максимович, К.А.* Происхождение этнонима Русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников. // KANIEKION. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова. — М.: ПЕТГУ, 2006. — С. 14–56.
131. Маслова 2001 — *Маслова, В.А.* Лингвокультурология. Учебное пособие [Текст] / В.А. Маслова. — М.: Academia, 2001. — 202 с.
132. Маслова 2006 — *Маслова, В.А.* Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие [Текст] / В.А. Маслова. — М: Флинта, Наука, 2006. — 294 с.
133. Методические указания 2002 — Методические указания по составлению словаря концептов русского фольклора: Методическое пособие для студентов-филологов [Текст] / Составители: доцент Т.М. Горшкова, доцент Л.И. Ручина. — Н. Новгород: ННГУ, 2002. — 24 с.
134. Методологические проблемы 2001 — Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание [Текст] / Под ред. И.А. Стернина. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. — 182 с.
135. Мечковская 2004 — *Мечковская, Н.Б.* Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций [Текст] / Н.Б. Мечковская. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 432 с.
136. Мурзин 2010 — *Мурзин, Ю.П.* Макрополе метафорических моделей живое, профилирующих концепт guerra [Текст] / Ю.П. Мурзин // Научный

вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. — 2010. — № 14. — С. 58–69.

137. Найда 1962 — *Найда, Е.А.* Анализ значения и составление словарей [Текст] / Е.А. Найда // Новое в лингвистике: Вып. II. Проблема значения. Дихотомическая фонология. Трансформационная грамматика / Пер.с англ.— М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. — С. 45-71.
138. Нерознак 1998 — *Нерознак, В.П.* От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма [Текст] / В.П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков — Омск: ОГУ, 1998. — С.80-85.
139. Никитин 2004 — *Никитин, М. В.* Развернутые тезисы о концептах [Текст] / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С.53-64.
140. Никитина 1991 — *Никитина, С.Е.* О концептуальном анализе в народной культуре [Текст] / С.Е. Никитина // Логический анализ языка. Культурные концепты / Под ред. Н.Д. Арутюновой. — М.: Наука, 1991. — С. 117-123.
141. Никитина 1993 — *Никитина, С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание [Текст] / С.Е. Никитина. — М.: Наука, 1993. — 189 с.
142. Новикова, Черемисина 2000 — *Новикова, Н.С.* Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира [Текст] / Н.С. Новикова, Н.В. Черемисина // Филологические науки. — 2000. — № 1. — С.40-49.
143. Новые тенденции 2014 — Новые тенденции в русском языке начала XXI века: Кол. мон. [Текст] / Радби́ль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибу́рская Л.В., Самы́личева Н.А., Шуми́лова А.В., Щени́кова Е.В., Виногра́дов С.Н. — М.: Флинта; Наука, 2014. — С. 134–221.
144. Павиленис 1983 — *Павиленис, Р.И.* Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка [Текст] / Р.И. Павиленис. — М.: Мысль, 1983. — 286 с.

145. Падучева 1996 — *Падучева, Е.В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) [Текст] / Е.В. Падучева. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 464 с.
146. Пименова 2011 — *Пименова, М.В.* Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие [Текст] / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. — 176 с.
147. Пищальникова, Лукашевич 2001 — *Пищальникова, В.А.* Когнитивизм как новая методология семантических исследований [Текст] / В.А. Пищальникова, Е.В. Лукашевич // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: Сб. научн. трудов. — Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. — С.40–45.
148. Платонов 2010 — *Платонов, О.А.* Русская цивилизация: История и идеология русского народа [Текст] / О.А. Платонов. — М: Алгоритм, 2010. — 944 с.
149. Плунгян 2005 — *Плунгян, В.А.* Зачем мы делаем национальный корпус русского языка? [Текст] / В.А. Плунгян // Отечественные записки. — 2005. — №2(23). — С. 296–308.
150. Попова, Стернин 2002 — *Попова, З.Д.* Язык и национальная картина мира [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2002. — 60с.
151. Попова, Стернин 2003 — *Попова, З.Д.* Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2003. — 191 с.
152. Попова, Стернин 2005 — *Попова, З.Д.* Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 1. — Волгоград: Перемена, 2005. — С. 7-10.
153. Попова, Стернин 2006-2007 — *Попова, З.Д.* Семантико-когнитивный анализ языка [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2006, 2007. — 250 с

154. Попова, Стернин 2007 — *Попова, З.Д.* Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М.: АСТ: Восток—Запад, 2007. — 314 с.
155. Попова, Стернин, Чарыкова 1998 — *Попова, З.Д.* О разработке концепции языкового образа мира (материалы для обсуждения) [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин, О.Н. Чарыкова // Язык и национальное сознание: Сб. статей. — Вып. 1. — Воронеж: Истоки, 1998. — С. 21-23.
156. Постовалова 1999 — *Постовалова, В.И.* Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) [Текст] / В.И. Постовалова // Фразеология в контексте культуры: Сб. статей. — М.: Наука, 1999. — С. 25-34.
157. Почепцов 1990 — *Почепцов, О.Г.* Языковая ментальность: способ представления мира [Текст] / О.Г. Почепцов // Вопросы языкознания. — 1990. — №6. — С.110-122.
158. Прохоров 2008 — *Прохоров, Ю.Е.* В поисках концепта [Текст] / Ю.Е. Прохоров. — М.: Флинта, 2008. — 176 с.
159. Радбиль 1999 — *Радбиль, Т.Б.* О термине и понятии «идеологема» [Текст] / Т.Б. Радбиль // Человек и его язык: антропологический аспект исследования: Сб. научн. трудов. — Нижний Новгород: НГПУ, 1996. — С. 11–28.
160. Радбиль 2006a — *Радбиль, Т.Б.* Языковая аномалия как норма художественного дискурса [Текст] / Т.Б. Радбиль // Филологические науки. — 2006. — № 6. — С. 50–58.
161. Радбиль 2006b — *Радбиль, Т.Б.* Языковая аномальность в русской речи: к проблеме типологии [Текст] / Т.Б. Радбиль // Русский язык в научном освещении. — 2006. — №1 (11). — С. 77–100.
162. Радбиль 2016 — *Радбиль, Т.Б.* Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. — изд. 4-е, стереотипн. [Текст] / Т.Б. Радбиль.— М.: Флинта: Наука, 2016. — 328 с.

163. Радбиль 2017 — *Радбиль, Т.Б.* Язык и мир: парадоксы взаимоотражения [Текст] / Т.Б. Радбиль. — М.: Издательский дом ЯСК, 2017. — 592 с. — (Язык. Семиотика. Культура.)
164. Радбиль, Сайгин 2014 — *Радбиль, Т.Б., Сайгин, В.В.* Особенности парадигматической и синтагматической реализации концептуального поля «грех» в современном русском языке [Электронный ресурс] / Т.Б. Радбиль, В.В. Сайгин // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 5. — URL: www.science-education.ru/119-15195 (дата обращения: 27.11.2014).
165. Радбиль, Юматов 2013 — *Радбиль, Т.Б., Юматов В.А.* Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе [Текст] / Т.Б. Радбиль, В.А. Юматов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2013. — № 1-1. — С. 286-290.
166. Радбиль, Юматов 2015 — *Радбиль, Т.Б., Юматов В.А.* Язык и метод в современной судебной экспертизе: монография [Текст] / Т.Б. Радбиль, В.А. Юматов; под ред. докт. юрид. наук, проф. каф. суд. экспертизы ННГУ им. Н.И. Лобачевского А.Ю. Арефьева. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 216 с.
167. Рахилина 1989 — *Рахилина, Е.В.* О концептуальном анализе в лексикографии А. Вежбицкой [Текст] / Е.В. Рахилина // Язык и когнитивная деятельность / Отв. ред. Фрумкина Р.М. — М.: Наука, 1989. — С. 46—51.
168. Рахилина 1998 — *Рахилина, Е.В.* Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты [Текст] / Е.В. Рахилина // Семантика и информатика: Сборник научных статей. Вып. 36. — М.: Русские словари, 1998. — С. 274-323.
169. Рахилина 2009 — *Рахилина, Е.В.* Корпус как творческий проект [Текст] / Е.В. Рахилина // Национальный корпус русского языка: 2006–2009. Новые результаты и перспективы / Отв. ред. В. А. Плунгян. — СПб.: Нестор-История, 2009. — С. 7-24.

170. Розенфельд 2005 — *Розенфельд, М.Я.* Образ в семантической структуре конкретных и абстрактных лексем [Текст] / М.Я. Розенфельд // Язык и национальное сознание: Сб. статей. — Вып.7. — Воронеж: Истоки, 2005. — С.42-17.
171. Роль человеческого фактора в языке 1988 — Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира: Кол. мон. [Текст] / Отв.ред. Б.А. Серебренников. — М.: Наука, 1988. — 216 с.
172. Рудакова 2004 — *Рудакова, А.В.* Когнитология и когнитивная лингвистика [Текст] / А.В. Рудакова; Под. ред. И.А. Стернина. — Изд. 2-е, испр. / А.В. Рудакова. — Воронеж: Истоки, 2004. — 80 с.
173. Руденко 1992 — *Руденко, Д.И.* Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры [Текст] / Д.И. Руденко // Вопросы языкознания. — 1992. — № 6. — С. 19—35.
174. Руднев 1997 — *Руднев, В.П.* Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты [Текст] / В.П. Руднев. — М.А Аграф, 1997. — 384 с.
175. Рузин 1996 — *Рузин, И.Г.* Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов [Текст] / И.Г. Рузин // Вопросы языкознания. — 1996. — № 5. — С. 39-50.
176. Русские 1967 — Русские. Историко-этнографический атлас [Текст]. — М.: Наука, 1967. — 360 с.
177. Русские 1999 — Русские [Текст] // Серия «Народы и культуры». — Т. I. / Редакторы серии: докт. истор. наук Ю. Б. Симченко, докт. истор. наук В. А. Тишков; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: Наука, 1999. — 828 с.
178. Русский язык конца XX в. — Русский язык конца XX столетия (1985—1995): Кол. мон. [Текст] / Под ред. Е.А.Земской. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 480 с.
179. Русское слово 2003 — Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений [Текст]. — СПб.: Политехника, 2003. — 242 с.

180. Ручина 2012 — *Ручина, Л.И.* Ассоциативный эксперимент как инструмент выявления когнитивных признаков концепта [Текст] / Л.И. Ручина // Вестник ННГУ. — 2012. — №5–3. — С. 102–106.
181. Савенкова 2002 — *Савенкова, Л.Б.* Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / Л.Б. Савенкова. — Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002. — 240 с.
182. Светоносова 2007 — *Светоносова, Т.А.* Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия [Текст] / Т.А. Светоносова // Филологические науки в МГИМО: Сб. научн. трудов / МГИМО (У) МИД России; отв. ред. Г. И. Гладков. — М.: МГИМО-Университет, 2007. — № 27 (42). — 203 с. — С.39–46.
183. Сайгин 2014 — *Сайгин, В.В.* Концепт «грех» в свете антинормы религиозного и светского содержания ключевых концептов русской культуры [Текст] / В.В. Сайгин // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2014. — № 2 (30). — С. 88–93.
184. Сайгин 2014 — *Сайгин, В.В.* Концептуальное поле «грех» в пространстве русской культуры: опыт комплексного лингвокогнитивного описания: Монография [Текст] / В.В. Сайгин. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. — 258 с.
185. Сепир 1993 — *Сепир, Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир; Пер. с англ.; Под ред. А.Е. Кибрика — М.: Наука, 1993. — 656 с.
186. Сергеева 2006 — *Сергеева, А.В.* Русские стереотипы поведения, традиции, ментальность [Текст] / А. В. Сергеева — 4-е изд., испр. — М.: Флинта Наука, 2006. — 320 с.
187. Складаревская 1993 — *Складаревская, Г.Н.* Метафора в системе языка [Текст] / Г.Н. Складаревская. — СПб.: Наука, 1993. — 152 с.
188. Слышкин 2000 — *Слышкин, Г.Г.* Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) [Текст] / Г.Г. Слышкин // Языковая

- личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. — Волгоград: ВГУ, 2000. — С. 38-45.
189. Слышкин 2000 — *Слышкин, Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] / Г.Г. Слышкин. — М. : Academia, 2000. — 125 с.
190. Слышкин 2004 — *Слышкин, Г.Г.* Лингвокультурные концепты и мета-концепты (Монография) [Текст] / Г.Г. Слышкин. — Волгоград: Перемена, 2004. — 340 с.
191. Соссюр 1998 — *Соссюр, Ф. де.* Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию: Пер. с фр.; Под ред. А.А. Холодовича. — М.: Прогресс, 1998. — С. 31-285.
192. Степанов 1975 — *Степанов, Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики [Текст] / Ю.С. Степанов. — М.: Наука, 1975. — 311 с.
193. Степанов 1985 — *Степанов, Ю.С.* В трёхмерном пространстве языка [Текст] / Ю.С. Степанов. — М.: Наука, 1985. — 335 с.
194. Степанов 1998 — *Степанов, Ю.С.* Язык и метод в современной философии языка [Текст] / Ю.С. Степанов. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 674 с.
195. Стернин 2005 — *Стернин, И.А.* Типы и концепты [Текст] / И.А. Стернин // Концептуальное пространство языка: Сб. научн. трудов, посвященных юбилею Н.Н. Болдырева / под ред. Е.С. Кубряковой. — Тамбов: ТГУ, 2005. — С. 257-282.
196. Сусов 1998 — *Сусов, И.П.* Интеграционный этап в развитии лингвистической теории и сущность вклада когнитивной лингвистики [Текст] / И.П. Сусов. — // Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития: Сб. науч. тр. Ч.1. — Тамбов: ТГУ, 1998. — С.16-21.
197. Телия 1996 — *Телия, В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 288 с.

198. Телия 1996 — *Телия, В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты: Монография [Текст] / В.Н. телия. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.
199. Титова 2003 — *Титова, О.И.* Перспективы лингвистического исследования рекуррентных единиц лексикона [Текст] / О.И. Титова // Филологические науки. — 2003. — №2. — С. 79-86.
200. Тишков 2007 — *Тишков, В.А.* Русский мир: смысл и стратегии [Электронный ресурс] / В.А. Тишков // Стратегия России. — 2007. — №7. — URL: <http://www.etnograf.ru/node/61> (дата обращения: 07.10.2017).
201. Токарев 2000 — *Токарев, Г.В.* Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «трудовая деятельность» [Текст] / Г.В. Токарев. — Тула: ТГПУ, 2000. — 92 с.
202. Токарев 2003 — *Токарев, Г.В.* Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «труд» в русском языке) [Текст] / Г.В. Токарев. — Волгоград: «Перемена», 2003. — 314 с.
203. Толстой 1995 — *Толстой, Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике [Текст] / Н.И. Толстой. — М.: Индрик, 1995. — 509 с.
204. Уланова 2000 — *Уланова, С.Б.* Фрейм как структура репрезентации знаний [Текст] / С.Б. Уланова // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр. — Рязань, 2000. — С. 133-144.
205. Уорф 1960а — *Уорф, Б.Л.* Наука и языкознание. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление [Текст] / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. I / Пер. с англ.; Под ред. В.А. Звегинцева. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960 — С. 169-182.
206. Уорф 1960б — *Уорф, Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку [Текст] / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. I / Пер. с англ.; Под ред. В.А. Звегинцева. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960 — С. 135-168.

207. Успенский 1996 — *Успенский, Б.А.* Избранные труды, том I. Семиотика истории. Семиотика культуры. — 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / Б.А. Успенский. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 608 с.
208. Успенский 2007 — *Успенский, Б.А.* Ego Loquens: Язык и коммуникативное пространство [Текст] / Б.А. Успенский. — М.: РГГУ, 2007. — 320с.
209. Уфимцева 1996 — *Уфимцева, Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания [Текст] / Н.В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. — М.: Институт языкознания, 1996.— С.139-163.
210. Уфимцева 2000 — *Уфимцева, Н.В.* Языковое сознание и образ мира славян [Текст] / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей. — М.: Институт языкознания РАН, 2000. — С. 207-219.
211. Фахрутдинова 2000 — *Фахрутдинова, Ф.Ф.* Взглянуть на мир сквозь призму слова... Опыт лингвокультурологического анализа русскости [Текст] / Ф.Ф. Фахрутдинова. — Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2000. — 204 с.
212. Фридман 2005 — *Фридман, Ж.И.* К вопросу о психологически реальном значении слова [Текст] / Ж.И. Фридман // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: Межд. сб. науч. трудов. — Вып.2. —М.— Пятигорск: ПГЛУ, 2005. — С. 335-340.
213. Фрумкина 1991 — *Фрумкина, Р.М.* Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога [Текст] / Р.М. Фрумкина // Научно-техническая информация. — 1991. — Серия 2. — № 3. — С. 3-29.
214. Фрумкина 1992 — *Фрумкина, Р.М.* Концепт, категория, прототип [Текст] / Р.М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сборник обзоров. — №4. — М.: ИНИОН РАН, 1992. — С. 2-7.
215. Фрумкина 2001 — *Фрумкина, Р.М.* Психолингвистика: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений [Текст] / Р. М. Фрумкина. — М.: Академия, 2001 — 320 с.

216. Фрумкина 2007 — *Фрумкина, Р.М.* Анатомия одной рецепции: культурно-историческая психология Выготского—Лурия [Текст] / Р.М. Фрумкина // Новое литературное обозрение. — 2007. — №85. — С. 20–35.
217. Цивьян 2006 — *Цивьян, Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. — Изд. 3-е, испр. [Текст] / Т.В. Цивьян. — М.: КомКнига, 2006. — 280с.
218. Чарыкова 1998 — *Чарыкова, О.Н.* Менталитет и «образ мира» [Текст] / О.Н. Чарыкова // Язык и национальное сознание: Сб. статей. — Вып. 1. — Воронеж: Истоки, 1998. — С. 26-27.
219. Человеческий фактор 1992 — Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис: Кол. мон. [Текст] — М.: Наука, 1992. — 281 с.
220. Чернейко 1997 — *Чернейко, О.Л.* Логико-философский анализ абстрактного имени [Текст] / О.Л. Чернейко. — М.: Изд-во МГУ, 1997. — 320 с.
221. Чернейко, Долинский 1996 — *Чернейко, Л.О.* Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа [Текст] / Л.О. Чернейко, В.А. Долинский В.А. // Вестник МГУ. Сер. 9, филология. — 1996. — № 6. — С.39—53.
222. Чистов 1988 — *Чистов, К.В.* Русские [Текст] / К.В. Чистов // Народы мира: Историко-этнографическая справка — М., 1988. — С. 381–389.
223. Шайкевич 2005 — *Шайкевич, А.Я.* Русская языковая картина мира в ряду других картинок [Текст] / А.Я. Шайкевич // Московский лингвистический журнал. — 2005. — №2. — С. 5-21.
224. Шалимова 2000 — *Шалимова, Н.А.* Русский мир А.Н. Островского [Текст] / Н.А. Шалимова. — Ярославль: ЯГТУ, 2000. — 251 с.
225. Шмелев 2001 — *Шмелев, А.Д.* Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры?: Вступительная статья [Текст] / А.Д. Шмелев // Вежибицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — С. 7-11.
226. Шмелев 2002 — *Шмелев, А.Д.* Русская языковая модель мира [Текст] / А.Д. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 224 с.

227. Шмелев 2010 — *Шмелёв, А.Д.* Языковые факты и корпусные данные [Текст] / А.Д. Шмелев // Русский язык в научном освещении. — 2010. — № 19 (1). — С. 236—265.
228. Щедровицкий 2015 — *Щедровицкий, П.Г.* Русский мир. Возможные цели самоопределения [Электронный ресурс] / П.Г. Щедровицкий. // Русский мир: проблема определения. — URL: http://www.archipelag.ru/authors/shedrovicky_petr?library=2015 (Дата обращения 26.05.2017)
229. Щур 1974 — Щур, Г.С. Теории поля в лингвистике [Текст] / Г.С. Щур. — М.: Наука, 1974. — 254 с.
230. Этнокультурная специфика 2003 — Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. статей [Текст] / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. — Изд. 2-е. — М.: ИЯ РАН, 2003. — 256 с.
231. Ягунова 2005 — *Ягунова, Е.В.* Эксперимент в психолингвистике: Конспекты лекций и методические рекомендации. Учебное пособие для вузов [Текст] / Е.В. Ягунова. — СПб.: Издательство «Остров», 2005 — 51 с.
232. Языковое сознание 2000 — Языковое сознание. Содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Сб. статей под редакцией Н. В. Уфимцевой [Текст] . — М.: Институт языкознания РАН, 2000. — 318 с.
233. Яковлева 1993 — *Яковлева, Е.С.* О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира [Текст] / Е.С. Яковлева // Вопросы языкознания. — 1993. — № 4. — С. 48—62.

Словари и энциклопедии

234. Абрамов 1999 — *Абрамов, Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Текст] / Н. Абрамов. — М.: Русские словари, 1999. — 431с.

235. БАС 1961 — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. [Текст] — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950—1965. — Т. 12.
236. БАСРЯ 2004 — Большой академический словарь русского языка РАН: В 20 т. [Текст] / Под ред. К. С. Горбачевича (научный координатор). — М.: Наука, 2004. — Т. 4.
237. БПС 2003 — Большой психологический словарь [Текст] / Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. — М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
238. БСЭ 1975 — Большая советская энциклопедия: В 30 т. — Т.22 [Текст] / гл. ред. А.М. Прохоров. — М.: Советская энциклопедия, 1975. — 628 с.
239. БТСРС 2005 — Большой толковый словарь русских существительных [Текст] / Авт.-сост. Л.Г.Бабенко, Н.А.Дьячкова, Ю.В.Казарин и др.; Под общ. ред. Л.Г.Бабенко. — М.: АСТ-Пресс, 2005.
240. ИЭСРЯ 2006 — *Черных, П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. [Текст] / П.Я. Черных — Т. 1. — М.: Русский язык — Медиа, 2006.
241. КСКТ 1996 — *Кубрякова, Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, П.Г. Лузина; Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. — М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
242. КСРК 1997 — *Степанов, Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю.С. Степанов. — М.: Академпроект, 1997. — 989 с.
243. КСФТ 2006 — Краткий словарь философских терминов [Электронный ресурс] // Сайт НЭС: Национальная философская энциклопедия. — URL: <http://terme.ru/dictionary/171>
244. МАС 1985 — Словарь русского языка: В 4-х т. [Текст] / Под ред. А.П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1985. — Т. 1.
245. НОССРЯ 1997 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка [Текст] / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. Вып. 1. — М.: Языки русской культуры, 1997.

246. РАС 2002 — *Караулов, Ю.Н.* Русский ассоциативный словарь. Книга 1-4 [Текст] / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин и др. — М.: ИРЯ РАН, 2002.
247. РБЛС 2007 — Россия: Большой лингвострановедческий словарь [Текст] / В. И. Борисенко, Ю. А. Вьюнов, С. К. Милославская и др. — АСТ-ПРЕСС КНИГА М, 2007. — 726 с.
248. РТС 2001 — *Лопатин, В.В., Лопатина, Л.Е.* Русский толковый словарь. — 7-е изд., испр. и доп. [Текст] / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. — М.: Русский язык, 2001.
249. САН 1977 — Словарь ассоциативных норм русского языка [Текст] / Под ред. А.А. Леонтьева. — М.: МГУ, 1977. — 190 с.
250. САРЯ 1985 — *Львов, М.Р.* Словарь антонимов русского языка [Текст] / М.Р. Львов. — М.: Русский язык, 1985.
251. СД 1999 — *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. [Текст] / В.И. Даль. — М.: Рипол-Классик, 1999. — Т. 3.
252. СЕ 2000 — *Ефремова, Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Текст] / Т.Ф. Ефремова. — М.: Русский язык, 2000.
253. СО 1993 — *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений — 14-е изд., дополненное [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова.. — М.: Азбуковник, 1993.
254. СРА 2000 — *Елистратов, В.С.* Словарь русского аргю: Материалы 1980-1990 гг.: Около 9 000 слов, 3 000 идиоматических выражений [Текст] / В.С. Елистратов. — М.: Азбуковник; Русские словари, 2000. — 694 с.
255. ССРЯ 1970 — Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. [Текст] / Под ред. А.П. Евгеньевой.— Л.: АН СССР, Институт русского языка, 1970. — Т.3.
256. СССРЯ 1983 — Словарь сочетаемости слов русского языка [Текст] / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. — М.: Русский язык, 1983.

257. СТ 1985 — *Тихонов, А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка в двух томах: Ок 145000 слов: В 2-х т. [Текст] / А.Н. Тихонов. — М.: Русский язык, 1985. — Т 2.
258. СУ 1996 — Толковый словарь русского языка: В 4-х т. [Текст] / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: «Терра», 1996. — Т. 3.
259. ТСРЯ-XXв. 1998 — Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения [Текст] / Под ред. Г.Н. Складерской. — СПб.: Фолио-пресс, 1998.
260. ТСРЯ-XXв. 2005 — Толковый словарь современного русского языка конца XX века. Языковые изменения [Текст] / ИЛИ РАН; Под ред. Г.Н. Складерской. — М.: Астрель, 2005.
261. ФСРЯ 1968 — Фразеологический словарь русского языка [Текст] / Составители: Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров / Под ред. А.И. Молоткова. — М.: «Советская Энциклопедия», 1968.
262. ФЭС 1983 — Философский энциклопедический словарь [Текст] / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов.— М.: Советская энциклопедия. 1983. — 840 с.
263. ФЭС 2003 — Философский энциклопедический словарь [Текст] / Ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. — М.: ИНФРА-М, 2003. — 576 с.
264. ЭСРЯ 2003 — *Семенов, А.В.* Этимологический словарь русского языка: Русский язык от А до Я [Текст] / А.В. Семенов. — М.: Издательство «ЮНВЕС», 2003.
265. ЭСРЯФ 1986 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х тт. — Изд. 2-е, стереотип. [Текст] / Пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева; Под ред. и с пред. проф. Б. А. Ларина.— М.: «Прогресс», 1986. — Т. I
266. ЯБЭС 1998 — Языкознание. Большой энциклопедический словарь [Текст] / Гл.ред. В.Н. Ярцева. — 2-е изд. — М.: Большая российская энциклопедия, 1998.

АНКЕТА ДЛЯ ЦЕПОЧЕЧНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Уважаемый респондент!

Спасибо, что согласились принять участие в нашем исследовании!

Пожалуйста, напишите по 5 слов любой части речи, которые первыми приходят Вам на ум, когда Вы слышите или видите слово «русский». Не нужно долго размышлять – напротив, важны самые первые ассоциации.

РУССКИЙ:

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

БОЛЬШОЕ СПАСИБО ЗА ВАШИ ОТВЕТЫ!!!